

№13

ОРГАН ЦЕНТРА КУЛЬТУРЫ ЭМИГРАНТОВ

НА РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Editor: Cultural Center for Soviet Refugees

THE ONLY BILINGUAL
(RUSSIAN ENGLISH)
MAGAZINE DEDICATED
TO AN EXCHANGE OF
IDEAS AND MUTUAL
UNDERSTANDING
BETWEEN RUSSIAN
AND AMERICAN
CULTURES

“WORD” — «СЛОВО»

English-Russian Magazine

СОДЕРЖАНИЕ

НАШИ ИНТЕРВЬЮ

ИНТЕРВЬЮ с генерал-полковником <i>Дмитрием Волгогоновым</i>	1
БЕСЕДА с создателями фильма "Хлеб и соль": продюссером <i>Терри Манн</i> , режиссером <i>Джин Каллачи</i> участницей фильма <i>Ириной Муравьевой</i>	7

ПРОЗА

<i>Ирина Муравьева</i> . Рассказы. ПЕТРОВСКИЕ ПАЛАТЫ.....	20
СНЕГ.....	23
СНИМИТЕ НАС.....	24
<i>Фридрих Горенштейн</i> . ЛЕТИТ СЕБЕ АЭРОПЛАН. Свободная фантазия по мотивам жизни Марка Шагала (отрывок из киномомана).....	27
СТРАНА, ГДЕ МЫ ЖИЛИ <i>А. Янов</i> . УЧЕНИЕ ЛЬВА ГУМИЛЕВА. Глава из книги "Веймарская Россия".....	38
<i>М. Эпштейн</i> . НАРОД И НЕНАРОД. Триптих (О национальном и социальном современной России).....	58
<i>Питер Бувалда</i> . Бывший посол Голландии в Советском Союзе. ДИПЛОМАТИЧЕСКИЙ ДНЕВНИК ИЗ МОСКВЫ. Отрывок.....	69

НАША ЖИЗНЬ

<i>П. Тарханов</i> "КТО ТАМ ШАГАЕТ...".....	77
<i>В. Левин</i> . ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОРЬ.....	79
<i>Н. Евгеньев</i> . КТО МЫ?.....	82

АМЕРИКАНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

<i>И. Мартынов</i> . ПАМЯТИ ВЕЛИКОГО МАСТЕРА. А. АЗИМОВ (1920-1992).....	87
<i>А. Азимов</i> . ПОСЛЕДНИЙ ОТВЕТ. Рассказ.....	89

ПОЭЗИЯ

"Я ТОЛЬКО РАКОВИНА, ГДЕ ЕЩЕ НЕ УМОЛК ОКЕАН" К столетию со дня рождения Марины Цветаевой (1892-1992) <i>М. Цветаева</i> . СТИХИ.....	98
<i>А. Межиров</i> . ПОЗЕМКА. Стихи.....	103

КИНО

<i>Б. Владимирский</i> . "НЕ ТЕРЯЙТЕ ОТЧАЯНИЯ" (о фильме Киры Муратовой "Астенический синдром").....	113
<i>Иван Мартынов</i> . ПОТОНУВШАЯ РОССИЯ (о фильме Говорухина "Россия, которую мы потеряли").....	115

ЖИВОПИСЬ

<i>А. Гарбуз</i> . САРЫ-БИЯ: НОСТАЛЬГИЯ ПО ЦЕЛЬНОСТИ. О выставке башкирских худож- ников в Москве. 1991г.....	120
---	-----

НОВЫЕ ИМЕНА

<i>Григорий Марк</i> . СТИХИ.....	129
-----------------------------------	-----

ЮМОР

<i>М. Жванецкий</i> . ЦИРК НА КЛАДБИЩЕ.....	131
ХРОНИКА ЦЕНТРА КУЛЬТУРЫ	133

CONTENTS

OUR INTERVIEWS

CONVERSATION with <i>Terry Mann</i> , <i>Jean Callachia</i> and <i>Irina Muravieva</i> , the creators of the movie <i>Bread and Salt</i>	7
---	---

THE COUNTRY WE LEFT BEHIND

<i>A. Yanov</i> LEV GUMILEV'S THEORY. A chapter from the book <i>The Weimar Russia</i>	38
--	----

Peter Buwalda. MOSCOW'S DIPLOMATIC JOURNAL.

Fragment.....	69
---------------	----

OUR LIFE

<i>V. Levin</i> . POLITICAL MEASLES.....	79
<i>N. Evgeniev</i> . WHO ARE WE?.....	82

AMERICAN LITERATURE

<i>I. Martynov</i> . TO THE MEMORY OF THE GREAT MASTER I. ASIMOV (1920-1992).....	87
<i>I. Asimov</i> THE LAST ANSWER.....	89

POETRY

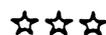
To the 100 anniversary of Marina Tsvetayeva's birthday (1892-1992) <i>Marina Tsvetayeva</i> . POETRY.....	99
---	----

NEW NAMES

<i>Gregory Mark</i> . VERSES.....	129
-----------------------------------	-----

HUMOR

<i>M. Zhvanetsky</i> . CIRCUS AT THE CEMETRY.....	131
CHRONICLE OF THE CULTURAL CENTER	133

Board of editors:

Mikhail EPSTEIN, Alexander MEZHIROV, Lyubov POTEKHINA, Semion RESNIK, George SAMOILOVICH, Lyudmila SHTERN,	Larisa SHENKER - editor-in-chief, Irina SLUZHEVSKAYA Lidia TARTAKOVSKY, Peter TARTAKOVSKY, Kathy YUNG, Leon BELOKON - artist
---	---

СЛОВО—WORD

All rights reserved.

СЛОВО—WORD — publishing house

139 East 33rd St. # 9M

New York, N.Y. 10016

Tel. (212) 684-2356 (212) 447-9603

НЕИЗВЕСТНЫЙ ЕВГЕНИЙ ВИНОКУРОВ

Звонк. Евгений Винокуров, поэт, при смерти. При смерти?

Говоря о войне, он вспоминал стихотворение Суркова: "Бьется в тесной печурке огонь..." Какой там огонь в тесной печурке? "Мы стояли всю ночь по шею в ледяной воде", - сам удивлялся он тому, что жив.

Вот что значило быть при смерти. Он был всю ночь при ней, при смерти. Говорят: он вернулся с войны. Но война велась так, что человеческий организм выдержать ее без повреждения не мог. Тот, кто не потерял жизнь, потерял здоровье - был потом при смерти всю жизнь.

Все знают того Винокурова, который был в советской литературе. Но существовала другая литература. Устная. Эта литература измеряется не количеством экземпляров, а количеством часов диалога. Сколько мы наговорили с ним таких часов? Тысячи. Последние часы диалога шли в течение его приезда в США.

Винокуров этого диалога не запечатлен с помощью типографской краски или даже пленки. Опубликовать такой диалог ни я, ни он не могли потому, что в России он не соответствовал образу поэта Евгения Винокурова в советской литературе, а на Западе потому, что на Западе диалог на пять тысяч часов о человеке и судьбе человечества можно опубликовать лишь в университетском издательстве, после чего его прочтут два профессора по долгу службы и ничего не поймут.

Главным орудием познания человека была для того Винокурова, Винокурова диалога, - самоирония.

"У вас никого сегодня не будет?" - спрашивал он меня, приехав к нам на дачу.

В ужасе:

- Люди - чудовища.

Словно прилетел с десятого райского неба Данте и впервые увидел людей:

- Чу-до-ви-ща.

Но все дело в самоиронии:

- Я тоже, конечно, чудовище, но сам себя я, по крайней мере, могу выносить.

Вне нашего диалога наше официальное положение было различным. Я отказался вступить в Союз писателей, хотя имел на это право как переводчик художественной литературы, а его дружеские попытки напечатать мою прозу не увенчались успехом. У него же было множество официальных постов и

званий. Я думаю, эта разница возникла не в силу разницы в нашем душевном складе, а в силу разницы в нашей судьбе. Я из привередливой интеллигентной семьи и был донельзя привередлив. А он в войну стоял всю ночь по шею в ледяной воде. После этого привередничать не будешь - давай хоть Союз писателей.

Но наше официальное положение мы оставляли за порогом диалога. В диалоге мы были вне общества. Диалог был между двумя чудовищами. Единственная нечудовищная (человеческая) черта нас обоих заключалась в осознании своей чудовищности, а, возможно, свыше 99% людей-чудовищ кажутся себе Иисусами Христами или во всяком случае хорошими ребятами.

Он приезжал к нам, рассказывая какой-нибудь случай жестокости, вероломства, зависти, подлости или другого проявления чудовищности. "Но это же чу-до-вищно, - поражался он. - Какое чу-до-вище."

Потом он успокаивался, и улыбка философа играла на его устах весь день. Его жена говорила, что эта улыбка не отражена ни на одной его фотографии.

Он называл нашу дачу Телемским аббатством и прибавлял: "Вдали от безумствующей толпы". Ему нравилось, что когда меня спрашивали, указывая на соседний участок или лес: "А что там?", то я всматривался, а потом отвечал: "Там? За забором везде советская власть".

- Впрочем, еще Черчилль говорил, - вспоминал он, - что человека надо спасти от самого себя. Это и есть английское политическое устройство, восходящее к XIII веку. Устройство для спасения человека от самого себя.

Но значит ли это, что человек счастлив на Западе?

- Запад, Запад, - роняет слова мой гость, закинув руку крылом ангела за спинку садовой скамьи.

Давай ронять слова...

- Я был на Западе, - роняет он слова уже почти в изнеможении. - Я говорил с Эзрой Паундом.

Повторяя, на глаголах "был" и "говорил" он делает некоторое ударение.

- Я был на Западе, - повторяет он, ударяя уже каждое слово, но особенно слово "был".

- Я был на Западе. Я говорил с Эзрой Паундом. Я обедал с Сартром.

Он снова откидывается, чтобы ронять слова:

- Да ничего особенного. Вы преувеличиваете.

Давай ронять слова...

- Люди всегда недовольны, - роняет он снова слова, но при этом начиная их растягивать и раскачивать.

- Люди всегда недовольны, - громко растягивает-раскачивает он слова, когда мы уже в доме, комната, как собор, даже некоторая гулкость.

И словно вспоминая собственное прошлое:

- Какая жизнь была в России в году этак четырнадцатом. "Еще в четырнадцатом, Нина, ты хрупкой девочкой была". Помните, откуда?

- Нет.

- Берман, "Новая Троя". Какая жизнь была в России, когда эта Нина хрупкой девочкой была. Новая Троя. Какая свобода.

Он начинает горячиться:

- Слушайте: "Правда" продавалась в киосках. Газета, призывающая к насильственному ниспровержению существующего строя, продается в киосках. Две копейки. Нет, все недовольны. "Мы дети страшных лет России". Ах так? Ну так теперь будут счастливые годы России. И все стали счастливы. Помните? При Сталине? Старик. Нищий. Но на лыжах.

Он закрывает рукой глаза, изображая ужас, и шепчет, как трагический актер:

- Нищий старик на лыжах.

Затем, мешая сарказм, удивление и зависть:

- Смерть от счастья на лыжах.

И опять, вздымая-бросая каждое слово под своды:

- Теперь все опять недовольны.

- Давайте выйдем в сад, - начинает он опять ронять слова. - Я знаю, для чего надо жить: для прекрасного цвета лица.

Но мы не трогаемся, и тогда он говорит как бы Богу, или миру, или с расчетом на образованных, понимающих, может быть, даже сочувствующих там - представляется, как с задумчивым видом один из них будет прослушивать пленку, и потом остановит и скажет: "Остальное, когда приду из отпуска".

- Господи, - выдыхает он три слова тысячелетнего обращения в славянском звательном падеже: хос-по-ди, и я вспоминаю, что отец его был истово православным, и христианство, Эпиктет, Марк Аврелий, Отцы церкви занимали и его самого все больше и больше. - Господи, да как же мне благодарить Тебя за то, что Ты просветил их в Кремле до такой невозможной степени, что мне, пылинке живого ничтожнейшей, даруют они не только жизнь, но и драгоценнейшие, дерзкие, незаслуженные вольности, о которых мне и помыслить боязно. Я, червячок, невидимый микроб, бактерия, в сравнении со вселенной, могу вольнодумства свои запечатлеть на бумаге для прочтения своего или для потомства. Собственная бумага. Частная ручка. Чудо-то, чудо какое, Господи. За что? Что же я, червячок микроскопический, росточек бактериальный, со-вершил, чтобы заслужить такие бесподобные вольности? Значит, не совсем уж Тебе я весь мерзок, есть и во мне проблеск, видимый только Тебе, Господи, и Ты воздаешь за него сторицей.

И он улыбался той улыбкой, которой нет ни на одной фотографии.

Лев Наврозов
Нью-Йорк
25 января 1993 г.

Приблизь прогно по зверьши подкова.

Моя лоб кораб для рук моих твоя...

А смерть придет? Ну что же так такое?!

Я ниш, я да, я мошши, я ушел...

* * *

Когда зима, то в стое ко мне
Ты могла прийти
Там же, где я нарисовал
Меня в прошлые дни
Ищет плоть, что был прошлой
Дождя и голода,
Но где-то в глубине стала
Живым мой будет дух ...

* * *

В полях за Вислой сонной
Лежат в земле сырой
Сережка с Малой Бронной
И Витька с Моховой.

А где-то в людном мире,
Который год подряд,
Одни в пустой квартире,
Их матери не спят.

Свет лампы воспаленной
Пылает над Москвой
В окне на Малой Бронной,
В окне на Моховой.

Друзьям не встать. В округе
Без них идет кино.
Девчонки, их подруги,
Все замужем давно.

Пылает свод бездонный,
И ночь шумит листвою
Над тихой Малой Бронной,
Над тихой Моховой.

1953

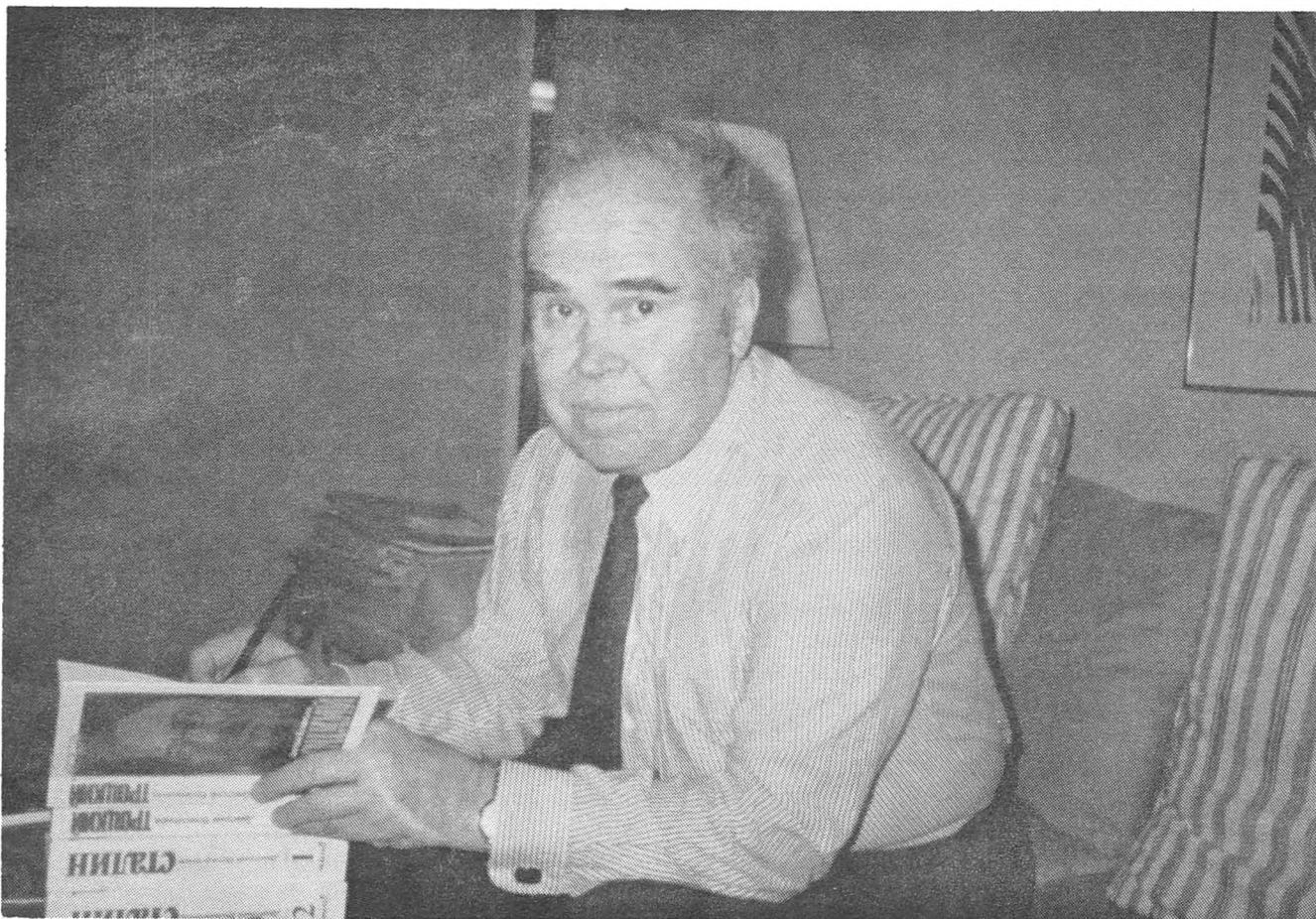

Фото Исаака Тарасулло

ИНТЕРВЬЮ

С ГЕНЕРАЛ-ПОЛКОВНИКОМ

ДМИТРИЕМ ВОЛКОГОНОВЫМ

Генерал-полковник Дмитрий Антонович Волкогонов - Советник Президента Российской Федерации, председатель Парламентской комиссии по приему архивов КПСС-КГБ, сопредседатель Российско-Американской Комиссии по выяснению судьбы иностранцев-узников ГУЛАГа.

Слово-Word. Расскажите, пожалуйста, о Ваших последних книгах, посвященных лидерам Коммунистической партии.

Д.А. Волкогонов. В России уже изданы две книги из триптиха "Вожди": "Сталин" и "Троцкий". Но, конечно, особенно неожиданной может стать третья книга, "Ленин",

потому что при ее написании я пользовался документами, которые практически никто и никогда даже не держал в руках. Это три тысячи семьсот двадцать четыре ленинских документа, которые лежали, как в атомном бомбоубежище, в особом фонде политбюро с грифом "Хранить вечно". И все они разрушают созданный партией образ Ленина.

С. Как отразились опыт работы и критика двух ваших первых книг на работе над третьей книгой трилогии?

В. Книгу о Сталине я писал пятнадцать лет назад, когда еще был полностью в плену старых догм, хотя сейчас написал бы о Сталине

так же, и ни от чего не отказываюсь. Но о Ленине, о революции написал бы совершенно по-другому. Ведь это писалось в конце семидесятых. Книга пролежала у меня семь лет, и я не мог ее опубликовать.

Я, конечно, не сумел бы в то время попасть в фонд Сталина, если бы Александр Николаевич Яковлев мне не помог. Даже потом, когда мне удалось напечатать в "Литературной газете" предисловие и несколько глав, меня тут же сняли с работы, потому что там, по существу, подвергается сомнению справедливость системы, идеологии, всего...

С. ... и официальное освещение начала войны...

В. Книга о Троцком, которая была написана лет семь тому назад, в начале перестройки, - в том же ключе. И в ней я также не откажусь ни от одного слова.

Книга же о Ленине, думаю, будет сенсационной. Во-первых, это в какой-то степени моя юбилейная, тридцатая книга, и я за это время чему-то научился. Во-вторых, с таким фантастическим материалом, каким я как председатель Парламентской комиссии по архивам обладаю, просто грешно написать плохую книгу. Тем более, что я не только рассказываю о личности Ленина, но показываю крах его постулатов, его идей, доводя это вплоть до наших дней. Показываю внутривнутрипартийную кухню, нравы... В книгах о Сталине, Троцком, Ленине через призму судеб этих людей проходит вся история партии, советская история.

С. Что толкнуло Вас 10-15 лет назад, когда ничто не предвещало современных событий, начать писать эти книги?

В. В молодости, еще будучи лейтенантом, я был настоящим сталинистом. Мой отец был расстрелян, мать умерла в ссылке, но я считал, что в этом нет вины Сталина. После двадцатого съезда какие-то внутренние устои поколебались, но я остался ортодоксальным марксистом. Последние же двадцать лет я работал начальником Управления психологической войны. Побывал на многих локальных войнах: на Африканском Роге, на Ближнем Востоке, на Дальнем Востоке, в Афганистане - везде, где силой оружия насаждались наши порядки, наша идеология, наша система. **Я увидел, что везде они терпят страшный крах.** В результате этого и изучения истории я пришел к глубочайшему убеждению, что наша идеология ложна.

Я не был таким, как Сахаров, который бунтовал, но полагаю, что в числе первых заявил открыто о том, что в действительности

думаю. На совещании высшего руководящего состава Советской Армии я выступил с предложением отказаться от политорганов, от института комиссаров, создав вместо него нейтральные органы информации. Тем же вечером я был отстранен от должности. Меня, конечно, сразу же уволили бы в запас, и Горбачев несколько раз пытался это сделать, но я был депутатом Верховного Совета на протяжении многих лет, и Парламент проголосовал против этого решения.

На последнем партсъезде я добивался у Горбачева, чтоб он дал мне слово. Когда я, наконец, прорвался к трибуне и начал говорить о том, что если два-три года тому назад партия в качестве социал-демократической еще имела какие-то шансы сохраниться, то теперь и она, и восточноевропейские партии обречены, начался страшный топот. Как же, генерал-полковник говорит такое! Мне так и не дали договорить и согнали с трибуны. Я оставался в изоляции вплоть до августа 1991-го года.

С. То есть Вы были белой вороной.

В. Да. В течение трех лет мне никто не подавал руки. Мне, генерал-полковнику, дали полковничью должность начальника института (Института военной истории - Ред.). Там затеяли писать десятитомную историю Отечественной войны. Написали четыре тома. Обсудили - признали антисоветчиной. Вернули на доработку.. Во второй раз мы предложили почти то же. На заседании присутствовали члены Политбюро, министры, маршалы. Они сказали, что я выполняю задание спецслужб, что это подрывная книга. Печально то, что из нескольких присутствовавших академиков меня никто не поддержал. Когда мне дали слово, я сказал, что ничего не изменю, что, может быть, мы и плохую книгу написали, но надо было бы сказать еще больше правды.

Варенников начал кричать: "Вывести его из зала, это предатель, это оппортунист!" В общем, всякие ужасные слова. Меня сразу же сняли с должности, и я ушел к Ельцину.

С. Дмитрий Антонович, как Вы рассматриваете марксизм-ленинизм, как чуждый России или в какой-то мере сросшийся с ней и приобретший черты народного характера?

В. Вы знаете, когда в конце прошлого века, на пороге нынешнего, начала развиваться российская социал-демократия, она держалась в европейских демократических рамках, (отсутствие насилия, представительства) и, я думаю, имела шансы выжить. Я считаю, что в дальнейшем социал-демократия эти шансы утратила. Сохранилась только одна идея -

социальная справедливость, но не как уравниловка (большевицкое понимание), а как христианская ценность.

Когда же социал-демократы приходят к власти, у них часто ничего не получается, так как их идеи утопичны. Я считаю, что ленинизм был попыткой создать узкую, заговорщическую, якобинскую, диктаторскую партию, используя некоторые европейские мотивы. Конечно, она была обречена на исторический неуспех. Я так и написал в книге, что в тот день, когда Ленин в октябре 17-го года одержал чудовищно легкую, фантастически неожиданную победу, это было началом грядущего поражения. Потому что эта победа шла вразрез с исторической логикой. Просто власть валялась на мостовой Петрограда. Ленин оказался умнее других - подобрал ее, пообещал народу мир и землю, но зато отнял у него свободу. А без свободы цена земли и мира оказалась ничтожной, нулевой. И, по существу, все кончилось величайшим обманом. Так начался страшный эксперимент, который длился семьдесят лет.

С. А как Вы расцениваете шансы у Ельцина в борьбе с парламентом, с консерваторами?

В. Положение сейчас, конечно, чрезвычайно острое, борьба еще не закончена, и исход ее не ясен. Тот, кто считал, что с приходом Ельцина и демократического крыла к власти все уже решено, ошибался. Я думаю, что ближайшая кульминация будет в декабре.

С. Это съезд?

В. Да, это съезд. Это чертовски надуманная вещь. Над парламентом должен стоять только Бог и народ. А здесь еще придумана эта чудовищная горбачевская система, этот митинг всероссийский, где ничего решить нельзя, тем более, при консервативном большинстве (процентов тридцать бывших секретарей обкомов и райкомов).

С. Это еще со времени выборов восемьдесят девятого года?

В. Конечно. Это еще когда партия была у власти.

Они попытаются конституционным путем ликвидировать институт президентства, чтобы избавиться от Ельцина, а это была бы катастрофа. Я возглавляю фракцию левого центра, и мы хотим не дать событиям развиваться подобным образом.

С. А распустить?

В. Вы знаете, распустить - это уже чрезвычайщина. Это уже от большевиков. Мы решили, что нужно сделать все демократическим путем, чтобы сохранить эту власть. Принять обязательно конституцию, где

нет этих съездов и никаких социалистических выборов.

Будет, конечно, очень трудная борьба. Я расцениваю сегодня шансы так: 60% за сохранение курса, а 40% составляют партократы, националисты и т. д.

С. То есть все это шатко, можно сказать.

В. Я бы сказал, в достаточной мере шатко. Единственно, что спасает, - это то, что у нас все же есть лидер национального масштаба. Трагедия заключается в том, что хотя есть лидер первый, но нет второго, третьего, четвертого, пятого. Может быть, появляется только десятый, одиннадцатый... Разрыв.

С. Может случиться то же самое, что произошло с Горбачевым. Ведь он специально подбирал людей, которые не подходили на роль лидеров.

В. Да, Горбачев окружил себя людьми в большинстве случаев третьесортными в интеллектуальном отношении, злыми в политическом отношении, ретроградными в социальном плане. Я думаю, что Ельцин в этом смысле другой.

С. Не упустил ли Ельцин, начиная с августа, шансы политической мобилизации?

В. Ну, Вы знаете, демократическое правительство, конечно, допустило много ошибок. Это бесспорно. Поэтому самый главный способ изменить ситуацию - сделать так, чтобы реформы дали хоть какой-то небольшой результат, который бы почувствовали люди. Поэтому, когда собираемся мы, члены высшего совета - Совета безопасности, я говорю: "На очередном съезде надо показать народу, что сделано что-то. Ну, в экономике за месяц ничего не изменишь. Давайте что-нибудь сделаем с преступностью, проведем какой-нибудь процесс с коррупцией. То есть то, что можно сделать за короткий срок". Я считаю, что нужно вдохнуть веру: смотрите, власть имеет законные основания, она с чем-то борется.

С. Вы хотите сказать, что нужны хотя бы небольшие успехи?

В. Хотя бы небольшие, хотя бы частичные, которые могут как-то повлиять на общественное сознание.

С. Как Вы оцениваете результаты Вашей поездки? В каком состоянии находится разрешение проблемы пропавших без вести и как это влияет на американо-советские отношения?

В. Я смотрю на эти вещи философски. Конечно, для Америки проблема эта имеет огромное нравственное значение. Но в стране, гражданином которой я являюсь, не все

понимают, что для нас она имеет значение не меньшее, может быть, даже большее. Именно моральное значение.

Почему? Да потому, что в нашей стране никогда не ценилась человеческая личность. Неизвестно, где могилы миллионов людей, погибших в ГУЛАГе. Я не знаю, где похоронен мой отец, где и когда он убит. Их просто сваливали в братскую могилу. Сотни тысяч пропали без вести в Отечественной войне - никто не знает, где они. Общество привыкло двигаться путем жертв; цена человеческой жизни была ничтожной.

И вот то, что мы занимаемся американской проблемой, показывает, что в гуманном обществе цена личности высока. Тридцать человек... Американский солдат-парашютист пропал где-то. Мы сейчас ищем хотя бы его могилу. Мы видим, что должно быть главной ценностью в обществе: свобода и права личности, права личности и свобода.

Вчера я встречался с Иглбергером, Кроукрофтом и Гейтсом для того, чтобы они помогли нам разыскать людей, пропавших в Афганистане. По нашим подсчетам там и сейчас еще живы 87 человек.

С. А если по большому счету, Дмитрий Антонович, каким образом Америка могла бы помочь России на данном этапе? Хотя бы не с политической точки зрения, а с обычной, человеческой?

В. Я бы хотел сказать, что существовала как бы традиция: когда в Америке приходили к власти демократы, отношения с Россией бывали хуже, чем когда у власти были республиканцы. Мы надеемся, что Клинтон поломаёт эту традицию.

С. Тем более, что Россия сейчас другая.

В. Конечно, другая. Борис Николаевич рассказывал мне, что он имел весьма содержательную, внушающую оптимизм беседу по телефону с вновь выбранным президентом Клинтонем.

Чем Америка могла бы помочь? Дело в том, что если Ельцин сейчас проиграет - проиграет и Америка, и весь Свободный мир. Он будет иметь тоталитарное, атомное, милитаристское государство. Если бы наша страна была такой, как Люксембург, либо как Гватемала, действительно имело бы значение: дали нам на миллион больше или на миллион меньше. Однако Россия может перестать быть супердержавой, но великой державой с колоссальным потенциалом она останется. Поэтому нам в первую очередь надо помочь морально. Надо показать, что вообще крупные

реформы, переход на новые рельсы всегда бывают трудными.

Во-вторых, Америка могла бы нам помочь интеллектуально, организационно. Для многих бывших советских людей, россиян, "рынок", "маркетинг", "предпринимательство" - совершенно новые понятия, новые категории. Люди нуждаются в изменении образа мышления. Если бы почаще приезжали лекторы в наши университеты, если бы читались различные кратковременные курсы, допустим, предпринимательства, маркетинга, бизнеса, если бы увеличили количество стипендий для русских студентов, может быть, пригласили сотню-другую в некоторые ведущие университеты США, - такая помощь сыграла бы огромную роль.

С. Ваши американские собеседники отнеслись к этому с интересом?

В. С интересом. Я разговаривал со многими людьми и думаю, что они понимают это. Надо запустить двигатель, который работал бы не по тоталитарной, а по цивилизованной схеме. Тогда мы сумеем обеспечить себя и будем надежными партнерами в любой области.

Вот, например, я говорил с некоторыми военными в Пентагоне: мы могли бы сотрудничать в борьбе с терроризмом, в борьбе против распространения ядерного оружия, в борьбе за международную стабильность.

С. В действиях по поддержанию мира...

В. И по поддержанию мира, конечно.

С. Дмитрий Антонович, раз мы в какой-то степени перешли к военным вопросам, а Вы один из самых крупных специалистов в этой области, не скажете ли Вы нам, каковы основные направления, по которым должна проходить реорганизация русской армии? Какой она должна быть?

В. Армию, безусловно, нужно реформировать, но главное - ее нужно сократить в два раза с совершенно фантастически огромного размера (без малого трех миллионов человек) до полутора. Оказалось, что сокращать армию так же трудно, как и наращивать. За семьдесят лет эта проблема впервые рассматривалась в Верховном Совете. Раньше армия была органом КПСС, ее инструментом.

И сокращать приходится одновременно с выводом войск из Германии, Польши, Прибалтики, Кубы, из Монголии, Закавказья и Средней Азии. Сейчас у нас двести тысяч бесквартирных военных, и их количество, видимо, возрастет до трехсот тысяч. Человека нельзя просто выбросить, взять билет и сказать ему: "Ты свободен". Он завтра пойдет к Жириновскому, к коммунистам.

Это нельзя. Тем более, что организованные молодые люди, прошедшие армейскую школу, - прекрасная потенциальная рабочая сила. Поэтому мы сейчас как никогда много строим для военных, создаем курсы по переподготовке, снижаем пенсионные пределы. Человек после двадцати лет службы может начать новую жизнь. Я внес проект (который в принципе одобрен), что государство будет платить за квартиру или за домик, если человек, уволившись, найдет себе их.

Средства для этого могут быть получены от продажи огромного количества оружия. В декабре прошлого года, когда распался Союз, у нас было шестьдесят три тысячи танков - больше, чем во всем остальном мире. И это у страны, которая говорила, что заботится только об обороне!

Конечно, нельзя продавать ни Хуссейну, ни Кадаффи. Вообще это непопулярное дело - продавать оружие, но у нас сложная ситуация.

С. Каким образом будут разрешены межнациональные конфликты? Каким образом можно прийти к какому-то соглашению и утихомирить страсти?

В. Сейчас есть две самые страшные опасности для России. Это призрак старого, которое, маскируясь в новые одежды, пытается вернуться: тоталитаризм, неолевашизм. И вторая опасность, страшный монстр - национализм. Особенно это страшно в стране, где проживало около ста наций и народностей. Лозунг самоопределения уже становится для нас непозитивным. Если пойти по этому пути, то отделились бы бывшие автономные республики, потом они еще поделались бы, и в конце концов могло бы поделиться каждое село: там ведь есть украинцы и русские, казахи и так далее. Поэтому я считаю, что нужно провозгласить принцип культурной автономии, то есть каждая нация имеет право на свой язык, культуру, институты, газеты и т. п. Но все это в пределах территориальной государственной целостности. В рамках России. Нужно заранее четко сказать, что любая попытка выхода из страны должна быть исключена.

Может быть, кто-то скажет: а как же право нации на самоопределение? Но сколько в мире государств, где этот вопрос вообще не ставится?!

С. И ведь население перемешалось.

В. Перемешалось. На Украине, например, сейчас двадцать процентов русских, в Казахстане - сорок пять. Поэтому я считаю, что национально-культурная автономия, терпимость, максимальное использование полити-

ческих средств дадут возможность выйти из этой полосы долгих национальных конфликтов. Сейчас на должность председателя специального комитета по национальным отношениям пришел человек достаточно интересный - Сергей Шахрай. Он тоже из нашей фракции - левого центра. Будем помогать ему всячески. Я думаю, что терпеливо, медленно, спокойно мы справимся с этой ситуацией.

С. У меня есть несколько вопросов, относящихся к еврейской тематике. Если Вы помните, дело Демьянюка началось с его солдатской книжки, которую на Западе многие объявили подделкой КГБ. Потом появились новые документы из советских архивов, якобы о том, что Иван Грозный был не Демьянюк, а Марченко. И этим документам верят. А началось ли основательное изучение архивного материала по делу Демьянюка?

В. Я недостаточно хорошо знаком с делом Демьянюка, но должен сказать, что антисемитизм на государственном уровне начался еще с гражданской войны. Когда прославленная Первая Конная Буденного учинила страшные еврейские погромы на Украине и в Белоруссии, доложили Ленину, и он на этих документах просто написал "В архив", не приняв никаких мер.

В. целом по-настоящему всегда существовал, я бы сказал, скрытый антисемитизм. В армии это, может быть, проявлялось меньше. Однако часто было так, что при назначениях на какие-то высшие должности обязательно проверяли национальность. И существовала такая графа в анкете. Ну, кому какое дело, какой я национальности!

С. Пятая графа.

В. Да, пятая графа. Я считаю, что само по себе наличие этой графы является уничижительным и дискриминационным. Из-за нее в высшем командном составе армии евреев почти не было. Ну там, Драгунский, который отличился во время войны, дважды герой; а так евреи были врачи, преподаватели, инженеры и так далее. Но не на командных должностях. Хотя никаких таких прямых инструкций не было.

С. И нет архивных документов, говорящих, что, например, евреев не принимают в институт и т. п.?

В. Нет, документов не было. Это были какие-то неписанные правила, которые, конечно, кем-то инспирировались и как-то поддерживались. Молчаливо считали, что это норма жизни. Если бы тот же ЦК или Генеральный секретарь возразили, этого бы не было.

Вот, например, у меня было и есть много хороших друзей евреев. В Англии есть человек, которому я, может быть, обязан жизнью, - Гарри Шухман. В прошлом году, как раз накануне августа, у меня обнаружили опухоль, рак. Со мной тогда никто не здоровался, на меня косо смотрели, и мне ложиться в наш госпиталь было равносильно смерти. Жена, не спрашивая меня, позвонила моему знакомому, Шухману, в Оксфорд. Он сказал: "Приезжайте. Все сделаем, что в моих силах".

За сутки до операции она увезла меня в Лондон. Мне отрезали треть кишечника, треть печени. Это страшная операция, конечно. 19-го августа, кстати, делали, в день путча. Я оттуда по радио обращался к армии.

С. То есть вы заново родились.

В. Да, и помог мне Гарри Шухман. Просто по-человечески отнесся, не будучи ничем мне обязан. Сейчас он, пожалуй, один из моих ближайших друзей. Или вот мой самый первый командир, капитан Шехмистер. Я тоже сохранил о нем очень теплое воспоминание. Но чем выше я продвигался по официальной лестнице, тем национальности придавалось большее значение. Поэтому здесь надо видеть несколько уровней. Официальную политику, которая как бы не замечала и поощряла антисемитизм, и простых людей, которые на это плевали.

С. А какие, Дмитрий Антонович, новые архивные сюрпризы нас ожидают в будущем? Вы ведь сделали много открытий!

В. Я своими руками, вместе с еще двумя-тремя людьми, работая в последние два месяца с очень важными архивами, нашел две папки документов, которые, я считаю, имеют историческое значение. Во-первых, документы Политбюро, которые предписывали расстрелять двадцать одну тысячу поляков. Это скрывалось. Сначала сваливали на немцев, потом на Берия. А это было распоряжение Политбюро.

Интересно, что когда я эту папку открыл... Я не мистик, но цифры были какие-то мистические. Этот протокол имеет тринадцатый номер. Заседание Политбюро состоялось пятого

марта сорокового года. Меня сразу поразила мысль: ровно через тринадцать лет, пятого марта, Сталин умер. То есть как будто Всевышний покарал его за это решение.

Другая группа документов. Помните, как все с пеной у рта кричали, что никаких секретных протоколов к пакту Молотова-Риббентропа не существует? И вот я собственными руками разрезал конверт - это особая папка Политбюро, опечатанная сургучом. На ней было написано: "Вскрывать только Генеральному секретарю. Секретно". Все генсеки знали! Все политбюро знало! И все скрывали! И не один секретный протокол, а целых семь секретных протоколов, представляете?!

С. Они будут опубликованы?

В. Будут опубликованы. Мы уже все отдали в архив МИДа, во Всероссийский архив. Их уже сейчас можно читать.

Есть и другие исключительно интересные документы. Например, "Беседа Сталина с Мао Цзе Дуном". Один на один, с переводчиком, который давно уже умер. Или беседа Сталина с Ким Ир Сенем - как рождалась война в Корее, беседа Сталина с Тито, тоже один на один.

С. Дмитрий Антонович, Вы можете привести цифру, какое количество людей было репрессировано?

В. Ну, почему же нет. Я не один год потратил, занимаясь этим. С начала коллективизации - с этого, так сказать, рубежа - и до смерти Сталина было репрессировано двадцать один с половиной миллиона человек. Из них сорок процентов расстреляли сразу и еще тридцать процентов умерли в лагерях. Выжило лишь тридцать процентов. Однако это не полные данные, если учесть, что тринадцать миллионов погибло в гражданской войне (это не только война, но и террор, и грабежи и так далее) и двадцать семь миллионов человек погибло в Отечественной войне, из них больше половины гражданских. Никогда ни одна страна в мире не теряла столько людей. Эти жертвы - приговор системе.

*Беседу подготовили сотрудники журнала
Исаак Тарасулло (Вашингтон),
Георгий Салойлович (Нью-Йорк)*

Продюсер Терри Мэнн
Producer Terry Mann

In the summer of 1985 Irina Muravyova left the Soviet Union and emigrated to the U.S.A. In the summer of 1991, the final summer of the Soviet Union, she returns to visit her hometown, Moscow.

WORLD PREMIERE! A NEW FEATURE FILM
Bread & Salt

Ирина Муравьева
Irina Muravyeva

**БЕСЕДА С СОЗДАТЕЛЯМИ ФИЛЬМА
ПРОДЮСЕРОМ ТЕРРИ МАНН,
РЕЖИССЕРОМ ДЖИН КАЛЛАЧИЯ,
УЧАСТНИЦЕЙ ФИЛЬМА
ИРИНОЙ МУРАВЬЕВОЙ**

Режиссер Джин Каллачия
Director Jean Collachia

Larisa Shenker: Что поначалу вдохновило вас сделать фильм о России?

Терри Мэнн: Давайте начнем с самого начала. В те времена я имела дело со съемочной группой от Советского Центрального Телевидения, до какой-то степени финансировала ее. Приезд сюда, в Соединенные Штаты. Они приехали в Бостон и взяли у меня интервью. Я была в России пару раз до этого, и голова моя была полна различными суждениями о России: о русских людях, о политической системе, о культуре. И я выражала свои мысли совершенно спокойно. Но вместо того, чтобы обидеться или раздражиться, они были мною очарованы. Не правда ли, Ира?

Ирина Муравьева: Это правда.

Т.М.: И они сказали: не хотите ли вы приехать к нам и сделать документальный фильм, мы вас поддержим. Пятнадцать лет назад я приобрела небольшой опыт в создании фильма, с очень хорошим режиссером, но мое участие было ограничено. Поэтому сначала я сказала им: "Нет, я не могу этого сделать. Я не умею". Затем в течение двух или трех недель по телевидению показывали документальные ленты о России. И я поняла, что я должна это сделать, потому что ни один из фильмов не отражал, что такое Россия и русские люди.

Затем я встретила Джин. Она работала на факультете кинематографии в Университете Центральной Флориды. Она может продолжить историю с этого момента.

Джин Коллачиа: Хорошо. Это немного странная история. Я работала в Университете Центральной Флориды, хотя все еще жила в Лос Анджелесе. Я собиралась ехать домой на весенние каникулы, когда мне позвонил начальник отдела Чарли Харпо и сказал: "Не хотите ли вы поехать в Россию сделать фильм?" Я должна была бы ответить: "О, боже, я в восторге от мысли поехать в Москву и сделаю все, чтобы попасть туда!" Но я была уже девять месяцев далеко от дома, и, по правде, мне не хотелось снова уезжать и оставлять дом и мужа. Поэтому я сказала: "Послушайте, у вас нет оператора, как насчет моего мужа?" "Мы вам поможем", - ответили они.

Затем Ричард, который писал тогда сценарий, стал звонить мне и обсуждать, как лучше его сократить. Тогда я еще не сделала ни одного фильма. Работа в чужой стране на иностранном языке была совсем не лучшим началом.

Larisa Shenker: What originally inspired you to make a movie about Russia?

Terry Mann: Well, let's start from the beginning. At that time, I had a film crew from Soviet Central Television. I supported their trip to the United States to some extent. They came to Boston and interviewed me. I've been to Russia before a couple of times and I've acquired all sorts of opinions and impressions about Russia: about Russian people, about the political system, and about the culture. And I expressed my thoughts quite freely. Instead of being annoyed or insulted by me, they seemed to be charmed.

Ihra, is that right?

Irina Muravyeva: That's right.

T. M.: And they said: "Do you want to visit us and make a documentary. We'll support you." Fifteen years ago I had a little bit of experience in making films with a very good director, but my participation was limited. So, my first response to them was: "No, I can't do that. I'm not a film maker".

Next two or three weeks television started to show documentary pictures about Russia. And I understood, I've got to do it because none of those films really captured what Russia or the Russian people were really like.

Then I met Jean, she worked at the University of Central Florida on the film faculty. She can take the story from here.

Jean Collachia: Okay. This is a bit of a strange story. I worked at the University of Central Florida and I was still living in Los Angeles. I was going to go home for a spring vacation when I've got a call from Charlie Harpo who was a chairman of the department there and he said: "Oh, how would you like to go to Russia to make a movie?" Well, normally I would have said: "Oh my God, I'd love to go to Moscow and will do anything to get in there!" But I had been away from home for nine months and, to tell you the truth, I didn't want to stay away from my home and my husband again. So I said: "Listen, you don't have a camera man, how about my husband?" "We will help you," - answered they.

Then Richard, who was writing the script at that time, was calling me and discussing how to make the script shorter. I had never made a film before. And to start making one in a foreign country with a foreign language didn't seem like a good beginning.

Meantime, I had met Ihra. I liked her instantly. And as I got to know her better, I got more into the movie. And it was really when Fanya, her cousin, showed up, I suddenly saw that there is a movie creating here, and got excited about it...

Finally, I became the director of the film.

The script was coming out and it was necessary to cut it shorter, concentrating it around one character

Между тем я встретила Иру. Она мне сразу понравилась. И чем больше я ее узнавала, тем больше мне хотелось работать. Когда же появилась ее кузина Фаня, я окончательно поняла, что создается фильм, и загорелась. Итак, я стала режиссером.

Вырисовывался сценарий, его было необходимо сократить, сконцентрировать вокруг одного характера, с которым зрители могли бы себя отождествлять. Таким характером стала героиня - Ирина Муравьева. По ходу фильма, находя решения своих вопросов, она менялась сама. Фоном личных коллизий Ирины была страна и ее история. История России такая богатая и такая удивительная, совершенно неизвестная нам. У американцев очень стереотипные представления о русских, почерпнутые из кинофильма "Ниночка".

Знаете, первым, что меня поразило в России, было то, что эти люди смеются. У них отличное чувство юмора. Они очень теплы, как итальянцы.

T.M.: Нет-нет, русские - это нечто среднее между очень депрессивными шведами и слегка легкомысленными итальянцами. Они - совершенная комбинация этих двух черт характера.

Д.К.: Да. И я пыталась рассказать историю своей героини в контексте истории России, рассказать о неслыханной способности выживать, которой наделены эти люди.

Я абсолютно не знаю русский язык. Даже после того, как я слушала его в течение года, я все еще не могу сказать ни одного слова по-русски, кроме "да". Однако я уже знаю, что русский язык имеет целую грамматическую форму для людского сближения.

T.M. Ирочка, Ирушка, Иришечка.

Д.К.: В английском нет ничего похожего на это. Я хотела показать, как ярко, многоцветно умеют они радоваться жизни и выжить, несмотря ни на что, как Ребекка... Через что бы она ни проходила, в ней не чувствуется горечи.

А.Ш.: Терри, вы рассказывали нам о своем разговоре с кинематографической группой от Советского Центрального Телевидения, который мало-помалу привел вас к созданию фильма. Не могли бы вы рассказать нам больше об этом разговоре?

T.M.: Этот разговор состоялся более полутора лет назад.

И.М.: Я, тем не менее, помню, что вы говорили. Вы сказали, что Россия...

T.M.: Я помню реакцию Ирины. Она говорила о моем впечатлении, что русским нравится страдать, что они празднуют,

with whom the audience could identify. Irina Muravyeva became such character. During the film, she solved her problems and changed herself. The backdrop of her story is a country and its history, so rich, so incredible and so unknown to Americans. They have very stereotyped ideas about Russians because of what they have seen in a movie called Ninotchka.

You know, first thing that amazed me in Russia was that those people are laughing. They have a great sense of humor. They're very warm, like Italians.

T. M.: No, no. Russians are like a cross between very depressed swedes and slightly inebriated Italians. They're a perfect combination of those two.

J. C.: Okay. You know, so that's really what I was trying to do: to tell the story in the context of the history of Russia and also show that incredible ability of those people to survive.

I know absolutely nothing about the Russian language. Even after I listened to it for a year, I still don't know how to say one word in Russian other than "da". But I already know that the Russian language has a whole grammatical form for a term of endearment.

T. M.: Irichka, Irushka, Irishechka.

J. C.: There's nothing like that in English. And this is something I wanted to show in the movie: how brightly and colorfully they can enjoy the life and survive no matter what happens, like Rebeca. No matter what she went through, you would not find any bitterness in her.

L. S.: Terry, you told us about the conversation you had with the film crew from Soviet Central TV that eventually led you to making this film. Can you tell us more about that conversation?

T. M.: That conversation happened more than a year and a half ago.

I. M.: I remember though what you said. You said that Russia...

T. M.: I remember Ihr's reaction. She said that I have an impression that Russians enjoy their suffering, that they celebrate their tragedy instead of leaving it all behind and continue their life like every other nation. This is a part of their individuality for centuries. They're great sufferers and they're proud of that.

J. C.: Interesting. The co-editor on this film is Irish. He was born in Ireland and he's remarking on the similarities between the Russians and the Irish. The Irish also sing happy songs about war and sad songs about love. They dramatize their suffering and love it.

T. M.: But they blame it on the English.

J. C.: Of course they blame it on the English.

L. S.: It's opposed to Americans who mainly try "to take it easy".

T. M.: Yes, I would like to point out that all that sounded so negative, but my impressions weren't negative. I love Russia or else I would not have spent a

романтизируют свои трагедии вместо того, чтобы оставить их позади и продолжать жить, как это делают другие народы. Россия заикливается на своих страданиях. Это на века часть их индивидуальности. Они великие страдальцы и этим гордятся.

Д.К.: Интересно. Наш сотрудник по созданию фильма - ирландец. Он родился в Ирландии, и он подчеркивал сходство русских и ирландцев.

Ирландцы тоже поют счастливые песни о войне и печальные песни о любви. Они драматизируют, любят свое страдание.

Т.М.: Но винят в этом англичан.

Д.К.: Конечно, они обвиняют в этом англичан.

А.Ш.: В противоположность американцам, которые стараются относиться ко всему легко.

Т.М.: Да, я хотела бы отметить, что все это звучит слишком негативно, а мои впечатления не негативны. Я люблю Россию. Если бы не это, я бы не потратила полмиллиона долларов и полгода своей жизни на фильм.

А.Ш.: Это так дорого?

Т.М.: Да, это так дорого. Чтобы сделать фильм, нужно потратить много денег и времени. Но с другой, положительной стороны, я рассказала о народе, который произвел на меня глубокое впечатление своей чистотой и невинностью. Я не нахожу этих качеств ни у одного другого народа. Ни у французов, ни у итальянцев. Немцы коррумпированы, англичане отрешенны, американцы часто изворотливы.

Конечно, среди русских встречаются люди невероятно жестокие, как Сталин. Но если уж они добры, то удивительно милы и честны, как никто другой.

А. Ш.: Скажите, пожалуйста, ваше мнение о русских сложилось от чтения русской литературы?

Т.М.: Я начала читать русскую литературу в английских переводах. Мой отец, журналист, обожал русскую литературу и хотел поделиться этим со мной. Он начал с детства дарить мне на дни рождения книги. Это была классика. Часто русская. Первой из русских книг была "Белые ночи" Достоевского. Следующей - "Отцы и дети" Тургенева. После этого он подарил мне "Братья Карамазовы", затем, когда мне исполнилось шестнадцать лет, "Анну Каренину".

А.Ш.: Кого вы предпочитаете, Толстого или Достоевского?

Т.М.: Мой выбор ограничен, потому что я все еще не свободна в языке. Я уверена, что если

half a million dollars and a half a year of my life working on this film.

L. S.: Is it so expensive?

T. M.: Yes, it's that expensive. In order to make a movie, you have to spend a lot of time and money. But, you know, on the other, positive, side I told a story about a nation that impressed me with its innocence and purity. I do not find it in any other nationality. Not French, not even Italians have that innocence. The Germans are corrupt, the English are removed and Americans are often slicky. Of course, among Russians there're people unbelievably cruel, like Stalin. It seems like everything is in extremes. But if the people are nice, they are extremely nice, extremely good, extremely honest like none else.

L. S.: Your opinion about Russians came from reading the Russian literature?

T. M.: I started to read Russian literature in English translations. My father, who was a journalist, loved the Russian literature and wanted to share it with me. Starting from my childhood, he gave them to me on my birthdays. That was classic. Often the Russian classic. The first one was White Nights, Dostoyevsky, collection of Dostoyevsky short stories. The next one was Fathers and Sons, Turgenev. After that he gave me the Brothers Karamazov and then, after I turned sixteen years old, Anna Karenina.

L. S.: Who do you prefer, Tolstoy or Dostoyevsky?

T. M.: All right. My choice is limited, because I don't read the language well enough yet. I'm sure that if I knew how to read it better I would definitely choose Dostoyevsky or Tolstoy. But for now, my favorite writers are Turgenev and Bunin. I read Bunin constantly. *Ihra* can tell you.

I. M.: Everywhere.

T. M.: Every night. Outside the Russian community people don't really know who was Ivan Bunin and that's terrible. I would like to make a film about him at some point that would bring back his memory and his work.

L. S.: Actually, nobody did make a film about his life yet.

Have you had a chance to read Chekhov?

T. M.: No, I've never read Chekhov, except for some of his short stories.

I. M.: By the way, did you read a play...

T. M.: No, no, I wanted to read "Chaika" but nobody had gotten it for me.

I. M.: I can go to the library and get it for you by Monday.

T. M.: You know, at this point, I don't think I need it. I'm set. I think it's rather better for someone like Jean, who had not had books given to her by her father, to become so immersed in this project.

J. C.: I have to point out that my only experience reading the Russian literature, was with Chekhov

бы я читала получше, то выбрала бы Достоевского или Толстого. Но пока мои любимые писатели - Тургенев и Бунин. Бунина я читаю постоянно. Ира может подтвердить.

И.М. : Повсюду.

Т.М. : Каждую ночь. Нерусские люди не очень-то знают, кто был Иван Бунин, и это ужасно. Я бы хотела когда-нибудь сделать о нем и его работе фильм.

Л. Ш.: Действительно, фильм о жизни Бунина еще никто не создавал.

Приходилось ли вам читать Чехова?

Т.М.: Нет, я почти не читала Чехова, за исключением кое-каких рассказов.

И.М.: Между прочим, ты читала пьесу...

Т.М.: Нет-нет, я хотела почитать "Чайку", но никто мне ее не давал.

И.М.: Я могу пойти в библиотеку и достать ее для тебя к понедельнику.

Т.М.: Вы знаете, в данный момент я не чувствую в этом нужды. Лучше предложите это тому, кому отец не дарил русские книги. Вот, например, Джин.

Д.К.: Должна заметить, что мой единственный опыт русского чтения - это как раз произведения Чехова. Просто потому что я работала в театре. И, конечно, Станиславский. Я начала ходить на спецкурс по работам Станиславского, когда мне было пятнадцать лет, но, по правде, я никогда не связывала это с Россией. Как ни странно, для меня это было только театром.

Л. Ш.: Когда вы впервые приехали в Россию?

Т.М.: В первый раз я поехала в Казахстан, на антиядерную конференцию. Подготавливая себя к путешествию, я сказала себе: "Я действительно хочу знать, как произнести по крайней мере такие основные фразы, как: "Хелло", "Как поживаете?", "Благодарю вас".

И.М. : И "Я - американка."

Т.М.: Я позвонила в компанию, обучающую русскому языку секретарей высокого класса, о которой знала по предыдущей работе. Они прислали Иру Муравьеву. И она стала моим учителем русского языка, а потом и другом, что было так важно для создания фильма.

Л. Ш.: Как много времени вы провели в России?

Т.М.: Это первое путешествие длилось четырнадцать дней, затем я ездила еще шесть раз. В конце этой недели будет седьмое. Каждое из них длилось до двух недель.

Л. Ш.: В общем, вы провели в России немало времени. Изменилось ли ваше впечатление о

actually because I used to work in the theatre. And, of course, Stanislavsky. I started to go to workshops based on Stanislavsky's work, when I was fifteen. But to tell you the truth, I never really associated that with Russia. Strangely enough, I only knew it was the theatre.

L. S.: When did you first come to Russia?

T. M.: The first time I went to Russia, I went in Kazakhstan for Anti-Nuclear Conference. Preparing for that trip, I said to myself: "I really want to know how to pronounce such rudimentary phrases as 'hello', 'how are you?', 'thank you'".

I. M.: And "I'm an American".

T. M.: I called up a company that specializes in teaching Russian to executives who are going overseas; I knew about it from my previous job. And they sent Ira. She became my first teacher of Russian and we became friends, which was very important in creating the movie.

L. S.: How much time have you spent in Russia?

T. M.: Well, altogether, the first trip was for fourteen days, and I've made six more trips since then. At the end of this week it's going to be my seventh one. All of them lasted for about twelve to fourteen days.

L. S.: So altogether you spent a lot of time there. Did your impressions of the Russian people, derived mainly from literature, change?

T. M.: I didn't go there expecting to walk in and find the Moscow of Tolstoy.

L. S.: But you still think of them as childishly opened? Or you've changed your opinion?

T. M.: No, I didn't change my mind. I think they have childish qualities. They have so many paradoxes in their nature... They're very open to me, but that's because I'm an American. Now, when they are able to contact with foreigners, they feel safe with me.

Who is still dangerous to them - next door neighbor. They don't trust their next door neighbors, relating to them with the suspicion and jealousy. Whereas with me they find some kind of friendship immediately.

L. S.: When you consider the heroes from the great Russian literature and those regular people whom you meet on the streets, in apartments, nowadays existing people, what difference do you see?

T. M.: I'm trying to think of how to put it because I've never been asked such a specific question. I would say that the Russian literature of the nineteenth century reflects a world that is utterly destroyed today. Between that world and Russians today there is no continuity. It's hard to say, but the contrast is just total! It's just two different worlds. There weren't any starving peasants then and there weren't any repressed aristocrats. There was a middle class: tradesmen, lawyers, doctors, artists. And all that was completely destroyed. And it would be lost to history if such

русском народе, сложившееся в результате чтения литературы?

Т.М.: Я ведь не ожидала, что, приехав, увижу Москву Толстого.

А.Ш.: Но вы все еще считаете их такими по-детски открытыми? Или сегодня вы придерживаетесь другого мнения?

Т.М.: Нет, я не изменила мнение. Я думаю, что у них есть детские качества в характере. В их натуре столько парадоксов... Они совершенно открыты со мной и относятся ко мне лучше, чем друг к другу, но это потому, что я американка. Теперь, когда они получили возможность контактировать с иностранцами, то чувствуют себя со мной в безопасности. Кто для них опасен - это жилец за соседней дверью. Они не доверяют соседям, относятся к ним подозрительно и ревниво. Со мной же немедленно находят форму дружбы.

А.Ш.: Когда вы рассматриваете героев великой русской литературы и людей, которых вы встречаете на улицах, в квартирах - сегодняшних русских людей - какую разницу вы видите?

Т.М.: Я никогда не отвечала на такой специфический вопрос. Я бы сказала, что русская литература девятнадцатого столетия отражала мир, который сегодня полностью разрушен. Между ним и русскими сегодня нет связующей нити. Тяжело это говорить, но контраст тотальный. Это просто два разных мира. Не было тогда голодающих крестьян и репрессированных аристократов. Был средний класс: купцы, юристы, доктора, художники. Все это уничтожено. И мы ничего не узнали бы о них, если бы не такие замечательные писатели той эпохи, как Бунин. До того, как я его прочитала, я представляла себе, что Россия - это только крестьяне, которых истязают землевладельцы.

Мне кажется, что человек бунинского времени мог легко адаптироваться в другой стране, иной культуре. Сегодняшние же русские так долго были изолированы от всего мира, что потеряли способность к адаптации. Вновь приехавшие замыкаются в своей среде, тянутся только к друг другу.

А.Ш.: Ирина, большую часть Вашей духовной жизни в России составляли разговоры, общение. И Вы это потеряли. Встретили ли Вы новую дружбу здесь, в Америке, которую Вы могли бы сравнить с тем, что было прежде?

И.М.: Я не могла бы сказать этого два года назад, но сегодня я чувствую себя очень близкой Джин и Терри. Я могу сказать им почти все, и я с ними абсолютно искренна. Есть, конечно, языковая ограниченность. Мне,

writers as Bunin didn't exist, who really portrayed and depicted that era so well. Before I read his works, I thought that Russia was peasants that were being beaten down by landowners.

I think that anyone from Bunin's time could adopt easily in any country, any society. Russians of today were isolated from the rest of the world for so long a time that they lost their gift of adapting. I also must say that about those Russians that came to the United States. They tend to cling to each other only and they do not often go outside the Russian community.

L. S.: *Irina, most part of your spiritual life in Russia was composed of conversations and communication. And you had lost it. Have you met a new friendship here, in America, that you could compare with the one you had before?*

I. M.: I could not say that I did, even two years ago, but today I feel very close to Jean and Terry. I can tell them almost everything. I'm absolutely sincere with them. There is though some language barrier, for example, it is much easier for me to joke in Russian. But I don't think I have any mental barriers. This might be because - we found ourselves in a very specific situation - we had to work together in very hard working conditions. We were shooting a lot and didn't know how to fit it in given to us time. We were together for one and a half years.

J. C.: It's funny, I remember what I told my husband and friends. That woman was born in Moscow. I was born in Chicago. We came from two different societies. But still, when we worked together, we could finish each other's phrases. Do you understand what I mean? I'm talking about a shocking phenomenon - two different people could feel such an affinity and see things in such a similar way.

T. M.: Your moms look similar.

J. C.: Yes, and that's amazing. Ihra and I look absolutely different, but her mother looks a lot like mine. And by the way, my mother is Irish.

L. S.: *And you think your impressions about Russia and Ihra's are very similar?*

J. C.: No, obviously, I came to Russia from another planet. I have absolutely different lifestyle and not enough knowledge. This indicates that our opinions about Russia are very different. I only mean our every day, normal reactions on things. Our minds and intuitions are very alike.

I. M.: What Terry's saying is true to some extent.

J. C.: But, Terry and Ihra, don't you think that is probably true for all immigrants of first generation?

T. M.: I don't know. I don't know... Probably not.

L. S.: *If I understood you right, you like Russia from literature very much, the Russia of Bunin and, Turgenev?*

T. M.: That's true, but not completely. I have a lot of close personal friends in Moscow now. I like them specifically because of some typical Russian features.

например, гораздо легче шутить по-русски. Психологического же барьера я не чувствую. Все это, может быть, потому, что мы оказались в очень специфической ситуации: должны были работать вместе в трудных условиях. Мы очень много снимали и не знали, как уложиться в отведенное время. Мы были вместе полтора года.

Д.К.: Забавно, я помню, что рассказала об этом своим друзьям и мужу. Эта женщина родилась в Москве. Я родилась в Чикаго. Мы пришли из совершенно разных миров. И все же, когда мы работали вместе, то могли заканчивать фразы друг друга. Понимаете, что я имею в виду? Я говорю о том, что это потрясающе: два человека могут чувствовать такую близость и видеть вещи одинаково.

Т.М.: Ваши мамы похожи.

Д.К.: Да, удивительно. Мы с Ирой совершенно различны, но ее мать очень похожа на мою. А моя мама, между прочим, - ирландка.

А.Ш.: И вы думаете, что ваши впечатления и впечатления Ирины о России очень похожи?

Д.К.: Нет, очевидно, что я пришла в Россию с иной планеты. У меня был абсолютно другой образ жизни и большая нехватка знаний. Так что ясно, что наши впечатления о России разные. Я имею в виду просто наши нормальные, повседневные реакции на вещи. Наши мнения, наша интуиция очень похожи.

И.М.: Однако то, что говорит Терри, до определенной степени правда.

Д.К.: Но, Терри и Ира, не думаете ли вы, что это скорее правда для любых иммигрантов первого поколения, а не только для русских?

Т.М.: Я не знаю, я не знаю... пожалуй, нет.

А.Ш.: Если я понимаю вас правильно, вы очень любите Россию прошлого, Россию Бунина и Тургенева?

Т.М.: Да, но не только. У меня много близких друзей в сегодняшней Москве. Мне они особенно нравятся, потому что они обладают некоторыми типично русскими чертами.

А.Ш.: Какие черты вы имеете в виду?

Т.М.: Как только вы начинаете дружить с русскими, вы немедленно становитесь с ними очень близки. Американцы могут быть друзьями годами и никогда не рассказывать ничего интимного о себе. У нас есть тенденция соблюдать дистанцию. К примеру, я жила в доме шесть лет на дружеской ноге с моими соседями. Если бы загорелся дом, мы бы все выбежали тушить. Если кто-нибудь заболел, мы бы, конечно, помогли. Но я не разговариваю с ними каждый день. У нас нет ничего общего, кроме того факта, что мы живем на одной улице. Людей, которых я считаю очень близкими

L.S. What features do you mean?

T. M.: Once you are friends with Russians, you are immediately on intimate footing. Americans can be friends for years and never tell each other any intimate things. We have a tendency to keep a distance in our relationships. For example, I used to live in a house for six years being friend with my neighbors. If a fire would start, we would all come out to put out with it. If someone got sick, we would all help. But I don't talk to them every day. We have nothing in common, except for that we live on the same street. Those, whom I consider close friends, I could count on my fingers.

I'm from the American south, where that's less obvious. So when I came to Russia, it reminded me of my home.

People over there are more alive, they talk, they kiss. You know, when I meet mom, I kiss her on her cheek.

I. M.: Yes, but when you kiss my husband, you kiss him on the lips.

J. C.: That's because he's so handsome.

(Everybody is laughing)

L. S.: If I understand you right, you're saying that Russians don't make really good friends among Americans. But Americans can not be really good friends even among themselves as Russian understanding of friendship demands.

Then I'm not surprised that many Russian intellectuals feel so lonely. (Except for Irina) And it is normal for American society.

T. M.: Yes, that's true. They're two absolutely different cultures. I think, Russians understand friendship in a much different way.

L. S.: Deeper.

T. M.: Much deeper. And they tolerate each other by not looking for imperfections in others.

L. S.: What do you think about the way Russians talk to each other, sitting at the same table and drinking (vodka most of the times)? Does it confuse you?

T. M.: I like it. I don't have any friends who drink a lot. We just sit at the table and talk.

L. S.: Jean, and what do you think about the Russian friendship?

J. C.: I disagree with Terry in that that Russians stick together. I think all immigrants do that, especially first generations. I don't know that many Russians, but I have never felt any barriers. By the way, I think, that Russians almost go out of their way to be Americans. It's funny. Before I started to work on the film I had never met a Russian, and now, all of a sudden, anybody whom I meet is Russian. Turned out, they all were around me even before, but I didn't know where they came from. So I guess they really wanted to look Americans.

L. S.: What did you mean to say to the audience by making your film? Did you have some basic idea?

друзьями, я могу сосчитать по пальцам.

Я родом с американского юга, где это менее характерно. Так что когда я приехала в Россию, она напомнила мне родной дом.

Люди там более живые, говорят, целуются. Знаете, когда я целую свою мать, я целую ее в щеку.

И.М.: А когда ты целуешь моего мужа, ты целуешь его в губы.

Д.К.: Это потому, что он такой красивый.

(Все смеются).

Л.Ш.: Если я правильно вас понимаю, вы утверждаете, что русские на самом деле не заводят друзей среди американцев. Но американцы и между собой не очень хорошие друзья, в русском понимании этого слова.

Тогда нет ничего удивительного в том, что множество русских интеллектуалов чувствует себя так одиноко. (Ирина - исключение.) И это нормально для американского общества.

Т.М.: Да, это две абсолютно разные культуры. Я думаю, что русские понимают дружбу по-иному.

Л.Ш.: Глубже.

Т.М.: Намного глубже.

И они терпимее относятся друг к другу, они не ищут совершенства в других людях.

Л.Ш.: Что вы думаете о русской манере разговаривать друг с другом, сидя за общим столом и выпивая (чаще всего водку). Вас это не слушает?

Т.М.: Мне это нравится. У меня нет ни одного друга, который бы пил много. Мы просто сидим за столом и беседуем.

Л.Ш.: Джин, что вы думаете о российской дружбе?

Д.К.: Я не согласна с Терри в том, что русские стараются держаться вместе. Я думаю, что все эмигрантские группы это делают. В особенности первое поколение. Я знаю не так много русских, но я никогда не чувствовала каких-либо барьеров. Между прочим, я думаю, что русские просто лезут из кожи вон, чтобы стать американцами. Это забавно. До того, как я стала работать над фильмом, я ни одного русского в глаза не видела, и вдруг внезапно все, кого я вижу, - русские. Все они и раньше были вокруг меня. Но я не знала, откуда они. А они желали выглядеть американцами.

Л.Ш.: Своими фильмами вы хотите что-либо сказать зрителям, выразить какую-либо мысль?

Д.К.: Конечно. Я очень интересуюсь культурой разных народов. Последний художественный фильм, который я делала, был о пятнадцатилетней китайско-американской девочке, выросшей в шестидесятые годы в

J. C.: Of course. I'm very interested in culture of other nationalities. I think if there's a common thread of what I'm interested in, I would say it's culture. The recent film I made was about a Chinese-American girl, who grew up in the sixties in the United States, in the San-Francisco area. She wants to become a movie star. But her mother tells her there are no Chinese movie stars. Her mother wants her to become a nurse. And the girl will become a nurse. She will never be a movie star, but will always live with the American dream, even though she has this traditional Chinese background. **One foot in one culture, and the second one - in the other.** Many spectators pointed out that she was too aggressive for a Chinese girl, but not aggressive enough for an American girl.

T. M.: And Ihra has a similar problem. She is afraid to be too aggressive. But we, American women, say: "Are you kidding?" If you want something, you go for it. Grab the brass ring. Don't take "no" for an answer. That is seen as an attractive trait for Americans. And when you want to present someone from another culture to them, you have to really understand that culture and in what ways it's different from them, in order to make them accept.

L. S.: Is it important for you to make the character's problems acceptable to the American audience?

J. C.: Exactly so. Her history is a history of a human who's been transferred to another culture. And how she is always being drawn back and how she is ultimately reconciled by conflict. Drama is based on a conflict about which she says: "Half of me is American, half of me is Russian. I feel like cut in half..." That is her problem, the main problem of the movie, and she's got to solve it before the movie is over.

L. S.: Tell me, how does she solve it? I didn't understand that part. She just came back to Russia, so why does she want to return to America?

J. C.: It's true. She says it's too painful for her. She is escaping from her recent life and she is becoming an American citizen. This is her life now. The other will always stay with her but she has to leave it behind, no matter how hard and painful it will be.

L. S.: Irina, tell us why you left Russia six years ago?

I. M.: Yeah, why did I leave? Why did I leave?

First of all, because we were all living under very dramatic circumstances. I don't mean freedom of speech or freedom of thought. I mean the whole structure of life. It seemed like there was a lack of air. And, first of all, I didn't want my son to grow up in such an atmosphere, where he wouldn't have enough air to breathe; I didn't want him to spend all his life in a very closed and limited space which Russia was seven years ago.

L. S.: How about the air now?

I. M.: I don't know. I feel that maybe there's more air now. But at the same time people's everyday life is

США, под Сан-Франциско. Она мечтает стать киноактрисой. Мать же говорит, что китайских кинозвезд нет. А лучше стать медсестрой. Девочка идет в медсестры. Никогда не станет она киноактрисой, но всегда будет жить этой американской мечтой, хотя она выросла в традиционной китайской культуре. **Одна нога в одной культуре, другая - в другой.** Многие зрители подметили, что она слишком агрессивна для китайской девочки, но недостаточно - для американки.

Т.М.: Ира страдает тем же недугом. Она все боится быть слишком агрессивной. Но мы, американские женщины, говорим: "Бы что, шутите?" Смело добивайтесь, хватайте. Не принимайте "нет" за ответ. Это привлекательная черта для американцев. И когда вы хотите представить им кого-нибудь из другой культуры, вы должны хорошо понимать эту культуру и в чем ее отличие.

А.Ш.: Для вас важно, чтобы проблемы героини стали понятны американской аудитории?

Д.К.: Именно так. Ее история - это история человека, пересекающего в другую культуру. Драма основана на конфликте, о котором героиня говорит: "Я частично американка, а частично русская. Я как бы разделена надвое." Как примирить две части себя самой - вот главная проблема фильма. Ирина должна разрешить ее до того, как фильм окончится..

А.Ш.: Мне кажется, вопрос остался открытым. Ясно, что она решает вернуться в Америку, ибо возврат к прежней жизни невозможен, не так ли?

Д.К.: Это правда. Она говорит, что это слишком больно. Она бежит от своей прежней жизни. Становится гражданкой Америки. Теперь это ее жизнь. Другая тоже всегда будет с ней, но она должна отодвинуться от нее, как бы ни было тяжело.

А.Ш.: Ира, скажите, почему вы покинули Россию шесть лет назад?

И.М.: Да, почему я уехала? Почему я уехала?

Ну, прежде всего, потому что мы все жили в очень драматических обстоятельствах. Я не имею в виду свободу речи или свободу мысли. Я имею в виду всю структуру жизни. Такое впечатление, что не хватало воздуха. И я не хотела, прежде всего, чтобы мой сын рос в этой атмосфере, где нечем дышать, чтобы он провел всю жизнь в закрытом и ограниченном пространстве, каким была Россия семь лет назад.

miserable. Now there's no bread. Old people are dying slowly because their pension is too small and they cannot survive. There aren't enough medications. Before there was a lack of air, now there's a lack of money, and many, many other necessary things. So life is ruined once more, but in a different sense maybe.

T. M.: Larisa, I remember Irina once was looking out the bus window and she said: "What can I do? I cannot help them all." It was like she felt some kind of guilt and responsibility for those people because there was so little she could do for them. Unfortunately, we didn't get that episode on film.

L. S.: Jean, what do you think will be the most interesting part for the Americans in this movie?

J. C.: What do I think? We had Terry who had a lot of knowledge about Russia, we had Ihra who had a lot of experience; we had Richard with his knowledge; and, finally, we had Jean, who has no knowledge at all. I figured I was a suitable director for that kind of movie, because I'm an average American. That's why the things that are interesting to me will be probably interesting to any other average American. Before the crack of Communism in the Soviet Union, one Russian artist, Yakov Smirnov, I think was his name, was very popular among Americans, because there was something typically Russian about his acting. And Americans, who knew absolutely nothing about Russians, felt it.

It is impossible to talk about Russians as a whole. They're very different individually, very colorful. Those, who saw the movie, said they had never seen such a colorful movie. What they meant by colorful was the different emotional colors.

I tried to show how warm and different were people, those we met, how they were funny, sometimes amazing, but always very interesting.

There is a scene in the movie that Terry hates; it's about pagan rituals. They were forbidden in Russia just six years ago, but today they were permitted. In the forest a group of people gathers, and they pronounce some sort of exorcismes, splash water into each other's faces. They profess the devil. Americans are interested in that. We didn't think that those things exist in Russia.

L. S.: Terry, why don't you like it?

T. M.: It really has to do with my reaction to those people. Was it a coven? I don't know what the Russian word for that is. It was a coven of witches and warlocks, people that are into occult and black magic. I thought they were unpleasant characters. When we met with them in Moscow I didn't like them instantly, and it wasn't pleasant for me to see them in the movie also. I think they are charlatans.

J. C.: Yes, but it doesn't mean it doesn't work in the film.

I. M.: It was very difficult to shoot. We were in the

Л.Ш.: А как с воздухом теперь?

И.М.: Я чувствую, что, может быть, сейчас стало больше воздуха. Но в то же самое время ежедневная жизнь людей разрушена. Теперь нет хлеба. Старые люди медленно умирают, потому что пенсия слишком мала, они не могут выжить. Не хватает лекарств. Прежде не хватало воздуха, а сегодня имеется недостаток многих и многих важных вещей. Так что жизнь опять разрушена, но в другом смысле.

Т.М.: Лариса, я помню, Ирина однажды выглянула из окна автобуса и сказала: "Что я могу сделать? Я не могу им всем помочь." В ее тоне чувствовалось как бы вина перед этими людьми за то, что она так мало может для них сделать. К сожалению, этот эпизод не попал в фильм.

Л.Ш.: Джин, как Вы думаете, что интереснее всего для американцев в этом фильме о русских?

Д.К.: Что я думаю? У нас была Терри, с ее представлениями о России, Ира с ее опытом, Ричард с его знаниями, и затем была Джин, у которой нет этих знаний. Думаю, я - подходящий режиссер для такого фильма, так как отношусь к средним американцам. Поэтому вещи, интересные мне, очевидно, отражают их интересы. Большим успехом у американцев до падения коммунистического режима в Советском Союзе пользовался один русский артист... Яков Смирнов, кажется. В его игре было нечто типично русское. И это чувствовали совершенно незнакомые с русскими американцы. Русские очень мало знакомы американцам. Говорить о них в целом - невозможно, как о любой огромной массе людей. Они очень разнообразны, многоцветны. Те, кто видел фильм, говорили, что они никогда не видели такого цветастого кино, имея в виду эмоциональную окраску.

Я старалась передать, как теплы и разнолики были люди, которых мы встречали, как они были порой смешны, порой забавны, но почти всегда интересны.

Есть в фильме сцена, которую Терри ненавидит, о возрожденных ритуалах язычников. Почему-то они были запрещены в России еще шесть лет тому назад, а сегодня - разрешены. В лесу собирается группа людей, произносят какие-то заклинания, брызгают друг другу в лицо водой. Они исповедуют дьявола. Американцам это любопытно. Мы не думали, что подобное имеет место в России.

Л. Ш.: Терри, почему вам это так не нравится?

Т. М.: Это связано с моей реакцией на

forest in the middle of the night.

L. S.: You know, those traditions are rooted deep in Russian history. but today they're just an imitation.

J. C.: Yes, it's true. It's history and it's very important in order to understand Russia.

L. S.: Did you try to learn Russian history?

J. C.: Yes, I did. I'm certainly not an expert in Russian history, but I did read enough. Russians were oppressed and cruelly repressed for so long. **Americans want to prosper while Russians want to survive.** Their behavior should be understood in light of their history. Russians want some stability. And, you know, dictators gave them that stability even though it was at a terrible cost.

L. S.: You said before that you believe Russians are so open, friendly, and honest. Isn't it surprising after all their history?

T. M.: I think they built some kind of support system around their families and close friends. And that's a part of their method of surviving. You have to have a certain number of people around you in order to just provide yourself with the necessities of life. Their relationships are warm, but they're also based on the practical system of giving and taking. Okay, let's say somebody knows a mechanic that can fix the car. And the mechanic that fixes the car wants to see a foreign movie; somebody else needs medicine. Someone has got a little block here, someone else's got a block here; and they all combine their blocks together and thus survive as a group. This makes them very loyal and binds them tightly together. I've seen this at work. When I go there, they use all their connections and references to get or do something for me.

The whole Russian history was so terrifying. Their sufferings pushed them closely to each other in order to survive.

I. M.: American history was so much more comfortable for human surviving.

L. S.: Have you heard what Tatyana Tolstoy or Solzhenizin think about the spiritual life of Americans?

T. M.: Well, actually I don't care what Solzhenizin says or thinks. I've read his works and I think he is very spiritually cruel person. It would be very natural to respond with kindness to a country that was willing to take him and protect from persecutions of the Soviet system. But he behaved himself meanly and unkindly. I don't take his opinion to my consideration. Incidentally, my friend from Moscow said: "Solzhenizin is yesterday's news." He definitely lost his true reference-points. He lost touch with everything. He certainly hasn't gotten in touch with America and he has also lost touch with Russia.

Maybe he's a tragic figure. Ihra likes him, but I can't read him.

L. S.: Would you like to say something to the readers of our magazine? It's published in Russian and English,

этих людей. Это был клан - ведьм и вурдалаков, людей, которые вовлечены в оккультизм и черную магию, неприятные люди. Когда мы встретились с ними в Москве, они мне сразу не понравились, и мне неприятно видеть их в фильме. Я думаю, что они шарлатаны.

Д. К.: Это не значит, что это не вписывается в фильм.

И. М.: Все это было очень трудно снимать. Лес, глубокая ночь.

А. Ш.: *Знаете, эти традиции уходят корнями в глубь русской истории, хотя сегодня являются откровенной подделкой.*

Д.К.: Да, верно, это история, и это очень важно для понимания России.

А. Ш.: *Вы пытались изучать русскую историю?*

Д.К.: Я, конечно, не эксперт в русской истории, но я много читала. Русский народ очень долго притесняли и жестоко подавляли. Его история коренным образом отличается от американской. **Американцы хотят процветать, русские хотят выжить.** Их поведение следует понимать в свете их истории. Они хотят устойчивости. Диктаторы давали им эту устойчивость, хотя и за страшную цену.

А. Ш.: *Вы говорили раньше, что верите в открытость русских, что они честны, дружелюбны. Как это вяжется с их историей?*

Т.М.: Я думаю, что они построили систему обороны вокруг своей семьи и близких друзей. И это часть их метода выживания. Вы должны иметь определенное число людей вокруг вас, чтобы обеспечить себя самым необходимым в жизни. Их взаимоотношения теплы, но они также базируются практически на системе обмена. Скажем, кто-то знает механика, который может починить машину. А механик, который чинит машину, хочет пойти посмотреть какой-нибудь иностранный фильм; кому-то нужны лекарства. Кто-то поставил блок, кто-то поставил другой и, собрав все блоки вместе, они выживают как группа. Это накрепко их связывает. Я видела, как это работает, когда они использовали все свои связи и каждое знакомство, чтобы что-то для меня сделать.

Вся русская история была такой страшной. Страдания заставили людей сблизиться друг с другом, чтобы выжить.

И. М.: Американская история была более комфортабельной для человеческих существ.

А. Ш.: *Вы слышали, что Татьяна Толстая или Солженицын думают о духовной жизни Америки?*

Т. М. Ну, мне совершенно нет дела до того, что думает или говорит Солженицын. Я

in order to ease up the mutual understanding. I don't know whether Americans want it, but immigrants certainly do have need in understanding and benevolence.

J. C.: I just saw two movies about Israeli and Palestinian women. And you know, some of the things said by Palestinian women are exactly the same things Rebeca, in our movie, is saying. When it comes down to human beings, the community is obvious. And that's really what we should concentrate on. We have to understand the difference between our cultures so it doesn't get on our common way. We all have more things in common than we have differences.

L. S.: *I see. Terry, do you want to say something else to our readers?*

T. M.: When I started to work on the movie, I set out to try and get a very accurate depiction of what Russia and Russians were really like. And I believe that what I've created worth all the money and all the work, also all the occasional heart aches. I think that even if I never make another movie, I already created something truthful and worthwhile. That's what I wanted to say. I would be interested in hearing from the audience, especially the Russian, what they thought about the film. Do they think I achieved my goal of depicting Russia?

L. S.: *We can show the movie in our new movie club "Oscar". After that we can have a conference. That way you will hear real opinions of the Russian audience. Would you like that?*

T. M.: Oh, yes, of course I'd love it.

L. S.: *Ihra, how do you feel about the movie you did? Are you satisfied with yourself and the movie?*

I. M.: Of course not. If I had a chance to do it all over again, now, that I see all my mistakes, I would try to avoid them. First of all, I would never show them my profile, which is awful.

T. M.: But I like it.

I. M.: But jokes aside, I tried to be absolutely sincere, not to pay any attention to the camera. You'll feel it in the movie. I came to my motherland after six years. I saw people. I saw my mother's grave. I went to neighbors. It was funny and tragic at the same time. I was trying to be myself.

J. C.: There is one thing I have to say about Ihra. I don't know if there's a Russian word for that, but she was a real trooper. I have to give her credit because she got herself in a lot more than she bargained from the beginning. And she rose to the occasion and she came through smelling like a rose. There were some things that a lot of people would refuse, saying "No, I didn't bargain for that. But she didn't. She adapted to the situation and she deserves a lot of credit for that. We could not have made this movie without her.

L. S.: *What do you think about Russia's immediate future? Where is it going now in your opinion?*

T. M.: I have a feeling that a more authoritarian

читала его работы, и я считаю, что он духовно жестокий человек. Было бы естественно ответить доброжелательностью стране, которая приняла его и защитила от преследований советской системы. Он же повел себя сурово, недоброжелательно. Я не принимаю его мнение во внимание. Как-то в разговоре мой друг из Москвы сказал: "Солженицын - это вчерашние новости". Он утратил истинные ориентиры, определенно не установил контактов с американцами и потерял всякую связь с Россией. Может быть, он и трагическая фигура. Ире Солженицын нравится, но я читать его не могу.

Л. Ш.: Вы хотели бы сказать что-нибудь читателям нашего журнала? Он издается на русском и английском языках, чтобы облегчить взаимопонимание. Не знаю, хотят ли этого американцы, но эмигранты определенно нуждаются в понимании и доброжелательстве.

Д. К.: Я только что посмотрела два фильма об израильских и палестинских женщинах. И, знаете, кое-что сказанное палестинскими женщинами почти то же, что говорит Ребекка в нашем фильме. Когда дело доходит до человеческой сущности, видна общность. Вот на чем, я думаю, следует сосредоточиться. Мы должны понять разницу между нашими культурами, чтобы это не стояло больше на нашем пути. У всех нас есть значительно больше общего, чем различий.

Л. Ш.: Терри, вы хотите сказать что-нибудь еще нашим читателям?

Т.М.: Когда я начала работать над фильмом, я взялась за это с целью представить Россию и русских. И я верю, что то, что я сделала, оправдывает вложенные в фильм деньги, труд и нервы. Я думаю, что если даже я не сделаю в дальнейшем ни одного фильма, все равно я создала уже что-то правдивое и стоящее. Вот что я хотела сказать. Мне было бы интересно услышать, что скажет аудитория, особенно русская. Думают ли они, что я достигла своей цели в показе России?

Л. Ш.: Мы можем показать этот фильм в нашем, недавно открытом, кино клубе "Оскар". После показа мы устроим конференцию. Вы действительно услышите мнения. Вы хотите этого?

Д.К.: Конечно. Мне бы этого хотелось.

Л. Ш.: Ира, как вы относитесь к фильму, который вы создали? Вы довольны собой и фильмом?

И.М.: Конечно, нет. Если бы мне дали шанс сделать фильм с самого начала теперь, когда я знаю все ошибки, я бы постаралась их

form of government will be restored in Russia. It will not be the same. But I think Russians are unable to cope with democracy the way Americans understand it. I don't think the Soviet system will remain so repressive, but I think that Russians will impose on themselves a more authoritarian system that will direct them. Russians want to be directed. They've been asked all of a sudden to make too many independent decisions that they never had to make before and they didn't have any sort of training in making them. I think you will see it. But they will survive.

L. S.: So you think there will be another authoritarian regime?

T. M.: Yes, but I don't think it will be like the Stalin's one.

L. S.: Well, why not?

T. M.: They cannot allow it to happen. Russia has to enter and join the international community at this point. Otherwise, it will die in a way. They will not survive economically without the family of NATO.

L. S.: But don't you think that nationalists have a great chance now to take over the power? May be they can make up a government that would be even worse than the Soviet regime? Possibly, it would not need the connections with other countries. What if this new regime will create a closed society once more and will carry out its power only by way of violence?

T. M.: Larisa, the only way any form of government can survive now is by trading with the rest of the world. There's no way that Russia can be self-sufficient. No country in the world can survive in isolationism...

L. S.: But there is another way to get something you want.

T. M.: What is it?

L. S.: War, robbery.

T. M.: As long as the country is economically unsound, the government system will be unsound. That is true throughout history, no matter what government or what system it was. My best hope is that Russia will find a form of authoritarianism that will not be repressive; that will, in fact, give them some freedom of expression. And that over the years it will evolve like the France did. The French have changed very much. They used to be very aggressive, extremely belligerent and now, you know, if there is a fight around, they usually run for the farthest corner. The German, at the same time when the French were aggressive, were actually peaceful and didn't like wars. Particularly the English ceased altogether to be, the empire that the sun never sets on. Poor England, what's going to happen it. I mean that countries do change and people do evolve. In order for them to survive, they have to find some kind of authority that will support them, satisfy them and tell them what to do.

избежать. Прежде всего я никогда не показала бы им мой профиль, это ужасно.

Т.М.: Но мне он нравится.

И.М.: Но если без шуток, то я пыталась быть абсолютно искренней, не обращать внимания на камеру. Вы это почувствуете в фильме. Я приехала на родину через шесть лет, увидела людей, я навестила могилу матери. Я пошла на одно кладбище, на другое. Ходила к соседям. Это было и забавно, и трагично. Я пыталась быть самой собой.

Д.К.: Одну вещь я хочу сказать об Ирине. Я не знаю, есть ли такое слово по-русски, но она была настоящим, скажем, бойцом. Нужно отдать ей должное. Она встретила в фильме с гораздо большими трудностями, чем ожидалось сначала. И она прошла через все это, как роза. Есть вещи, от которых другие бы отказались, сказав: нет, я не договаривался это делать. Но она так не говорила. Она приспосабливалась к ситуации. Надо отдать ей должное. Без нее мы не создали бы этого фильма.

А. Ш.: А что вы думаете о ближайшем будущем России? У вас есть мнение о том, куда идет Россия?

Т.М.: Я чувствую, что в России восстановится авторитарное правительство. Оно не будет таким жестоким, как прежде. Но мне кажется, что Россия не может приспособиться к демократии в том виде, в каком это понимают американцы. Я не думаю, что советская система останется такой репрессивной, но я думаю, что Россия предпочтет более авторитарную систему. Русские хотят, чтобы их направляли. От них неожиданно потребовалось принимать слишком много самостоятельных решений, чего им раньше никогда не приходилось делать. У них нет никакой подготовки к принятию решений. Но они выживут.

А. Ш.: Так вы полагаете, что в России будет еще один авторитарный режим?

Т.М.: Да, но я не думаю, что он будет похож на сталинистский. Он не будет таким репрессивным.

А. Ш.: Почему же?

Т.М.: Они не могут себе это позволить, Россия должна войти в международное сообщество. Одна она погибнет. Она не выживет экономически, если не войдет в состав НАТО.

А. Ш.: Не думаете ли вы, что у националистов сейчас появляется прекрасный шанс захватить власть? Может быть, они сформируют правительство, которое окажется гораздо хуже прежнего советского режима? Возможно, что связи с другими странами не покажутся им

L. S.: You think it's coming from the bottom?

T. M.: Yes. It's coming from down below. And the less educated people are, the more they need authoritarian system.

жизненно необходимыми. Что если этот новый режим снова создаст закрытое общество и будет осуществлять свою власть посредством насилия?

Т.М.: Лариса, единственный путь, с помощью которого любое правительство может выжить сегодня, - это торговля с внешним миром. Россия не может быть самодостаточной. Ни одна страна в мире не может выжить в изоляции...

А. Ш.: Но есть другой путь получить то, что хочешь.

И.М.: Какой?

А. Ш.: Война, грабеж.

Т.М.: Пока страна остается экономически несостоятельной, система правления остается несостоятельной. Это доказано историей, вне зависимости от того, о какой системе идет речь. Я надеюсь, что Россия найдет авторитарную форму управления, которая не будет репрессивной, и она даст стране какую-то свободу самовыражения. И с годами она сможет развиваться, как развилась Франция. Французы очень изменились. Они были крайне агрессивными, воинственными, а теперь, если где-то рядом сражаются, они прячутся в дальнем углу. Немцы в то время, когда французы были агрессивными, были как раз мирными и не любили войн. А уж англичане и вовсе перестали быть "империей, над которой никогда не заходит солнце". Бедная Англия, что ее ждет? Я имею в виду, что и страны и люди меняются. Может быть, со временем и Россия изменится, но сегодня, чтобы выжить, этой стране необходимо найти какой-либо авторитет, способный ее удовлетворить и подсказать, что делать.

А.Ш.: Вы думаете, эта тенденция идет снизу?

Т.М.: Да, с самых низов. И чем менее образованны люди, тем больше им нужна авторитарная система.

ПЕТРОВСКИЕ ПАЛАТЫ

Сквозь сон просочилось размытое дождем, слышанное в детстве: "Гули-гули-гули..." Потом звук дождя проступил сильнее, и сквозь его усилившуюся густоту опять: "Гули-гули, гули-гули..." Я открыла глаза, и во вздрагивающей расцветной белизне они выхватили сначала пустую детскую кроватку, плотно уложенную мешочками с сахаром, потом коробочку с надписью: "Трава "Пустырник", потом банку с мутной жидкостью, затянутую марлей, на подоконнике. Тогда я вспомнила: это Москва, да. Вчера мы прилетели в Москву. Подошла к окну, отдернула занавеску: под мерно льющимся дождем согнутая старуха крошила хлеб восковыми пальцами. Это она бормотала, возвращая мне детство: "Гули-гули-гули..." За старухой чернела развороченная помойка: переполненный бак, из которого вываливалось гниющее содержимое, и две ободранные кошки жадно пожирали что-то, вжав мокрые прилизанные головы. О Господи! Это начиналось утро, начиналась Москва.

Низкое и сумрачное строение Рижского рынка обросло темными сплюснутыми ларьками, ларьки - темными и сплюснутыми людьми. Торговали, покупали, приценивались, бранились. Те же пучки петрушки и укропа, что десять и пятнадцать лет назад, те же размокшие розовые сыроежки. Но сам рынок поразил меня: все прилавки его были завалены экзотическими фруктами: мохнатыми киви, ананасами и похожими на связки золотых полумесяцев бананами. Покупателей было меньше, чем продавцов, может, поэтому мне и закричали со всех сторон: "Дэвушка! Подойди сюда! Гляди сюда!! Бери ананас! Бери лимоны! Дэвушка, а дэвушка!" Я подошла к первому. Пальцами, испачканными в черной виноградной крови, (полураздавленный виноград чернел в большом тазу с отбитыми краями) он протянул мне колючий крепкий ананас: "Бери, недорого!" "Сколько?" "Полторы тыщи! Бери, не жалей!" "Что?" - ахнула я. - "За один ананас?" "Зачем за один? - обиделся испачканный сладкой черной кровью человек. - Сейчас взвесим, увидим, сколько в нем. За килограмм полторы".

С этого полуторатысячного ананаса наступило ощущение перевернутых величин, расползшихся измерений. Я и удивлялась, и - не удивлялась. Удивление тут же переходило в защитную отстраненность, ибо оно было слишком громоздко и тяжесть его превышала мое душевное пространство, разламывая его, как, бывает, мигрень разламывает затылок до того, что, кажется, лучше избавиться от всей головы, лишь бы отдохнуть от боли.

Машина ныряла по ухабам разбитых московских мостовых, как подводная лодка. Быстро темнело. Из подворотен, из старых арок возникли тени, двигались по трещинам вечерних улиц, иногда их освещало то тут, то там разведенными кострами. У костров тоже шла какая-то жизнь: кружком сидели дети, что-то пили, что-то рассматривали, совещались. Поддерживая друг друга, прошли два старика, склонились над большим мусорным баком, пошарили, пошли дальше. Мы остановились на тусклом светофоре, и вдруг молодое, изуродованное ожогом, пьяное лицо приникло к ветровому стеклу, рука в рваной варежке перекрестила нас, лицо залилось готовыми слезами, и прыгающие губы начали целовать нашего водителя прямо через стекло. "Сережа! - взмолилась я. - Открой окно! Я ему дам денег!" Сережа обернул ко мне каменный профиль: "Различать надо, кому давать, а кому нет! Ты что не видишь, что это клоун! Ими весь город кишит!" Лицо в лишайнике ожога отвалилось, рука показала нам кулак. К соседней машине подошел мальчишка лет девяти-десяти. Предложил товар: бутылочку с пепси-колой. Сидящий за рулем плотный, немолодой, в массивном кожаном пиджаке человек бутылочку не купил, но ленивым жестом дал мальчишке закурить, и тот, втянув вихрастую голову в младенческие плечики, проскользнул между машинами обратно к костру, где сидели такие же, как он, дымили сигаретами...

Где-то в районе Чистых Прудов мы вильнули в переулочек, и светящийся огнями, гостеприимно распахнутый подъезд предстал взору,

как видение дореволюционной действительности. Перед подъездом стояли два швейцара в добротных ливреях. Мы прошли внутрь. Там было тепло, медовый свет разливался по вестибюлю, освещая витые столбики ведущей вверх дубовой узкой лестницы, малиновые ковры, странные окна с цветными стеклами, оказавшиеся потом ненастоящими. Маленький гардеробщик в залоснившемся сюртучке прошлого века принял наши пальто, мелко трясая воробьиной головкой. Две девицы в очень открытых вишневых, цветом в ковер, туалетах держали на подносиках блестящие желтые жетончики. "Берите, берите, пожалуйста!" - сахарно улыбаясь они, подсовывая мне эти пластмассовые кружочки. "Что это?" - удивилась я. "Это для игры в рулетку. Первые ставки..." - объясняли вишневые девицы хором. - Вы можете уже сейчас попробовать, пока не начался капустник." Пора, наверное, объяснить: мы попали на капустник, который театр "Современник" давал в только что открывшемся клубе московских бизнесменов. Накрытые столы в большой комнате первого этажа ломились от еды. Черная икра была выложена прямо на тарелки, и первый раз в жизни я увидела материализованную метафору - икру "ели ложками". Из ананасов, памятных мне по вчерашнему Рижскому рынку, варварски вырезали нутро и вставили в каждую освобожденную от плода кожуру красные фонари. Полторатысячные экзотические плоды, раскинувшись подобием маленьких пальм по белой скатерти, горели между тарелками с икрой, лососиной, севрюгой. Большие, целиком запеченные рыбы с сизыми глазами лежали на овальных подносах, и было как-то даже неловко разрушить такое искусство, раскромсать его ножом. Комната уже была плотно наполнена телами, а люди все вливались и вливались из медового освещенного вестибюля, поигрывая только что полученными от вишневых девиц желтыми кружочками. Вечер, как сказал бы Толстой, был пущен.

Сразу стало очень накурено, душно. Чад какой-то стоял в воздухе, и казалось, что в этом чаду плывет перед моими слезящимися глазами сон ли, фильм, - не знаю, что угодно, но только не реальная московская жизнь одна тысяча девятьсот девяносто второго года, на задворках которой маленькие Гавроши греются у уличных костров. Среди мужчин бросались в глаза, во-первых, немолодые, седобородые, похожие на золотопромышленников из пьес Островского, которые золотыми зубами вкусно жевали упругий виноград и подкладывали себе на тарелки влажную лососину. Таких, правда, было нем-

ного, человек шесть-семь. В основном же капиталистическую Москву представляли джентльмены во фраках не старше сорока лет. Есть такой особый тип людей, очень тщедушных, маленьких, нервных, с напряженными плечами, с быстрыми, бледными, трясущимися пальцами, которые стараются ни с кем не пересекаться взглядами и в которых, кажется, все разбалансировано, все дрожит мелкой внутренней дрожью: слабые склеротические жилки на висках, мизинцы, запонки, родинки. Такие люди, чаще всего, бывают или темными пропойцами, или миллионерами, одержимыми темными страстями. Мы, судя по всему, оказались среди последних. Бежали зрочки, прыгали руки с вилками, кривились тонкие губы и вдруг растягивались визгливым смехом, брызгали слюной пополам с икринками. Девицы в вишневых шелках наклонялись к ним полукрытой грудью с высоты негнущихся лаковых каблуков: "Водку? Коньяк? Джин с тоником?" Кроме девиц с подносиками, озабоченно сияющих белыми улыбками, в чадной зале присутствовали и просто гости. Часть из них была в вечерних туалетах, часть просто в платьях, претендующих на шик. Прямо передо мной стояла худая ярко рыжеволосая женщина с какими-то черными перьями вместо рукавов, огненным маникюром сжимала бокал с джином и тоником. Ох, как меня тянуло выйти на улицу, тихо постоять в темноте, подышать прелыми листьями, редкими дождевыми каплями! Но тут в зал вошли актеры театра "Современник". Память сгустками выталкивала стершиеся имена: да, Неелова, а эта, не помню фамилию, но знакомое лицо и играла в каком-то фильме... Каким? А маленькая, с умными острыми глазами, с детским тельцем в синтетической размахайке, в черных чулочках, - Лия Ахеджакова, а это Гафт, у которого не одно лицо, а два разных, ибо верхняя половина отведена страдающим собачьим глазам, а нижняя - полураздавленной змеиной улыбке. И ведь приходится существовать вместе: змее и собаке, презрению и боли, а каково им вместе-то? На одном лице? На одной шее? И были еще какие-то, совсем из молодых, появившиеся, наверное, после моего отъезда: писаная красotka с вызывающим... чем? А всем: ногами под очень короткой, почти незаметной юбочкой, глазами с сиреневыми веками и мохнатыми ресницами, алыми губами, похожими на переспелую мокрую клубнику. Короткие волосы взбиты и перехвачены черной пиратской повязкой поперек белого выпуклого лба. Позже я поняла, что все эти вызовы: ног, глаз, губ, волос - не слу-

чайны. Это и для песен, которые надлежало пропеть, прохрипеть в распаренные уши бизнесменов, песен, сочиненных специально для этого капустника, специально для этих, со склеротическими жилками на висках, с прыгающими пальцами, со счетами в Нью-Йорском банке, потому что в их прыгающих пальцах сейчас все: и меха, и икра, и нефтяные прииски... Но не только для песен. В вошедшей стайке "Современника" было сочетание актерской сценической свободы, отлакированного поведения людей, привыкших быть узнаваемыми и жить на виду, с глубоко запрятанным презрением неимущей элиты к денежным мешкам с косноязычной речью, к прыгающим рукам, с отпечатками долларов на потных ладонях. В дымном чаду перед моими слезящимися глазами, заслоняемая рыжеволосой головой над черными перьями рукавов, проходила раздробленная по позвоночнику Москва, новый вариант "Талантов и поклонников", Раневской и Лопухина, артистичность, брезгливость и бедность, сквозь горловой ком - поющие, хрипящие, сахарно улыбающиеся тем, от которых зависит судьба твоей пьесы, задуманного фильма, поездка в Италию... Потому и была бравада, клоунада, вызовы, сдержанная отстраненность завешенной темными очками Нееловой. Потом были горячие блюда на втором этаже. И там тоже было не менее дымно, душно, чадно, но подавали уже не девицы в вишневых шелках, а официанты в накрахмаленных белых рубашках. Над головами сидящих, над чистыми круглыми лысынами, над старомодными проборами-ниточками, над вытравленными перекисью женскими кудрями плыли в ловких растопыренных пальцах серебряные судки с - "шампиньончиков в сметанке не желаете?", "язычка с хреном?", "баранинки?", "карпа свежего?" Кусок не лез в горло, глаза слезились от духоты и сигаретного дыма. Тут я заметила веселую, очень немногочисленную компанию крепко подвыпивших тщедушных фраков, которые уже не хотели есть и придумали себе новое развлечение: брали с тарелок розовых раков с отлакированными усами, с черными бусинками мертвых глаз и ловко насаживали их на ананасовые пальмочки. "А вот и моя птичка прилетела...", - смеялся председатель клуба, закрепив розовый панцирь на зеленой верхушке экзотического плода. "А мой уже гнездышко свил, пока твоя летела," - нетвердым баском перебивал другой и вилкой подцеплял "птичку" председателя так, что рак падал на стол. "Обижаетесь, Сеня!" - возмущался председатель, трясуцимся пальцами закрепляя нового усача на

пальмочке. "Господа бизнесмены! - певуче объявила возникающая в дверном проеме блондинка в черном бархатном платье. - Приглашаем вас вниз на раздачу призов и лотерею!" На лестничной площадке стояла симпатичная парочка: один из купцов Островского и совсем молоденькая, с очень длинными ногами, в очень низком декольте женщина с гладко зачесанными черными волосами. Проходя мимо, я уловила только конец фразы: "Можно и вместе во Флориду слетать. А? Погреться на солнышке-то? Подзагоришь, посвежеешь.." Ответа черноволосой Шахерезады я не расслышала. "А чего не слетать-то?" - пронеслось в моей задымленной голове. Не врет купец: и подзагоришь, и посвежеешь...

В зале на первом этаже притушили свет. Под медленную, мучающую нервы музыку две молодые, очень белолицые, с кроваво-красными губами женщины демонстрировали модели меховых изделий. Они не улыбались и не заигрывали с публикой. Их лица были зловеще неподвижны, глаза слегка безумны, губы полураскрыты, как перед поцелуем в индийском дусерийном фильме. Один из служителей накидывал шубы на их острые голые плечи. Зал стоял от восхищения. Шубы и впрямь были особенные: не какая-нибудь там, лиса, нутрия, а норка, белая, серая, голубая, иссиня-черная; соболь, подернутый ранней сединой (охотились за ним, небось, королевские егеря, довели зверя до нервного истощения!); голубой песец, такой голубой, что и впрямь сиял на всю полутемную, нежно подкрашенную алыми ананасами залу. Сиял, светился. Каждая из шуб была самым вычурным образом сшита. Ах, не на московские снега, не на наши колючие метели шились эти шубки! Для Флориды-то, может, и жарковато, а вот для парижской ранней весны - как раз. Или для Нью-Йорской осени, чтобы выскочить из ролл-ройса, прижимая к себе кудрявую собачонку на золотой цепочке. Белолицые женщины сомнабулически двигались по зале, не улыбались. Мертвые невезучие звери переливались на их плечах. Я по наивности подумала, что эти шубы сейчас будут разыгрывать в лотерею, и ужаснулась. Но нет, обошлось. Молодой служитель сгреб ворох блестящих мехов и быстро уволок их куда-то на задворки. Зал громыхал аплодисментами. Опять грянула разудалая музыка, и началась раздача каких-то призов, непонятно, за что. Тут я не все помню, потому что пошла толчея и неразбериха. Помню только, как, страдая глазами и корчась губами, двуликий Гафт раздавал женщинам бананы - каждой по одному. Я ус-

кользнула в сторону, и мне банана не досталось. Зато моя американская спутница получила огромный, слегка даже переспелый, и с удивлением прижала его к груди, не зная, что теперь полагается делать: есть неохота, а куда девать? Вроде ведь приз. А за что? В зале было нечем дышать, никто уже никого не слышал, потому что шла громкая игра в рулетку, во-первых, а во-вторых, громко обсуждались планы на будущее в каждой из образовавшихся групп и группочек: деловая Москва не любит терять времени даром. "Я тебе всю документацию представлю завтра же!" - доносилось из одного угла. "А я говорю, что нам подвальное помещение не годится! Плевал я, что это в Амстердаме! Я в Амстердаме скоро дом куплю! И все дела!" - брызгало из другого. Но тут весь этот гвалт перекрыл глуховатый голос маленькой, в перекрученных черных чулочках Лии Ахеджаковой, которая, давая интервью одной из находившихся здесь же телепрограмм, кричала в микрофон: "Дорогие, милые, хорошие бизнесмены! Вы наша надежда, вы наша гордость! Помогите нам! Посмотрите на нас! Мы умные, мы талантливые, мы добрые, очень красивые! Помогите нам! Нам так хочется работать! Мы столько можем! Я мечтаю сыграть в фильме по роману Достоевского! У нас есть блестящие сценарии, замечательные идеи! Помогите нам! Посмотрите на нас! Слушайте, надо же держаться вместе! Отчего вы не хотите нам помочь?"

Я тихонько потянула за рукав опекающую нас даму с Останкинского телевидения: "Можно нам домой? Как отсюда добраться-то?" Она куда-то исчезла и через пять минут вернулась, загадочная и счастливая: "Ира! только ни о чем не спрашивайте! Вы ничего не должны знать! Это лично мне сделали любезность, но сохрани

Вас Бог, расспрашивать! Вас повезут на машине одного..., - голос ее вдруг стал хриплым и страшным, понизился - одного мил-ли-ар-де-равы меня поняли? Он дает вам шофера и телохранителя ровно на полчаса, туда - обратно, вы меня поняли?" "Господи!-взмолилась я. - Не надо мне телохранителя! Такси разве нельзя поймать?" "Ира! - гнев зазвенел в ее горле. - Вы как ребенок, ей Богу! Объясню вам: нельзя! Как величайшая любезность! Мне лично! Поняли? Через пять минут выходите!" Через пять минут мы вышли. Подъехал маленький "Жигуленок". Я не выдержала: "Это и есть мил-ли-ар-дера?" Опекающая в самое мое ухо: "Господи! Это ведь конспирация! Что вы как маленькая, ей Богу!"

Два скошенных затылка, косая сажень в плечах - каждый, сидели впереди. За всю дорогу ни тот, ни другой не проронили ни слова. Крепкие, видать, ребята, не зря их миллиардер держит. Доставили нас к подъезду. Я робко спросила: "Мы вам что-нибудь должны?" Затылки отрицательно мотнулись. Потом телохранитель повернул к нам широкое, лиловатое от фонарного света лицо: "Доброй ночи."

Мы поднялись к себе по неосвещенной лестнице, слабо пахнувшей кошками и валерианкой. Не снимая куртки, я подошла к окну. В доме напротив одно за другим гасли окна. Люди ложились спать. "Завтра, - вдруг подумала я. - Завтра тоже будет все это. Москва, дождь, развороченная помойка, детская кроватка в моей комнате, плотно уставленная мешочками с сахаром. И дай только Бог, чтобы она опять появилась, эта согнутая старуха, которая кормит голубей и бормочет, возвращая мне детство: "Гули-гули-гули..."

СНЕГ

Шел густой снег, и они выткались прямо из его белой кисельной густоты: три почти одинаковые старухи в чем-то темном, в платках, повязанных по самые глаза, с протянутыми вперед замерзшими ладонями. На одной были пер-

чатки с отрезанными пальцами. Красные сморщенные пальцы дрожали. Они стояли под аркой, и арка венчала их темные фигуры своей плавной округлостью, засыпаемой снегом. Человек в огромной меховой шапке, по-

равнявшись с ними, полез в карман, и тут же все три темные, маленькие старухи приблизились к нему со своими голыми замерзшими ладонями и одинаковыми скорбно просящими лицами. Человек достал двадцатипятирублевую бумажку и, держа ее на весу, старательно выговорил: "Разделяйте поровну!" Он был иностранцем и делал иногда легкие, незначительные ошибки в русском языке. Средняя старуха выхватила смятую бумажку, и бумажка, как по волшебству, исчезла. Но тут же две другие старухи с тонким, визгливым воплем набросились на счастливицу, все трое упали, и темный клубок из сбившихся платков, заочневших пальцев и седых косм покотился по снегу. Снег был пушистым, неуптанным. Он шел с неба и засыпал землю. Он, кажется, и засыпал бы этот темный визгливый клубок, если бы человек в огромной меховой шапке не бросился разнимать обезумевших нищенок, путая английские слова с русскими. "You stop it, o key? Прекратите, я прошу!" - беспомощно вскрикивал человек, разнимая сцепившихся разъяренных старух. Они поднялись с земли, стояли перед ним - все трое, в расстегнутых пальто, в сбившихся заснеженных платках. Дышали со свистом.

Вдруг одна, средняя, упала на колени, подползла и быстро поцеловала руку, которую он не успел отдернуть.

"Вы нас простите, господин, - заголосила она, не вставая с колен и вытирая мелкие мутные слезы кончиком платка. - Несправедливая она, а вы ей деньги дали! Ни в жисть поровну не разделит! Ей и вчера так вот перепало! Тоже иностранец проходил - дай ему Бог здоровья! - тоже вот дал на всех, вроде вашего, а она себе в чулок запихала, ни копейкой не поделилась! А если бы вы мне дали или вот Татьяне Петровне, мы бы разве так сделали! Я ведь считать-то умею, я бухгалтером в конторе работала! Господи мой милостивый!"

Снег вдруг повалил стеной, словно ему стало стыдно, и захотелось быстрее, быстрее завалить это все, засыпать... Человек в меховой шапке, морщась, достал еще две бумажки и протянул этой, ползающей вокруг, и Татьяне Петровне. Быстро пошел прочь, не оглядываясь. А когда обернулся, уже ничего не было. Белая пелена. Ни земли. Ни неба.

СНИМИТЕ НАС

Наверное, я бывала там и раньше. В той, другой жизни. Потому что название оказалось страшно знакомым: Тишинка, Тишинский рынок. Но что это такое, я не знала, не представляла.

...Каблуки увязали в расплавленном от жары асфальте. Пыльная листва отбрасывала на него неподвижную тень. Угрюмая очередь в питьевой автомат удлинялась. Подходили, мрачно вставляли стакан со следами чужой помады в вертушку с водой, споласкивали, опускали десять копеек. Оранжевая, мандариновая пена вспыхивала в стакане. Вытирали губы тыльной стороной ладони, отходили, недружелюбно оглядываясь на нацеленную кинокамеру. Чего тут снимать-то! Как люди воду пьют? Вряд ли кто догадывался, что американская киногруппа

снимала... экзотику. В самом деле: все пьют из одного стакана! Стоят в очереди, чтобы вымыть его. И получают в награду одинаковую, мутно-желтую пену. Это заслуживало внимания, почти такого же, как мавзолей, как Новодевичье, как здание легендарной Лубянки.

Тишинский рынок оказался справа от питьевых автоматов. Распахнутые купеческие деревянные ворота начинали его. Прямо за воротами лежала неподвижная, серая лужа. Непонятно, почему она не высыхала в такую жару. Но я говорю чистую правду: необъятная, гоголевская лужа, с рваным башмаком посередине, декоративно заполнила собою отведенное рынку пространство, вытеснив торгующих и расположив их по своим краям. Солнце расползлось в

ее глубине, как кусок брошенного кем-то сливочного масла. И еще одно: прежде людей, прежде их лиц и рук, я почувствовала тоску. Эта тоска электризовала воздух маленького душевного пятачка, висела над ним плотным облаком, и казалось, что птиц оттого не слышно на Тишинском рынке, что они тоже почувствовали эту тоску и улетели прочь. Торгующие сидели на пустых ящиках из-под бутылок, разложив перед собою товар. Этим товаром была - нищета. Пустые баночки из-под крема, темные кривые вилки, пузырьки, ношенная, переносная обувь, старомодные, перелицованные костюмы... Нищета лежала тихая и была как бы не сама по себе, не одна, а вместе со своими невидимыми спутниками: голодом, болезнью и смертью, которые сами не пошли, а ее, в ношенных туфлях, в выгоревшем крепдешинном платье сороковых годов, послали торговать на солнцепек, на край несохнувшей лужи, под облачко темной тоски, спугнувшей птиц. И - Боже мой! - как она озвела, увидев нашу кинокамеру!

"Нечего! Нечего тут! - забурлила, зашелестела, забасила она и начала поспешно собирать свои пузырьки и равные рейтузы. - Нечего нас снимать! Хотим и торгуем! Иностранцы, скажи на милость! Засранцы, а не иностранцы! Самим, небось, жрать нечего, брюхи запали!"

Она торопилась, перекидывала через вздувшиеся вены перелицованный костюм зятя покойника, подбирала под косынку растрепанную седину, кашляла, убегала.

"Подождите! - закричала я и растопырила руки, пытаюсь ее удержать. - Да не бойтесь же вы! Мы же не хотим ничего плохого! Только помочь! Только, чтобы люди поняли, как вам трудно!"

Но она все торопилась, все засовывала страшное добро в пыльные мешки.

"Не надо нам помогать! У нас все есть! Мы, небось, дома живем, не по чужим людям побираемся! Об нас наше государство позаботится!"

Нет, это было безнадежно. Мы не имели права снимать их. Это было то же самое, как снимать умершего без разрешения семьи. И вдруг я услышала:

"Дочка! Дочка! Сыми меня! Меня сыми!"

Я оглянулась отчаянно. У старухи, сидящей на ящике, было веселое лицо. Она торговала какими-то флаконами из-под духов, каким-то чайником, сморщенными кастрюлями... И смеялась в голос, заливалась.

"Сымите меня, милые! А то у меня

беда стряслася! Сняли меня с год назад на наш телевизор, на московский, и дед мой, поганец, возьми да угляди! И ушел, бросил меня, старый хрыч! Не хочу, говорит, с тобой жить, потому ты меня опозорила! А ему говорю: "А ты исть-то хочешь?" А он ушел. Так я теперь думаю: может, если меня по заграничному кино покажут, он, потаскун, и вернется!"

Перевела дыхание, вытерла слезы, выступившие от смеха. Некоторые лица смягчились. Увязывавшие узлы приостановились. И тут к нашей маленькой группе подошла еще одна. И, увидев ее, я почувствовала, что тот ком в горле, который я так часто слатывала, вновь оказавшись сейчас на Родине, стал особенно тяжелым и соленым. У нее было сожженное солнцем лицо, почти черное, на котором сияли, нет, светились, переливались косые голубые глаза. То, что они косили, делало их голубой взгляд каким-то особенно наивным, любопытным и старательным, как у ребенка, который хочет, чтобы его выслушали, и оттого напрягается, вытягивает шею. Она была в настоящих, без всякой игры слов и смыслов, лохмотьях и опиралась на крючковатую палку. Босая, ноги в запекшихся ранках и ссадинах. Стояла, смотрела на меня, сияя косыми глазами и морщась улыбкой темного, без единого зуба, рта. А рядом стояли дети. И дети были такие же, как она: сияюще-голубые и сожженные солнцем.

"А мы не стесняемся, - сказала она надтреснутым голосом. - А нам охота сниматься. Вот детишкам особенно... А мы не стесняемся..."

И сияла, сияла и заглядывала мне прямо в лицо голубыми, косыми, наивными...

"Откуда вы?"

Господи, как мне хотелось погладить этих детей! Но я побоялась пошлого дамского жеста, не погладила, не дотронулась. Только повторила, чувствуя, что ком в горле все тяжелеет и тяжелеет: "Откуда вы?"

"Мы то? - обрадовалась она. - Мы с Мордовии идем. Перебираемся. А нет у нас ничего, так вот и обносились все, и побираться приходится. А тут глядим: кино снимают. И детишки мне говорят: "Мы в кино хотим! Пусть нас снимут!"

И мы сняли. Да, сняли, как она стоит, в лохмотьях, морщится своей счастливой улыбкой, и дети, тоже счастливые, оборванные, стоят рядом, переливаются голубыми глазами, переступают босыми ногами в ранках и ссадинах...

Всей кожей мне было - стыдно. И я понимала, что уходить надо с Тишинского рынка, про-

валивать подобру-поздорову, потому что это - не снимают. Или уж надо быть таким жгучим профессионалом, которому все нипочем: ибо - материал! И тут, словно в ответ на мое смутное ощущение, женский низкий голос за спиной сказал злобно, негодуя:

"Что вам здесь надо? Шли бы вы, куда подальше!"

Я увидела сидящую прямо на земле молодую и, наверное, красивую, если бы не резкая, вульгарная, старящая ее косметика, женщину, в броской, с аляповатым золотом кофте, торговку детскими игрушками. Выцветшими поцарапанными кубиками, машинками без колес, оловянными солдатиками... Рыжий маленький клоун в цветном колпачке лежал у нее на коленях и улыбался в небо нарисованной на пластмассовом лице улыбкой.

"Чего вы смотрите? - яростно сказала она, перехватив мой взгляд. - Чем я торгую, интересуетесь? Чем я спекулирую?"

Сидящий рядом с ней на земле мальчик лет восьми-деяти покраснел и насупился. У меня горело лицо, я не знала, что делать. И, растерявшись, опустилась рядом с ней на корточки. Стало как-то легче, потому что не возвышаться же нам над ними с этими кинокамерами и осветительными приборами! Над ними, распластанными, сжавшимися на земле, словно вросшими в нее - бедою своею, нищетою своею... Она смотрела на меня не отрываясь. Она была замечательной, настоящей. Она страдала от гордости, и горела, и каждой своей черточкой говорила о страдании.

"Ну? - ее губы дрожали и кривились. - Ну? Нравится тебе моя торговля?"

И оттого, что произнести что бы то ни было было слишком большой, непозволительной пошлостью, я молчала и только продолжала смотреть на нее. Прямо в эти глаза, в злобные, измученные, темные зрачки, прыгающие по моему лицу. Я смотрела на нее, она на меня. Рыжий клоун улыбался в небо нарисованной улыбкой. Спустя минуту она произнесла устало:

"Да что вам здесь? Идите, женщина..."

Все ее негодование вдруг исчезло. Лицо стало простым, жалобным, мягким. Может быть, она почувствовала, что мне стыдно, может быть, она пощадила меня. Надо было уходить, уходить. Я встала. Она все еще смотрела на меня.

"Простите меня, - вдруг сказала она. - Накричала на вас..."

И усмехнулась - так умно, грустно, кротко.

"Нет, - выдавила я. - Нет, это вы нас простите..."

Мы убежали. Нет, я не шучу: это было бегством. Со своими лампами и камерами, со своими железными коробками, мы торопились к автобусу, стоящему на углу, и я заставляла себя не оглядываться. А у самого автобуса не выдержала, оглянулась: распахнутые деревянные ворота, и у ворот стояла та, босая, из Мордовии, опираясь на палку. Голубоглазые дети жались к ней. А потом, за воротами, - неподвижная лужа, и слева от нее женщина с рыжим клоуном на коленях. Клоун улыбался в небо нарисованной улыбкой. Господи, прошу тебя, не дай мне за быть все это...

Прочтите и расскажите друзьям!

Если вы от постоянных перегрузок или волнений вдруг почувствовали острую боль в спине, ногах, головную боль —

НЕ СПЕШИТЕ ПРИНИМАТЬ ЛЕКАРСТВО!

Любую боль как рукой снимет.

МИХАИЛ БЕРЕНШТЕЙН
(MIKHAIL BERNSHTEYN),

кроме всех видов МАССАЖА, творчески применяет воздействие
БИОПОЛЕМ, народную медицину, лекарственные травы.

Мастер массажа поможет Вам снять стресс, стабилизирует давление, восстановит Ваше здоровье после параличей, инсультов, инфарктов.

Позвоните **(718) 266-8972**, и Вам сразу станет легче.

Mark Shagal. The Farnyard (1954-62)

ФРИДРИХ ГОРЕНШТЕЙН

ЛЕТИТ СЕБЕ АЭРОПЛАН

Свободная фантазия по мотивам жизни Марка Шагала
(Отрывок из киносценария)

Пожар в еврейском предместье города Витебска вспыхивал в разное время, но чаще всего под вечер, когда зажигались свечи и керосиновые лампы. Летом смеркалось поздно, свечи и лампы зажигали уж в девятом часу. Вот и сейчас вспыхнуло, когда в деревне пробило девять, поп вышел из церковного двора и, сопровождаемый свиньей с поросятами, пошел домой.

Загорелось в домике на самом краю еврейского квартала, у тюрьмы. На домике была вывеска: "Ювелирная мастерская Локшинзона. Огранка алмазов. Золотые и серебряные работы". Очень худой, маленький человек, очевидно, сам Локшинзон, в кальсонах и лапсердаке, надетом на нижнюю рубаху, выбежал из домика, держа на руках двух девочек лет трех-четырёх с криком: "Пожар! Сы брент!" Хотя это было и без его крика ясно и люди выбегали из окружающих домов. Толстая, массивная супруга Локшинзона, выбежавшая следом за ним в капоте с младенцем на руках, сказала:

- Эля, идиот, перестань кричать. Люди не слепые, они видят огонь. Чтоб ты горел, перестань кричать.

- Хая, зачем ты ему жалуешься гореть, ведь он уже горит, - сказала соседка, тоже державшая на руках младенца и выбежавшая из домика с вывеской: "Варшавский портной Шустер".

- Разве это он горит?! - закричала Хая, - это я горю... Он одел свой лапсердак и выбежал... Голодранец, что у него есть гореть... У него есть столько же, сколько у клопов, которых он жег свечой... Жег свечой и подпалил кушетку... А от кушетки загорелось все остальное. Все добро и весь инструмент и весь материал. Это называется, он жег клопов.

- Клопов я мазал керосином, а свечой я жег тараканов, - сказал Эля.

- Ты слышишь, Двойра? Сначала он мазал керосином, а потом он жег свечой. Идиот! Даже у лошади Хаима-биндюжника в заднице больше ума, чем у тебя в голове.

- Тараканов надо бить подошвой резиновой галоши, - с видом знатока сказал муж

Двойры, варшавский портной Шустер.

- Так до этого ведь надо додуматься, ребб Пинхас, - крикнула Хая, - а мой муж имеет голову Срулика-сумасшедшего, который кушает конский овес.

- Хая, не кричи, Хая, - сказал Эля, - главное, что мы спаслись.

- Мы спаслись?! - еще громче крикнула Хая, - ты считаешь, мы спаслись?! А на что мы будем жить? На твою перхоть?! Завтра надо отдавать заказ в ювелирный магазин Розенфельдов.

- Не кричи, Хая, ты разбудишь новорожденного, ты разбудишь Зусеньку, - сказал Эля.

- Не беспокойся про Зусеньку, - сказала Хая и поцеловала младенца, я о нем немножко позаботилась! И она достала из кармана капота связки золотых изделий, а из другого кармана стограммовую стопочку, наполненную бриллиантами, - нашему Зусеньке скоро исполнится месяц.

- Нашему Аминодавчику в прошлый понедельник исполнился месяц, - сказала Двойра.

- Я слышал, у приказчика селедочной лавки Шагала жена на сносях, - сказал портной Шустер.

- Я видела, как в дом к Шагалам шла повитуха, - сказала Двойра.

- Напла время рожать, - сказала Хая, - рожают во время пожара. У Шагалов все не так.

В доме Шагала жена селедочного приказчика, долгового и худого Захария, металась вся в поту и стонала. Две повитухи хлопотали у роженицы. Ребенок появился на свет безмолвно, стонала только мать.

- Он не хочет жить, он не хочет жить, - отчаянно бормотал Захария.

Повитухи окунали безмолвное тельце в ведро с холодной водой. Отблески пламени освещали кровать, на которой обессиленно лежала роженица, ведро с водой, в которое окунали неживого младенца, в отчаянии молящегося отца...

- Колите его иголками, - крикнул варшавский портной, вбегая в комнату.

После нескольких уколов мальчик издал первый крик, и одновременно горящая балка рухнула, едва не задев окно. Мальчика быстро запеленали, положили в ногах у роженицы, и четыре человека, подхватив кровать, выбежали на улицу. А там уже трещало и шипело вовсю. Бежали люди с ведрами, проехала пожарная бочка, влекомая ломовыми лошадьми. Заборы,

лавки, кирпичная тюрьма, синагога - все было в багровых дрожащих отблесках, которые играли на вывесках: "Пекарня и кондитерская Гуревича", "Табак - табачные изделия Абрамовича", "Фрукты и продукты Кац", "Парижская мода Иосиф Бердичевский", "Школа рисования и живописи художника Пэна".

- Евреи горят, - говорили арестанты, весело теснясь у зарешеченных тюремных окон, - ишь как шевелятся, как тараканы разбегаются.

- Слышь Петруха, - мечтательно сказал белобровый парень, - сейчас бы пограбить.

- Пограбить бы, Тренька, - согласился чубатый Петруха и потряс решетку. - Эх, не вовремя заперли, фараоны.

А у церковной ограды стоит поп, держась руками за крест и сверкая зубами, насвистывает: "Коль славен наш господь в Сионе". А за церковью тихо течет речка, шелестят камыши и в камышах кто-то шепчет на два голоса: "Ох, милый, ох, хорошо... ох, сладко".

А на кладбище бродяги устраиваются на ночлег, раскрывают котомки, кладут на могилы газеты, а на газеты суари да сало. А в раскрытое окно виден солдат, который пьет чай. Козы и коровы беспокойно мычат в лесах. Пьяный биндюжник Хаим Вилеский идет со своей голстобрюхой лошадейю и пытается пить, но вместо того издает лишь лошадиное ржание. Темнеет на горе огромный заброшенный польский замок.

И над всем этим, под большими, как серебряные рубли, звездами летят огненные ангелы, рожденные из пламени, выются вольно и свободно, еще не схваченные кистью художника, еще не застывшие на шагаловских полотнах.

Пасха - Песах в еврейском Витебске. В городе еще лежит снег, но когда с густой глубокой синевы весеннего неба солнце нагревает воздух, можно с хрустом распахнуть оклеенные на зиму окна, вытряхнуть наружу прошлогоднюю бумагу и вату, прошлогодних мертвых мух и тараканов, выпустить в комнаты пасхальные уличные запахи и звуки. Во всех еврейских домах накануне Песаха идет генеральная уборка. Тщательно чистят и моют все углы дома у варшавского портного Шустера, у ювелира Локпизона, у грузчика селедочной лавки Шагала... И всюду, во всех еврейских домах слышно сказочное, таинственное слово - хамец.

Mark Shagal. Visit to the Grandparents (1915)

- Ищите хамец, - говорит Эля ораве своих детей, - всюду, во всех углах ищите хамец.

И Зуся, вместе со своими братьями и сестрами ищет хамец.

- Хамец, хамец...

Толстая, раскрасневшаяся Хая вместе с дочерьми моет посуду.

- Эля, куда ты складываешь вымытую посуду, - кричит Хая, - отнеси ее подальше в чулан. Разве ты не знаешь, что стенки посуды впитывают хамец. Не дай Бог, перепутаем пасхальную посуду с будничной...

- Зуси, - оборачивается она, - что ты грызешь? Ой, ребенок грызет сыр из мышеловки, - кричит она и вырывает у Зуси сыр, - зачем ты это делаешь, дурак?

- Мне папа сказал, - отвечает плачущий Зуся.

- Я сказал тебе грызть сыр из мышеловки? - возмущается Эля, - я сказал искать в мышеловке хамец.

- А что, - спрашивает Зуся, - разве мыши тоже справляют Пасху?

- Я тебя поздравляю, Эля, - говорит Хая, - по-моему, твой сын весь умом в тебя.

- Хамец, хамец, - слышно и в доме варшавского портного Шустера.

- Я нашел хамец, - говорит Аминодав и приносит таракана.

- Ты у меня хухем, - смеется Шустер и выбрасывает в окно таракана.

- Мне чтоб было за твои косточки, - говорит Дебора и гладит Аминодава по голове. - Пинхас, объясни ребенку, что такое хамец.

- Я знаю, что такое хамец, - говорит Аминодав, - хамец - это хлеб.

- А зачем же ты принес таракана? - спрашивает Пинхас.

- Таракан ведь кушает хлеб, - говорит Аминодав, - значит у него в животе лежит хамец.

- Хамец, сын мой, значит окисленный.

Это забродившее тесто из муки. Хамец запрещен в Песах в любом количестве, его нельзя употреблять в любой форме, в том числе в смесях или напитках. Это относится в первую очередь к хлебу, но и к печеню из пшеницы, ржи, ячменя, овса. Пшеничное зерно, попавшее в воду, становится хамцом. Водка и пиво тоже хамец. На Пасху разрешается пить только красное пасхальное вино в красных пасхальных бокалах. На Пасху едят мацу. Ее готовят особенно тщательно, согласно всем предписаниям Галахи и охраняют от закваски. Только такая маца, а не та, что продается в магазинах круглый год, употребляется на Песах.

- Ложитесь спать, дети, - говорит Хая, - во всех еврейских домах после обеда дети ложатся в предпасхальный день, чтобы их можно было

разбудить ночью искать хамец.

- При свете восковой свечи, - говорит Эля, - мы будем искать в эту ночь хамец. Углы комнат и кладовок, полки, выдвижные ящики, стенные шкафы, щели в полу, карманы одежды, - всюду, всюду будем искать хамец.

Предпасхальная лунная ночь. Тени мечутся по стене. Марк лежит, глядя на тени, рядом сопит во сне брат Давид. Марк толкает брата, тот бормочет, поворачивается на другой бок. Тогда Марк наклоняется и шепчет в ухо брату:

- Хамец.

- Уже надо вставать? - вскакивает брат.

- Тише, Давид, - шепотом отвечает Марк, - вон на стене хамец.

- Это тени, - говорит Давид.

- Это призраки хамеца, - шепотом говорит Марк, призраки из той первой пасхальной ночи, когда евреи шли из Египта. Древний хамец давно стал привидением, и бродит по свету, и приходит в еврейские дома накануне Пасхи. То он человек, закутанный в талес. Видишь, он улыбается нам, а теперь он нам грозит. А теперь он стал козлом. Видишь, какие у него рога.

- Не пугай меня, мне страшно! - кричит Давид.

Входит мама.

- Дети, что за крики?

- Марк меня пугает, - говорит Давид, - как будто бы на стене сидит хамец.

- Марк, оставь свои фантазии, - говорит мама, - скорей, дети, вставайте, пора искать хамец.

Горит восковая свеча в руке у мамы. Все с серьезными торжественными лицами.

- Внимайте, - говорит отец Захария, - перед началом проверки, как и при исполнении других заветов Торы, произнесем благословение. Повторяйте за мной: Благословен ты, Бог Всесильный наш, Король вселенной, который освятил нас своими заветами и заповедовал нам убирать хамец.

Мелькает свет свечей по стенам, по углам, по ящикам... В доме у Локшинзонов, в доме у Шустеров, в доме у Шагалов.

- Я нашел хлебную корочку, - говорит Эля.

- Вот хлебная корочка, - говорит Марк.

- И у меня хлебная корочка, - говорит Давид.

- Я нашел сухой хлеб, - говорит Аминодав.

- Хлебная корочка, хлебная корочка, - шумят дети.

- Дети, существует обычай, - говорит Пинхас Шустер, - кладут в определенные места десять хлебных корочек и затем собирают их во время поисков. Делается это для того, чтобы в случае отсутствия даже крошки хамеца поиски не оказались безуспешными.

- Вот так собираются крошки хамеца, - говорит Эля и птичьим пером подметает крошки в деревянную ложку.

Всюду, во всех еврейских домах, ищут хамец. Предпасхальная ночь близка к концу. Голубеет окно.

- Весь хамец кладите в этот пакет, - говорит Эля.

- Перо и специальную деревянную ложку тоже кладем в этот пакет с крошками и подвешиваем его повыше на крючок, чтобы мыши и крысы не разгрызли пакет и не разнесли крошки по дому.

Окна уже освещены первыми лучами солнца. У всех утомленные, но торжественные лица. Произносится завершающая молитва.

- Любог непресный хлеб, - произносит Захария Шагал, - или квашня...

- ...которые имеются в моих владениях - произносит Пинхас Шустер.

- ...но которые я не заметил и не убрал и которых я не знаю... - произносит Эля.

- ...пусть считаются никчемными и станут бесхозными, подобные праху земному, - говорит Захария Шагал.

Все: Аминь!

Солнечное утро. На столе кипит самовар.

- Дети, это ваш последний предпасхальный завтрак, - говорит Захария, - сегодня начинается праздник Песаха в честь исхода сынов израилевых из Египта и евреи, подобно предкам своим, будут есть только мацу, которую готовят согласно предписаниям Галахи и охраняют от закваски. А весь хамец после завтрака будет торжественно сожжен.

- Захария, - говорит мама, - ты ведь знаешь, что в этом году на шаббат-Гагадол, великую субботу перед Песахом к нам из Леозно должно было приехать много родственников: брат Израиль, брат Иегуда, сестра Ралли, сестра Муся, сестра Гутя, сестра Шая. Но они не приехали, потому что муж сестры Ралли умер.

- К чему ты это мне говоришь? - спрашивает Захария.

- К тому, что напечено много сладостей, что нам теперь с ними делать?

- Согласно предписанию Торы, весь

хамец должен быть сожжен, - говорит Захария.

- Ах, - вздыхает мама, - ведь детям будет так тяжело видеть, как горит пирог с творогом, печенье и струдель. Неужели нельзя найти шабес-гой, не еврея, которому Тора не предписывает соблюдать Пасху, и продать ему все это хотя бы за полцены.

- Ты ведь знаешь, - говорит Захария, - что из всего хамеца шабес-гой покупают за полцены только водку, сливоницу и пиво.

- Ай, как жалко, - говорит мама, отпирает буфет и ставит на стол блюда со сладостями. - Дети, - говорит мама, - ешьте, сколько можете, потому что остаток придется сжечь...

Наливается крепкий чай... Маслянистое печенье, пирог со сладким творогом, струдель с орехами и изюмом, рогалики с вареньем... Райское обилие, рай для детей... Дети набрасываются на сладости, как древние евреи в Синайской пустыне на манну небесную. Марк старается не отстать от Давида, который хоть и маленький и худенький, но съел уже целую сладкую гору. Еще один кусочек струделя, еще кусочек пирога со сладким творогом... Вдруг Давид вскакивает и, выпучив глаза, бежит во двор. Марк начинает смеяться, но тут же, прижимая рот ладонью, бежит следом. За Марком бежит сестра Лиза. Дети стоят рядом, упираясь руками в забор. Светит пасхальное солнце, поют птицы.

- Вот что значит жадность, - говорит Захария, когда они бледные, с пустыми желудками, возвращаются.

- Не ругай их, Захария, ты видишь, детям нехорошо. Выпейте еще крепкий чай, станет легче.

Струдель, пирог с творогом, печенье, рогалики уже лежат на жертвенном подносе посреди стола рядом с хлебными корочками, птичьим пером и деревянной ложкой. Отец Захария обливает все это спиртом. Вспыхивает огонь... Детские глаза наполняются слезами. Святая пасхальная жертва. Корчатся, погибают в огне любимые сладости, течет горячее варенье из лопнувшего теста, выползает творог... Отец Захария читает молитву.

- Любои непресный хлеб или квашня, имеющиеся в моих владениях, которые я видел и которых я не видел, которые я заметил и которых я не заметил, которые я убрал и которые я не убрал, пусть считаются ничемными и станут бесхозными, подобно праху земному.

- Аминь.

Все: Аминь!

- Хая, сколько мы возьмем солдат в этом

году за пасхальный стол? - спрашивает Эля.

- Сколько? - говорит Хая. - Как всегда, одного.

- А может, мы возьмем в этом году двух? Одного солдата берет грузчик селедочной лавки Шагал, - говорит Эля, - а я все-таки ювелир.

- Если ты такой богатый ювелир, - сердится Хая, - тогда возьми семь, как хозяин кофейни Гуревич, или десять, как Розенфельды, у которых три ювелирных магазина. Ты подсчитай, сколько будет стоить одно только кошерное вино со штампом раввина. На каждого взрослого человека по четыре полных бокала вина. Не считая мацы, не считая птичьего мяса, не считая хрена, салата, фруктов, орехов. Ты хочешь меня разорить?

Близится пасхальный вечер, загораются звезды. Колонна солдат еврейского вероисповедания под командованием унтера с песней: "Соловей, соловей, пташечка, канареечка жалобно поет..." шагает на празднование еврейской Пасхи. Следом за ними едет на извозчике специально нанятый еврейской общиной шабес-гой. У еврейских домов колонна останавливается и солдаты по одному, по два, по пять расходятся на праздник. А шабес-гой подносит унтеру у каждого дома стопку водки и закуски. Унтер уже лыка не вяжет.

- Господа еврей, в день светлого воскресенья... - он крестится, евреи закрывают глаза ладонью.

Солдат входит в дом к Шагалам, снимает солдатскую шапку, надевает ермолку.

- А гут ентов, - говорит он, - я Хаим из Бердичева. Очень приятно, - говорит мама, - садитесь за наш семейный стол, будьте как дома. Может, не дай Бог, моих сыновей когда-нибудь тоже заберут служить в чужой город и их там тоже пригласят на Песах за еврейский семейный стол.

- Если городской придет забирать меня в солдаты, - говорит Марк, - я спрячусь под кровать, и он меня не найдет.

Хаим из Бердичева улыбается, гладит Марка по голове и дарит ему винтовочную гильзу.

- Ой, она еще взорвется, - пугается мама.

- Она стреляная, - смеется Хаим.

- Все равно, ребб Хаим, вы меня извините, возьмите ее назад. Все эти винтовки и пули нужны только голям. Евреям они не нужны, если у нас есть святая молитва и нас защищает истинный Бог. Разве всеильный Бог не покарал в Египте наших врагов десятью казнями?

Правильно я говорю, Захария?

- Во имя чуда еврейского спасения мы и празднуем Песах, - говорит Захария, - написано в Горе: "Бог прошел мимо домов сынов израилевых в Египте". В то время, как он поражал египтян, он наши дома пощадил.

- Ребб Захария, - говорит Хаим, - спасение и исход евреев из Египта было ниспосланным чудом. Но можно ли всегда надеяться на чудо в этом падшем, враждебном Богу мире? Разве вы забыли про недавние погромы в Житомире, в Белостоке, в Тирасполе?

- Мы, евреи, должны всегда надеяться на чудо Божьей помощи, - говорит Захария, - во имя этого и празднуется Песах.

Загораются пасхальные свечи во всех еврейских домах. У Шагалов большую свечу зажигает мама, произнося благословения.

- Благословен ты, Бог Всесильный наш, Король вселенной, который освятил нас своими заветами и заповедал нам зажечь праздничную свечу.

Все хором:

- Благословен ты, Бог Всесильный наш, Король вселенной, который сохранил нам

жизнь и существование и довел нас до этого времени.

Праздничный пасхальный седер. Перед каждым на подносе три мацы, положенных одна на другую, отделенных друг от друга салфетками и сверху прикрытых салфеткой. Дети хором называют каждое блюдо, которое ставится поверх салфеток.

Справа сверху - зроа - птичье мясо с косточкой, напротив слева - беа - вареное яйцо, ниже - между яйцом и птичьим мясом - марор - тертый хрен и салат, ниже справа - харосет - смесь тертых яблок, груш и орехов. Слева - карпас - кусочек лукавицы и очищенный вареный картофель, внизу хазарет - опять тертый хрен и салат.

- Для освящения праздника прочтем кадеш над бокалом вина, - говорит Эля. Внимание, господа! Благословен ты, Бог Всесильный наш, Король Вселенной, сотворивший плод винограда...

- ...избрал нас из всех народов, возвысил над всеми языками и освятил нас своими заветами... - говорит Пинхас Шустер.

- ...с любовью установленные дни для радости, праздника и времени торжества... - говорит Захария, - урхац, омовение рук. Дети, обливаем сначала правую руку три раза, затем левую.

- Карпас, - говорит Эля, - еду начинаем обмакиванием картофеля в соленую воду... Зуси, ты, естественно, спросишь своего отца, почему он так ест?

- Спрашивай, Зуси, - тихо произносит Хая.

- Папа, почему ты так кушаешь? - спрашивает Зуся.

- Разве ты не помнишь, как я учил тебя спрашивать, Зуси? - говорит Эля, - надо спрашивать: "Отец мой, чем эта ночь отлична от всех ночей?"

- Папа, чем эта ночь отлична от всех ночей?

Захария Шагал берет с подноса мацу и делит ее надвое, большую половину заворачивает в салфетку.

- Эта маца для афикомана, - говорит Захария, - для благословения до наступления полуночи, - поднимает мацу вверх, - вот хлеб скудный, который ели наши предки в земле египетской. Всякий, кто голоден, пусть войдет и ест. Всякий, кто нуждается, пусть войдет и справляет Пасху. В этом году здесь, на будущий год в земле израильской. В этом году мы рабы, в будущем году мы будем свободны, - наливает второй бокал вина.

Mark Shagal. The spoonful of Milk (1912)

- Сын мой, - шепотом спрашивает Марк мама, - помнишь ли ты четыре вопроса, которые должен задать отцу?

- Помню, - шепотом отвечает Марк и произносит громко: "Отец, я хочу задать тебе четыре вопроса. Чем эта ночь отлична от всех ночей? Во все ночи мы ведь ничего не обмакивали ни разу, а в эту ночь два раза. Один раз картофелину в соленую воду, а другой раз горькую зелень в харосет. Во все другие ночи мы едим квасной хлеб, а в эту ночь только пресный - мацу. Во все другие ночи мы едим другую зелень, а в эту ночь горькую. Во все другие ночи мы едим, как хотим, сидя или облокотившись, а в эту ночь мы все облокотились".

- Эта ночь отличается от других ночей, сын мой, - отвечает Захария, - потому что рабами мы были у фараона в Египте и Бог Всесильный наш вывел нас оттуда рукою мощной и мышцей простертой. Горькую зелень мы едим в эту ночь в память о том, что египтяне сделали горькой жизнь наших предков. Сказано: "и сделали жизнь их горькой, заставляя тяжело работать с глиной и кирпичами и делать всякую работу, которой они поработали их трудом изнурительным..."

- ...харосет, - говорит Пинхас, - тертые фрукты с орехами, напоминают о глине, из которой изготовлялись кирпичи, основная рабская работа сынов израилевых.

- ...красное вино напоминает о крови, - говорит Эля.

- ...оно, обетование, постояло за отцов наших и за нас, - говорит Захария, - ибо не один восставал на нас, чтоб истребить нас. В каждом поколении восстают на нас, чтоб истребить нас. Но Всевышний спасает нас от их рук, потому обопремся все на левую руку, и вы, дети, пьющие вместо вина виноградный сок, обопритесь на левую руку. Ибо, опираясь на левую руку, мы демонстрируем полную свободу и отсутствие страха.

- Теперь найдем припрятанный кусок мацы афикоман и съедем его до полуночи, - говорит Пинхас и раздает каждому по кусочку мацы.

- Бокал наполним в третий раз, - говорит Эля.

- Восстанови же Иерусалим, город святой, - произносит Пинхас.

- Израиль, на Бога надейся, - произносит Захария, - он спасение и щит! Он навел казни на врагов наших. Марк, принеси поврежденный

сосуд для врагов наших.

Марк приносит заранее приготовленный надбитый бокал.

- Совершу явления на небесах и на земле, - три раза отливает немного вина в поврежденный сосуд, - кровь, огонь и столбы дыма.

- Кровь, огонь и столбы дыма, - произносит Эля, так же отливая вино в поврежденный бокал.

- Кровь, жабы, мошкара, смешение диких зверей, мор скота, сыпь на коже, саранча, тьма, казнь первородных - все это на врагов наших, - произносит Пинхас...

...произносит Эля...

...произносит Захария...

произносят все.

- Вот пустой бокал возле меня для пророка Ильи, - говорит Захария. - Вот маца для него, а вот пустой стул для него. Нальем бокал вина для него и нальем четвертый бокал для всех. Женщины, выходите со свечами встречать пророка Илью.

Мама и сестра Лиза со свечами выходят на улицу. Всюду возле еврейских домов стоят женщины со свечами в руках.

- Илья-пророк, приходи к нам в дом, - говорит мама.

- Будем ждать пророка Илью, - говорит Захария, - он уже близко.

- Илья-пророк, приходи к нам, - кричат дети.

- Илья-пророк не отвечает, - говорит Марк.

- Нет, он просто молчит, - говорит Захария, - это молчание камня. Так молчит вечность. Так молчат камни на могилах наших предков.

Бледнеют звезды, кончается пасхальный седег.

- В этом году Илья-пророк опять не пришел с благой вестью, - говорит Эля, - будем ждать его на будущий год. Песах - это такой праздник, что не только Илья-пророк, сам Мессия может прийти.

- Выпьем свой последний четвертый бокал вина, опершись на левую руку, и произнесем последнее благословение, - говорит Пинхас.

- Благословен ты, Бог Всесильный наш, Король вселенной, - произносит Захария, - за виноград, и за плоды винограда, и за урожай полей, и за землю прелестную, благодатную и обширную, которую ты благоволил отдать в наследие отцам нашим. Сжался, Боже

Всесильный, над Израилем, народом твоим, и над Иерусалимом, городом твоим, и над Сионом, обителью славы твоей. Восстанови Иерусалим, город святости твоей, скорей, и в наши дни введи нас в него, возрадуй нас в нем. Вспомни нас к добру в день праздника опресноков этот. Ибо ты Бог Всесильный и благодетелен для всех. На будущий год в Иерусалиме!

- На будущий год в Иерусалиме, - повторили все.

Праздники окончены, и, лежа на крыше, Марк видит будничные Витебск. Идут прохожие, грохочут телеги, лают собаки, каркают вороны. Какой-то долговязый гимназист пристает к горничной возле забора. Доносится смех.

- Отстаньте, барин, я папинежке скажу.

- Ах ты, шельма, - звук поцелуя.

Марк отворачивается. Во дворе селечного склада отец его, Захария, поднимает тяжелые бочки. Рядом идиолом торчит жирный хозяин. Лицо отца напрягается от тяжести, и лицо Марка тоже напряжено, словно и он держит своими руками скользкое, перетянутое железными обручами дерево. Из-под забора доносится смех.

- Я папинежке скажу, что вы курите.

- Надин, прелесть, - звук поцелуя.

Рабочий день закончен. Отец возвращается с работы, и одежда его под вечерними лучами солнца блестит от селечного рассола.

На плите кипит большой котел с горячей водой.

- Сегодня пятница, день омовения отца, а в доме нет душистого мыла, - сокрушается мама.

- Опять нет душистого мыла, - сердито причитает отец, - вся семья, восемь человек детей на моей шее! Некого послать в лавку за душистым мылом. Спасу нет! От простого мыла у меня одышка, - он кашляет.

Горячий пар поднимается к потолку. Отец поочередно моет голову, грудь, черные, пропитанные селечным рассолом руки. Дети толпятся вокруг, по команде мамы подают то кастрюлю холодной воды, то полотенце для рук или ног, то чистые рубахи и кальсоны.

Омовение окончено. Отец во главе стола в белой, свежей рубахе. Разламывает чистыми руками халу. Мама приносит еду: бульон, телячий студень, компот. Отец утомленно читает застольную молитву. Ест безразлично и

устало, шевеля усами.

- Посмотри, какая мне досталась косточка, с хрящиком, - хвастливо шепчет Давид, а завтра в субботу будет мясо с морковью.

Но Марк не слушает Давида.

- Папа, ты обещал рассказать про секрет синей краски.

- Марк, не приставай к отцу, - говорит мама, - видишь, он сегодня очень устал...

- Нет, я обещал, - сонно говорит отец, - внимайте дети... Один король отрекся от престола, надо короновать нового. Но в чем короновать? Вся королевскую одежду поела моль. Срочно сшить новую одежду и выкрасить ее в королевский синий цвет! Но секрет синей краски утерян, - говорят королю вельможи. Кто знает секрет синей краски? - голова отца опускается на грудь. Минуту, другую он сидя похрапывает, потом, словно из сна, продолжает, - кто знает? Евреи знают, евреи красили королевскую одежду. Собрать всех евреев... Если за неделю не покрасите королевскую одежду в синий цвет, всех перебьем, - голова отца снова падает на грудь, он храпит уже погромче.

- В городе Луз, в Палестине хранится секрет синей краски, - продолжает рассказывать Марк, - но как за неделю добраться до Палестины?

- Собрались евреи, - сонно произносит отец, - подумали и вспомнили, что есть туннель, ведущий в Палестину, а тайный вход в этот туннель в Карпатских горах.

- Кто пойдет в тот туннель? - спрашивает Марк.

- Тот, чья тень длиннее под вечерним солнцем, - говорит отец. - На большой поляне выстроились евреи и, дождавшись вечернего солнца, начали мерить длину тени. Самая длинная тень оказалась у ребб Адама и еще двух евреев. Шли они и пришли в Палестину, в волшебный город Луз. А город Луз населен был одними лишь бессмертными стариками с длинными бородами, которые скучали и тосковали, потому что в городе не было смерти. Кто же не хотел терпеть бессмертия, уходил из города тайным ходом через дупло большого дуба и радостно умирал сразу же за стенами... - отец опускает голову и начинает храпеть совсем уже сильно.

- Папа, ты еще не рассказал про секрет синей краски, - говорит Марк.

- Видишь, отец спит, - говорит мама.

- Он всегда засыпает в этом месте, - говорит Марк.

- Сынок, поговори со мной, - просит мама.

Mark Shagal. The Farmyard (1954-62)

Одна мамина рука на столе, другая на животе.

- О чем говорить, мама?

- Спроси меня что-нибудь, - и рукой, лежащей на столе, поправляет свою высокую прическу.

- Я не знаю о чем, мама.

- Спроси ты, Давид.

Но Давид склонил уже голову, тоже засыпает.

- Все спят. Что у меня за дети, и поговорить не с кем. Если не хотите говорить,

подпевайте мне. Споем песню про раввина. Мама начинает тихо петь, но подпевает только Марк, все остальные спят. Вдруг мама прерывает песню и начинает плакать.

- Почему ты плачешь, мама, - спрашивает Марк.

- Мне жаль тебя. Что с тобой будет в жизни. Я хотела бы, чтоб ты стал приказчиком. Но, дитя мое, разве можно быть приказчиком с такими слабыми плечами? Откуда это в нашем роду?

Ночь. Весь дом спит. На улице дождь и ветер. Стучит форточка. От шума дождя и форточки Марк просыпается. Кто-то идет по темной улице, слышны чьи-то шаги. Кто может гулять в такой дождь? Внезапно кто-то подходит к окну.

- Бабушка Хана, - испуганно шепчет Марк и толкает спящего Давида, - смотри, смотри, Давид, покойная бабушка Хана пришла к нам.

Давид поворачивается на другой бок и продолжает посапывать во сне носом. Бабушка Хана заглядывает в форточку.

Бабушка Хана с грохотом захлопывает форточку. Марк в испуге встает. Слегка покачивается висючая лампа, в углу мрачно темнеет диван, таинственно блестит зеркало. На цыпочках Марк подбирается к двери родительской спальни. В глубине спальни страшно храпит отец с открытым ртом и задранной сверху бородой. Мама спит рядом, толстенная, маленькая. Грохочет гром. Весь мокрый старик в белой одежде, с нищенской сумой стучится в дом. Мама берет кусок хлеба и, приоткрыв дверь, протягивает старику. Ничего не говоря, он бьет ее по руке. Хлеб падает на землю, и старик тотчас исчезает.

- Мамочка, - тихо шепчет Марк, - я боюсь.

- Чего тебе? - сонным голосом спрашивает отец.

- Я боюсь... Приходила бабушка Хана, искала маму.

- Иди спать, - говорит отец.

- Захария, надо посмотреть на детей, - говорит мама, - я видела плохой сон, приходил нищий старик, бросил хлеб, который я ему подала, на землю. Вдруг это к болезни? Тебе ничего не болит, сынок?

- Спите, спите, - повторяет отец и вновь начинает храпеть.

Мама прикладывает ладонь ко лбу Марка, заглядывает ему в горло.

- Я хочу к тебе, мама, - говорит Марк.

Мамины груди похожи на подушки. Марк кладет голову на такую грудь-подушку.

- Мама, завтра Зуся со своим отцом едет на ярмарку. Можно, я его провожу хотя бы до моста?

- Если у тебя не будет болеть горло, сынок, - сонно произносит мама.

Убаюкивающе стучит в окно дождь. Тихо. В доме все спят.

На телеге, груженной товаром, ехали Марк и Зуся. Эля правил лошадей. Солнце уже было низко, из-за домов слышался густой колокольный звон.

- В православном монастыре уже звонят, - сказал Эля, - поздно выехали.

Он хлестнул лошадь, она побежала резвей. Но на перекрестке телегу задержал городской.

- Куда прешь, чесночное племя, - сказал городской Эле, - не видишь, крестный ход?

По Двине плыли украшенные коврами лодки. На передней было духовенство и певчие. Следом на лодках с хоругвями плыли монахи и публика.

- Православную Пасху свою справляют, - сказал Эля и тихо добавил, - чтоб они пропали со своим Христом. Из-за них придется в пути ночевать, в корчме. Приедем на ярмарку только утром, место хорошее не займем. Чтоб они пропали с их распятым байстрюком, - добавил он опять тихо.

Лодки пристали к берегу, и процессия по тропке начала подниматься к монастырю. Слышны были пасхальные каноны и звон колоколов.

- Красиво поют, - сказал Марк, глядя на проносимые мимо хоругви с ликом Христа и Божьей Матери, - а правда, что Христос был еврей и мать у него еврейка? - спросил Марк у Эли.

- Он был байстрюк, - зло ответил Эля, - у него не было законного отца. Мать его на стороне нагуляла.

- На какой стороне нагуляла? - спросил Зуся.

- Что ты спрашиваешь глупости, - сердито ответил Эля и беспокойно посмотрел на длинный крестный ход, загораживающий дорогу, - ах, не успеет засветло приехать,

Mark Shagal. Purim (1916-18)

придется в корчме ночевать. Вот и новые расходы.

- Я слышал, Христос был добрый и всех любил, - сказал Марк.

- От кого ты слышал такие глупости? - средито сказал Эля, - от Таньки-воровки? Или от Катьки-молочницы? С этого Христа все началось... Все эти погромы. Потому что мы, евреи, не признаем этого незаконнорожденного байстрюка Богом. Наш Бог на небе, а их Бог нарисован на доске. Их Бога можно разрубить топором, сжечь, как дрова, растопить им печку, - Эля засмеялся, - у нас великие пророки - Исайя, Иеремия, Иезекиль, Даниил, а у них святыми считаются простые рыбаки, простые пастухи и даже проститутки, - Эля опять засмеялся, - а Бог у них простой плотник.

Наконец крестный ход миновал. Эля тронул лошадь, подъехали к мосту.

- Мне пора домой, - сказал Марк, слезая с телеги.

- Я тебе привезу с ярмарки мятных леденцов и глиняную свистульку, - сказал Зуся.

Переехав мост, телега поехала степью. Уже смеркалось, было пустынно, тихо, лишь издали едва доносился колокольный звон.

Возле столба сидели пьяные Петруха и Тренька, справляли в канаву свою нужду.

- Кто-то едет, - сказал Тренька.

- Это еврей-ювелир, - сказал Петруха, натягивая штаны.

Петруха и Тренька выбежали навстречу телеге и стащили Элю на землю. Зуся заплакал, но Тренька прикрикнул:

- Цыц, гнида жидовская, раздавлю.

Зуся в страхе затих.

- Давай деньги, - сказал Тренька Эле.

Бедный Эля отдал деньги.

- Давай золото, - сказал Петруха.

- Золота нет.

- Врешь, ну-ка, целуй крест, - и протянул к губам Эли оловянный солдатский крест на остро воняющей потом кожаной тесемке.

Эля отстранил губы от креста, который все тесней прижимал Петруха.

- Святой крест не любишь, - дыхнул водкой-луком Тренька, - убийца Христа-спасителя

- Иуда.

Они привязали Элю к столбу, плеснули на него керосином и подожгли. Пламя сразу охватило Элю со всех сторон.

- Быстро горит, - усмехнулся Тренька.

Они выбросили Зуся на землю, вскочили на телегу и уехали.

На рассвете Зуся постучал в окно к Шагалам. Он ничего не мог говорить, только плакал. Увидав лежащие на столе хлеб и селедку, Зуся взял их и начал с плачем есть.

- Ребенок напуган, - сказала мама, - сядь и расскажи все. Где Эля?

Папа сгорел, - дрсжа произнес Зуся, я боюсь пойти домой и сказать об этом маме.

- Что значит сгорел? - спросил Захария.

- Его сожгли воры... Он горел быстро, потому что был худой. Я хочу много есть, стать толстым. Если меня будут жечь, я буду так долго гореть, что воры не дождутся конца.

- Ребенок в лихорадке, - плача сказала мама, - надо уложить его в постель. Я сейчас побегу к Хае.

- Надо сообщить в полицию, - сказал Захария.

- Полиция такие же антисемиты, как и эти воры, - сказала мама, - думаешь, они помогут найти украденные деньги?

Зуся все не переставал есть. Марк подошел к столу и тоже стал есть большие куски хлеба.

Элю похоронили в почти пустом гробу, на дне которого лежало несколько горстей пепла, его полуобгоревшая шапка и башмаки. Когда процессия шла по городу, Хая била себя в голову и кричала:

- Я не знаю, где мой муж, а где сгоревшее дерево.

На кладбище читали над могилой заупокойную молитву. Все плакали.

Берлин 1991 год

АЛЕКСАНДР ЯНОВ Главы из книги «Веймарская Россия»

Публикация глав второго тома книги "Русская идея и 2000 год", названного автором "Веймарская Россия", конечно, не случайна. Александр Янов, известный политолог, философ и историк, продолжает в них развивать свои идеи, заложенные в первом томе его труда.

Уже тогда, в 1987 году, он поразительно точно предвидел и предсказал судьбу России в последующие годы - вплоть до настоящего времени. Тем актуальней и серьезней его прогнозы дальнейшего развития событий, истоки которых он улавливает в сегодняшней ситуации, складывающейся в бывшей супердержаве.

Провидение А. Янова лишено какой-либо спекулятивности, в нем нет и налета той политической лжесенсационности, какая в немалой степени бывает свойственна многим книгам подобного направления. Широко мыслящий исследователь, он основывает свою концепцию на детальном изучении исторических источников, на непосредственном и прекрасном знании России, его родины, на прямых впечатлениях, вынесенных из интервью со многими современными деятелями - представителями самых разнородных политических взглядов и движений - как демократического, так и правооппозиционного лагеря.

Основная мысль, пронизывающая все повествование и открыто декларируемая автором, - это угроза националистической диктатуры, которая назревает сегодня в России. Это тем более страшно, что происходит в стране, обладающей ядерным оружием.

А. Янов приводит множество исторических аналогий, убеждая в необходимости немедленно принять - в мировом масштабе - глубоко продуманные действия, чтобы не дать вспыхнуть катастрофе глобального уровня. В серии ярких политических портретов автор стремится не просто дать "фотографии" лидеров правой оппозиции в России, но раскрыть духовные (пусть даже восходящие к бездуховности) истоки и основы возможного наступления национал-фашистов на свободу и культуру мира.

В главе, публикуемой "Словом", мы знакомим читателей с одним из лидеров интеллектуальной элиты, как бы теоретиком правых - Львом Гумилевым.

ALEXANDER YANOV

THE WEYMAR RUSSIA

The publication of chapters from the second volume of the book *Russian Challenge and the Year 2000* that the author called *The Weimar Russia* is by no means accidental. Alexander Yanov, well-known political scholar, philosopher and historian, continues to amplify in them his ideas that were set forth in the first volume of his book.

Even then, in 1987, he foresaw and foretold with remarkable accuracy the fate of Russia in the subsequent years - up to the present day. His prognosis of the further development of the events in Russia is, therefore, so much more urgent and serious. He discerns origins of these events in the situation that evolves today in the former superpower.

* Yanov's foresight is deprived of any speculation; there isn't even a shadow of that political sensationalism that is often characterizes the books of this genre. He is a broad-minded scholar who bases his concepts on a detailed analysis of historical sources, on a direct and exceptional knowledge of Russia, his motherland, and on immediate impressions from the interviews with various contemporary politicians, both from the democratic camp and from the right-wing opposition.

The main theme of the book, that the author states openly, is the threat of a nationalist dictatorship that ripens in Russia today. This is all the more dangerous that it takes place in the nuclear power.

A. Yanov brings forth many historical analogues in attempt to convince his readers that it is necessary to take urgent and resourceful measures on a world scale to prevent a global catastrophe. In a series of vivid political portraits, the author endeavors not just to give "photographs" of leaders of the right-wing opposition in Russia, but also to uncover spiritual sources and grounds (although they might be anything but spiritual) of a possible nationalist-fascist offensive on freedom and culture of the world.

The chapter that we publish in this issue of the *Word* introduces one of the leaders of the intellectual elite - Leo Gumilev - to the readers. Gumilev is a theoretician of sorts of the Russian New Right.

АЛЕКСАНДР ЯНОВ

УЧЕНИЕ ЛЬВА ГУМИЛЕВА

ALEXANDER YANOV

LEO GUMILEV'S THEORY

translated by Irina Barskova

Лев Николаевич Гумилев - уважаемое в России имя. Уважают его притом и "западники", которых он, скажем мягко, недолюбливал, и "патриоты", хотя многие из них и относились к нему с опаской. Вот что говорит о нем с восхищением в западнической Литературной газете петербургский писатель Гелий Прохоров: "Бог дал ему возможность самому изложить свою теорию... И она стала теперь общим достоянием и приятн, побуждая думать теперь уже всю страну".¹

Андрей Писарев из "патриотического" Нашего современника был в беседе с мэтром не менее почтителен: "Сегодня вы представляете единственную серьезную историческую школу в России".² И все-таки мне кажется, что роль, которую предстоит сыграть Гумилеву в общественном сознании России после смерти, неизмеримо более значительна, нежели та, которую играл он при жизни.

Сын знаменитого поэта "Серебряного века" Николая Гумилева, расстрелянного большевиками во время гражданской войны, и великой Анны Ахматовой, человек, прошедший долгие годы в сталинских лагерях и сумевший после освобождения защитить две докторских диссертации, по истории и по географии, опубликовавший девять книг, где он бросил вызов мировой науке, оспорил Арнольда Тойнби и предложил

Lev Nikolaevich Gumilev is the respected name in Russia. Moreover, he is respected both by "Westernizers", whom he, to put it mildly, disliked, and by "patriots", many of whom were apprehensive towards him. Here is how Geliy Prokhorov, writer from St. Petersburg, praises him in the Westernizing Literaturnaya Gazeta: "God gave him an opportunity to expound his theory... And now it became a national property; it is intoxicating, and impels the entire country to think".¹ Andrey Pisarev from the "patriotic" Nash Sovremennik was not the less deferential in his interview with the maitre: "Today you represent the only serious historical school in Russia".² Nevertheless, I think that the role Gumilev is about to play in Russian social consciousness after his death is infinitely more significant than the one he played during his life.

He was a son of Nikolai Gumilev, famous poet of the "Silver Age" whom Bolsheviks executed by a firing squad during the civil war, and of the great Anna Akhmatova. Leo Gumilev spent many a long year in Stalin's camps and managed, after his release, to defend two doctoral dissertations (in history and geography) and to publish nine books, where he challenged the world scholarship, contested Arnold Toynbee and offered his own interpretation of the

¹ Literaturnaya Gazeta (Literary Gazette), June 24, 1992.

² Nash Sovremennik (Our Contemporary), no. 1, 1991, p. 132.

¹ Литературная газета, 24 июня, 1992

² Наш современник, 1991, N 1, с. 132. В дальнейшем НС с указанием года и номера.

собственное объяснение загадок всемирной истории.³ Лев Гумилев был одним из самых талантливых и, без сомнения, самым эрудированным представителем молчаливого большинства советской интеллигенции.

Как в двух словах сказать о том слое, из которого вышел Гумилев? Эти люди с режимом не воевали. Но и лояльны они были ему только внешне. "Ни мира, ни войны!" - этот девиз Троцкого времен Брестских переговоров 1918 г. стал для них принципиальной жизненной позицией. По крайней мере, она позволяла им сохранить человеческое достоинство в условиях посттоталитарного режима. Или так им казалось.

Заплатить за нее, однако, пришлось им очень дорого. Погребенные под глыбами вседушной цензуры, они казались отрезанными от мировой культуры и вынуждены были создать свой собственный, изолированный и монологичный "мир", где идеи рождались, старились и умирали, так и не успев реализоваться, где гипотезы провозглашались, но навсегда оставались непроверенными. Всю жизнь оберегали они в себе колеблющийся огонек "тайной внутренней свободы", но до такой степени привыкли к эзоповскому языку, что он постепенно стал для них родным. В результате вышли они на свет постсоветского общества со странными, незаживающими шрамами. Лев Гумилев, конечно, разделал с ними все парадоксы этого "катакомбного" существования - и мышления.

ПАТРИОТИЧЕСКАЯ НАУКА

Всю жизнь старался он держаться так далеко от политики, как мог. Он никогда не искал спор с цензурой и при всяком удобном случае клялся "диалектическим материализмом". Более того, у нас нет ни малейших оснований сомневаться, что свою грандиозную гипотезу, претендующую на окончательное объяснение истории человечества, он искренне полагал марксистской. Ему случалось даже упрекать оппонентов в отступле-

³Л. Н. Гумилев родился в 1912 г. в Царском селе вблизи от Санкт-Петербурга. В 1946 г. окончил исторический факультет Ленинградского университета. В 1961 г. защитил докторскую диссертацию по истории, в 1974 г. - по географии. Вот список его основных работ: "Хунну", 1960; "Открытие Хазарии", 1966; "Древние тюрки", 1967; "Поиски вымышленного царства", 1970; "Тунны в Китае", 1974; "Этногенез и биосфера земли", 1989; "Древняя Русь и Великая Степь", 1989; "Чтобы свеча не погасла", 1990.

enigmas of world history.³ He was one of the most talented and, unquestionably, the most erudite representatives of the silent majority of Soviet intelligentsia.

How could one briefly describe that section from which Gumilev emerged? Those people weren't at war with the regime. However, their loyalty towards it was but external. "Neither war, nor peace!" - this slogan of Trotsky from the time of Brest Negotiations became their essential life creed, and quite respected at that. In any event, it allowed them to maintain human dignity under conditions of the post-totalitarian regime. Or so they thought.

However, they had to pay dearly for that creed. Buried under clods of the ubiquitous censorship, they found themselves separated from the world culture. They were forced to create their own, isolated and monologous "world". In that world, ideas were born, grew old and died, never having time to get realized; hypotheses were declared, but forever remained unverified. All their life they cherished a flickering flame of the "arcane internal freedom". However, they got accustomed to the Aesopian language to such an extent that it became a mother tongue to them. Consequently, they emerged into the day of post-Soviet society with horrible, unhealing scars. It goes without saying that Leo Gumilev shared with them all the paradoxes of that "catacomb" existence - and mentality.

PATRIOTIC SCIENCE

All his life he tried to stay as far away from the politics as he could. He never tried to pick up fights with censors, and at any convenient occasion he swore by "dialectical materialism". Furthermore, we have no reason whatsoever to doubt that he sincerely considered his grandiose hypothesis, that aims at the ultimate exegesis of world history, to be Marxist. He even used to reproach his opponents with deviations from "historical materialism".⁴ He said that Marx had

³L.N. Gumilev was born in 1912 in Tsarskoe Selo near St. Petersburg in. He graduated from the History department of Leningrad University in 1946. Got Ph.D. in history in 1961 and Ph.D. in geography in 1974. Here is the list of his essential works: *Hunni*, 1960; *Discovery Of Khasaria*, 1966; *Ancient Turks*, 1967; *In Search of the Fictitious Kingdom*, 1970; *The Hiong Nu in China*, 1974; *Ethnogenesis and the Biosphere*, 1989; *Ancient Russia and the Great Steppe*, 1989; So that the Candle wouldn't be Extinguished, 1990.

⁴L. Gumilev. "Apocryphal Dialog", *Neva*, 1988, no. 4, p. 196. See also Leo Gumilev, *Ethnogenesis and the Biosphere*, pp. 9, 277.

ниях от "исторического материализма".⁴ Маркс, - говорил он, - предвидел в своих ранних работах возникновение принципиально новой науки о мире, синтезирующей все старые учения о природе и человеке. В 1980-е Гумилев был уверен, что человечество - в его лице - "на пороге создания этой новой марксистской науки".⁵ В 1992 г. он умер в убеждении, что создал такую науку.

И в то же время он парадоксально подчеркивал свою близость с самыми яростными противниками марксизма в русской политической мысли XX века - евразийцами.⁶ "Меня называют евразийцем, и я от этого не отказываюсь... С основными историко-методологическими выводами евразийцев я согласен". Не смущала его и безусловная антизападная ориентация евразийцев, которая - после сильного, блестящего и вполне либерального начала в 1920-е гг. - привела их в лагерь экстремистского национализма, а затем к вырождению в реакционную эмигрантскую секту.

Ничего особенного в этой эволюции евразийства, разумеется, не было. В конце концов все русские антизападные движения, как бы

⁴См. Л. Гумилев, "Апокрифический диалог", *Нева*, 1988, N4, с. 196. См. также Leo Gumilev, "Ethnogenesis and the Biosphere," pp. 9, 277. Все цитаты из этой книги приводятся здесь в обратном переводе с английского.

⁵Там же, с. 9-10

⁶Евразийцы были одним из эмигрантских идейных течений, сформировавшихся в начале 1920-х под влиянием сперва отечественного славянофильства и большевистской революции, а затем фашизма в интерпретации Муссолини. Соответственно они отвергали правовое государство, противопоставляя ему корпоративное политическое устройство, считали себя "первым типом русского ордена" (Н. Алексеев), проповедовали "идеократию" и "государство правды", в котором "правят герои" - в противоположность демократии, где правят "серые, средние люди" (Б. Ширлев). К революции 1917 г. евразийцы отнеслись положительно - именно из-за того, что, "изолировав большевистский континент и выведя Россию из всех международных отношений [она] как-то приближает, помимо воли ее руководителей, русскую государственность... к отысканию своего самостоятельного историко-эмпирического задания" (П. Сучинский). Исходя, как и положено изоляционистам, из того, что "нормано-германский мир со своей культурой - наш злейший враг" (Н. Трубецкой), они в то же время утверждали, что "Евразия как особый географический и культурный мир" совпадает с историческими границами российской империи. Такая имперско-изоляционистская установка, характерная для выродившегося славянофильства, неминуемо должна была себя вести - и привела - их к фашизму.

⁷НС, 1992, N 1, с. 132.

foreseen in his early works the emergence of a radically new science that would synthesize all the old theories about nature and mankind. In the 1980's, Gumilev was certain that the humanity - in his person - is "on the threshold of the creation of a new Marxist science."⁵ He died in 1992 with the conviction that he had created such science.

At the same time, he paradoxically stressed his proximity to Eurasianists, the most zealous adversaries of Marxism in Russian political thought of the twentieth century.⁶ "They call me a Eurasianist, and I don't deny it... I agree with principal historiographical conclusions of Eurasianists."⁷ However, not only wasn't he perplexed by their annihilating critique of Marxism, but he wasn't even perplexed by the unequivocal anti-Western orientation of Eurasianists. This orientation brought them after a strong, brilliant and quite liberal beginning in the 1920's to the camp of extremist nationalism and then to the degeneration into a reactionary émigré sect.

It goes without saying that there was nothing special about that evolution of Eurasianism. Eventually, all Russian anti-Western movements, no matter how brilliant their beginning might have been, traveled an analogous road of degeneration. I myself described the tragic fate of Slavophiles in the Russian

⁵Ibid., pp. 9-10.

⁶Eurasianists were one of the emigre ideological movements that was formed in the early 1920's -- first under the influence of Russian Slavophilism and the Bolshevik Revolution, and then under that of fascism in the interpretation of Mussolini. Consequently, they rejected a legal state, counterposing to it a corporate political system. They considered themselves to be "the first type of Russian Order" (N. Alekseev), preached "ideocracy" and "a state of truth" that is "ruled by heroes" as opposed to democracy whose leaders are "gray and mediocre people" (B. Shiryaev). Eurasianists welcomed the Revolution of 1917 - precisely because it "isolated the Bolshevik continent and extricated Russia from all the international relations, and thus [it] brought the Russian statehood, in spite of reluctance of its leaders, closer to discovery of its independent historical-empirical mission" (P. Suchevsky). Proceeding (as isolationists should) from a postulate that "the Norman-German world with its culture is our most fierce enemy" (N. Trubetskoy), they asserted at the same time that "Eurasia as a special geographical and cultural world" coincides with the historic borders of the Russian empire. Such imperial-isolationist orientation, characteristic of a degraded Slavophilism, inevitably had to lead them - and did - to fascism.

⁷Nash Sovremennik, 1991, no. 1, p. 132.

либерально они ни начинали, всегда проходили аналогичный путь вырождения. Я сам описал в Русской идее трагическую судьбу славянофилов.⁸ Разница лишь в том, что их "русской идее" понадобилось для этой роковой метаморфозы из либеральной теории в фашизм все-таки три поколения, тогда как евразийцы управились с этим на протяжении двух десятилетий. Нам остается сейчас только гадать, как мог не обратить внимания на это вырождение Гумилев. И как увязывалась в его сознании близость к евразийцам с верностью "историческому материализму".

Эта способность без лицемерия и внутреннего раздвоения служить (а Гумилев рассматривал свою работу как общественное служение) под знаменами сразу двух взаимоисключающих школ мысли вовсе не была, увы, единственным парадоксом, который разделял он с молчаливым большинством советской интеллигенции. Вот еще один пример.

Гумилев настаивал на строгой научности своей теории и пытался обосновать ее со всей доступной ему скрупулезностью. Я ученый, - как бы говорит каждая страница его книг, - и политика, будь то официальная или оппозиционная, западническая или "патриотическая", ничего общего с духом и смыслом моего труда не имеет. И в то же время, отражая атаки справа, ему не раз случалось доказывать безукоризненную патриотичность своей науки, далеко превосходящую, по его мнению, "патриотичность" его националистических критиков.

Говоря, например, об общепринятой в российской историографии концепции татаро-монгольского ига над Россией XIII-XV веков, само существование которого Гумилев яростно отвергал, он с порога отбрасывал аргументы либеральных историков: "Что касается 'западников', то мне не хочется спорить с невежественными интеллигентами, не выучившими ни истории, ни географии",⁹ (несмотря даже на то, что в числе этих "невежественных интеллигентов" оказались практически все ведущие русские историки). Возмущало его лишь "признание этой концепции историками национального направления". Это он находил "поистине странным". И удивлялся: "Никак не пойму, почему люди патриотично настроенные обожают миф об 'иге', выдуманый ... немцами и французами... Даже непонятно, как историки смеют утверждать, что их трактовка в данном случае патриотична!"¹⁰

⁸ А. Янов, "Русская идея и 2000 год". Нью-Йорк, 1988.

⁹ ИС, 1991, N I, с. 134.

¹⁰ Там же

Challenge.⁸ The only difference is that it took their "Russian idea", after all, three generations for the fatal metamorphosis from a liberal theory to fascism, whereas Eurasianists accomplished it within two decades. Nothing else is left for us, but to wonder how Gumilev could have overlooked that degeneration, and how he managed to reconcile in his mind this proximity to Eurasianists with loyalty to "historical materialism".

This ability to serve (and Gumilev viewed his work as a public service) under the banners of two mutually excluding schools of thought - without hypocrisy and inner dichotomy - was, alas, not the only paradox that he shared with the silent majority of Soviet intelligentsia. Here is another example.

Gumilev insisted on a strictly scientific character of his theory and attempted to substantiate it with all his scruples. Every page of his books seems to state: I am a scholar, and politics - be it official or opposition, Westernizing or "patriotic" - have nothing in common with the spirit and significance of my work. At the same time, rebuffing attacks from the right, he argued on more than one occasion an impeccable patriotism of his scientific theory which surpassed by far, according to him, a "patriotism" of his nationalist critics.

For instance, Gumilev vehemently rejected the very existence of the Mongol yoke that dominated Russia in the 13th-15th centuries AD. When he talked about the concept of that yoke - universally recognized in Russian historiography, he discarded arguments of liberal historians from the start: "As for 'Westernizers', I don't feel like arguing with ignorant intellectuals who didn't bother to learn either history or geography"⁹ (this in spite of the fact that virtually all leading Russian historians fell into this category of "ignorant intellectuals"). The only thing that filled him with indignation was the "recognition of this conception by the historians of national orientation". He found it "truly strange". He was amazed: "I fail to comprehend why people who are patriotically oriented love this myth of the 'yoke' that was invented by... Germans and Frenchmen... I don't even see how some historians dare to assert that their approach to this issue is patriotic" ...¹⁰

A scholar in him doesn't seem to be bothered at all by the expression "patriotic treatment" of a scientific problem. If this is science, then what is politics?

GUMILEV'S ISSUES

The new generation, that entered into battles on the pages of magazines in light of Glasnost, started by

⁸ A. Yanov, The Russian Challenge and the Year 2000, New York, 1988.

⁹ Nash Sovremennik, 1991, no. 1, p. 134.

¹⁰ Ibid.

Ученому вовсе, оказывается, не резало ухо словосочетание "патриотическая трактовка" научной проблемы. Если это наука, то что же тогда политика?

ВОПРОСЫ ГУМИЛЕВА

Новое поколение, вступившее в журнальные баталии при свете гласности, начало с того, что дерзко вызвало к барьеру бывшее молчаливое большинство советской интеллигенции. Николай Климонтович пишет в своей беспощадной инвективе: "Нынешнее время требует от них эту взлелеянную во тьме реакции свободу духа предъявить. И мы утыкаемся в роковой вопрос: была ли 'тайная свобода', есть ли что предъявлять, не превратятся ли эти золотые россыпи при свете дня в прах и золу?"¹¹

Не знаю, как другие, но Лев Гумилев перчатку, брошенную Климонтовичем, поднял бы несомненно. Ему есть, что "предъявить". Его девять книг, его отважный штурм загадок мировой истории - это, если угодно, его храм, возведенный во тьме реакции и продолжающий, как видим, привлекать верующих при свете дня. Загадки, которые он пытался разгадать, поистине грандиозны.

В самом деле, кто и когда объяснил, почему, скажем, дикие и малочисленные кочевники-монголы вдруг ворвались на историческую сцену в XIII веке и ринулись покорять мир, громя по пути богатейшие и культурные цивилизации Китая, Средней Азии, Ближнего Востока и Киевской Руси - только затем, чтобы несколько столетий спустя тихо сойти с этой сцены, словно их никогда там и не было? А другие кочевники - столь же внезапно возникшие из Аравийской пустыни и на протяжении столетия ставшие владыками полумира, вершителями судеб одной из самых процветающих цивилизаций в истории? Разве не кончилось их фантастическое возвышение таким же, как монгольское, превращением в статистов этой истории? А гунны, появившиеся ниоткуда и рассеявшиеся в никуда? А вечная загадка величия и падения Древнего Рима?

Откуда взлетели и куда закатились все эти исторические метеоры? И почему? Не перечить философам и историкам, пытавшимся на протяжении столетий ответить на эти вопросы. Но ведь общепризнанных ответов на них нет и по сию пору. И вот Гумилев, опираясь на свою устрашающую эрудицию, предлагает совершенно оригинальные ответы. Разве сама уже дер-

challenging the former silent majority of Soviet intelligentsia to a duel. Nikolai Klimontovich writes in his implacable invective: "The present time demands from them to produce this spiritual freedom that was cherished in the reactionary darkness. And we are faced with a fatal question: was there indeed an 'inner freedom', is there, in fact, anything to be produced, wouldn't those gold-mines be reduced to dust and ashes in the light of day?"¹¹

I cannot speak for others, but Leo Gumilev would have undoubtedly picked up the gauntlet thrown by Klimontovich. He does have what to "produce". His nine books, his courageous storming of the enigmas of world history are, if you will, his temple which he erected in the reactionary darkness and which, as we can see, continues to attract believers in the light of day. The enigmas that he endeavored to unravel are truly grandiose.

Indeed, who and when explained why, for instance, the savage and scarce Mongol nomads suddenly burst onto the historical arena of the 13th century and set to conquer the world, smashing on their way the richest and cultural civilizations of China, Central Asia, Middle East and Kievan Russia - only to leave this arena quietly few centuries afterwards, as if they were never there? And what about the other nomads who equally suddenly appeared in the Arabian desert and became for centuries masters of destinies in one of the most prosperous civilizations in history? Didn't their fantastic rise end up by turning them into the same historical extras as the Mongols? And what about the Huns that appeared out of nowhere and then vanished into thin air? And the eternal enigma of the majesty and the fall of Ancient Rome?

Where did they come from and where did they fall, all these historical meteors? And why? Philosophers and historians who attempted to answer those questions during centuries are countless. Still, no universally recognized answers to them exist till our day. However, Gumilev, guided by his formidable erudition, offers most original answers. If nothing else, isn't this audacity, the very grandiose scope of this enterprise that encompasses 22 centuries (from the 8th century BC) worthy of an unconditional respect?

THE HYPOTHESIS

Nevertheless, audacity and originality are not sufficient for the discoveries of such scale. As all the scientific community well knows, in order for a discovery to become credible, there should be a method to corroborate it. In other words, it should be verifiable. There is also a whole series of other dictates

¹¹"Цена тайной свободы". Столица, 1992, N 4, с. 11.

¹¹"Price of Inner Freedom", Stolitsa (Capital), 1992, no. 25, p.11.

вость, сам грандиозный размах этого предприятия, охватывающего 22 столетия, (от VIII века до нашей эры), не заслуживает безусловного уважения?

ГИПОТЕЗА

Дерзости и оригинальности, однако, для открытия таких масштабов недостаточно. Как хорошо знают все, причастные к науке, для того, чтоб в открытие поверили, должен существовать способ его проверить. Другими словами, оно должно быть верифицируемо. Есть и еще ряд общепринятых требований к научному открытию. Например, оно должно быть логически непротиворечиво и универсально, т.е. объяснять все факты в области, которую оно затрагивает, а не только те, которым отдает предпочтение автор, оно должно действовать всегда, а не только тогда, когда автор считает нужным, и т.д. Присмотримся же к ответам Гумилева с этой точки зрения, начав, как и он, с терминов и самых общих соображений о "географической оболочке земли, в состав которой, наряду с литосферой, гидросферой, атмосферой, входит биосфера, частью которой является антропосфера, состоящая из этносов, возникающих и исчезающих в историческом времени".¹² Пока что ничего особенного тут нет.

Термин "биосфера" как понятие, обозначающее совокупность деятельности живых организмов, был введен в оборот еще в прошлом веке австрийским геологом Эдуардом Зюссом (гипотезу, что биосфера может воздействовать на жизненные процессы как геохимический фактор планетарного масштаба выдвинул в 1926 г. академик Владимир Вернадский). О причинах исчезновения древних цивилизаций философы спорят еще со времен блаженного Августина. Действительная оригинальность гипотезы Гумилева в том, что она связала два эти ряда никак словно бы не связанных между собою явлений - геохимический с цивилизационным, природный с историческим. Это, собственно, и имел он в виду под универсальной марксистской наукой, которую он создал.

Для этого понадобилось ему, правда, одно небольшое, скажем, допущение (недоброжелательный критик назвал бы его передержкой), которое никак проверено быть не может. Под пером Гумилева геохимический фактор Вернадского как-то сам собою превращается в биохимическую энергию. И с введением этого нового фактора невинная биосфера Зюсса вдруг ожи-

to a scientific discovery. It should be universal and devoid of logical conflicts, i.e. it should explain all the facts in the area it covers, and not just those favored by the author; it should function at all times, and not just when the author deems it necessary, and so forth. Let's scrutinize Gumilev's answers from this point of view, starting, as he did himself, with terms and most broad notions of "the geographical shell of the Earth that includes not only lithosphere, hydrosphere and atmosphere, but also biosphere whose part is anthroposphere that consists of ethnoi that appear and disappear in the historical time."¹² So far - nothing special.

The term "biosphere", as the totality of activity of living organisms, was introduced as early as the last century by an Austrian geologist Eduard Seus. A hypothesis that the biosphere, as a geochemical factor of the planetary scale, is capable of affecting living processes was put forward by Vladimir Vernadsky in 1926. Philosophers have argued about the causes of disappearance of ancient civilizations since the time of St. Augustine. A genuine originality of Gumilev's hypothesis is that it connected these two series of the phenomena that seemingly cannot be connected: the geochemical with the civilizational, and the natural with the historical. In fact, that is what he meant by the universal Marxist science that he created.

For that, however, he needed one modest, shall we say, conjecture (an unfavorable critic would have called it a distortion) which simply cannot be verified. On Gumilev's pages, the geochemical factor of Vernadsky somehow transforms into a biochemical energy. Once this new factor is introduced, the harmless biosphere of Seus suddenly comes to life, transforming into a giant generator of "excessive biochemical energy",¹³ into some kind of celestial volcano that every now and again disgorges upon the earth streams of an unknown and invisible energy lava that Gumilev calls "drive". It is these very eruptions of drive, random and not eligible for any kind of periodization, that create, maintains Gumilev, new nations (ethnoi) and civilizations (superethnoi). And when drive gradually leaves these new ethnoi ("process of entropy"),¹⁴ they die. Here we have it - the solution for the enigma of appearance and disappearance of civilizations.

What is happening to ethnoi between birth and death? Approximately the same thing that to people. They get on their feet ("consolidation of the system"),

¹²"Apocryphal Dialog", Neva, 1988, no. 4, p. 201.

¹³L. Gumilev, Ancient Russia and the Great Steppe, Moscow, 1989, p. 755.

¹⁴L. Gumilev and Alexander Panchenko. Dialog. So that the Candle wouldn't be extinguished, Leningrad, 1990, p. 32.

¹²"Апокрифический диалог". Нева, 1988. N 4, с. 201

вает, трансформируясь в гигантский генератор "избыточной биохимической энергии"¹³, в некое подобие небесного вулкана, время от времени извергающего на землю потоки псевдомой и невидимой энергетической лавы (которую Гумилев называет "пассионарностью"). Именно эти извержения пассионарности, произвольные и не поддающиеся никакой периодизации, и создают, утверждает он, новые нации (этносы) и цивилизации (суперэтносы). А когда пассионарность постепенно покидает эти новые этносы ("процесс энтропии"¹⁴), они умирают. Вот вам и разгадка возникновения и исчезновения цивилизаций.

Что происходит с этносами между рождением и смертью? То же, примерно, что и с людьми. Они становятся на ноги ("консолидация системы"), впадают в подростковое буйство ("фаза энергетического перегрева"), взрослеют и естественно, стареют ("фаза надлома"), а потом как бы уходят на пенсию ("инерционная фаза"); и, наконец, испускают дух (или вступают в "фазу обскурации"). Все это вместе и называет Гумилев этногенезом.

Вот так оно, по Гумилеву, случается: живет себе народ тихо и мирно в состоянии "гомеостаза", а потом вдруг обрушивается на него "пассионарный толчок" или "взрыв этногенеза"¹⁵ и он преобразуется в этнос, т.е. перестает быть просто социальным коллективом и становится "явлением природы". И с этого момента "моральные оценки так же к нему неприменимы, как ко всем явлениям природы".¹⁶ И дальше ничего уже от него не зависит. На ближайшие 1200-1500 лет (ибо именно столько продолжается этногенез, по 300 лет на каждую фазу) он в плену своей собственной пассионарности. Все изменения, которые с ним отныне случаются, могут быть исключительно возрастными. Все в его истории написано наперед, детерминировано с жесткостью, соперничающей с фаталистическими конструкциями Шпенглера.

Вот, скажем, происходит в Западной Европе в XVI веке Реформация, рождается протестантизм и с ним буржуазия, начинается так называемое Новое время. Почему? Многие ученые пытались объяснить этот феномен земными и историческими причинами. Возобладала точка зрения Макса Вебера, связавшая происхождение

fall into an adolescent fury (the "overheating" phase), grow up and, naturally, grow old (the "break" phase), then they as if retire (the "inertial" phase) and finally expire (or enter the "obscuration" phase). All these things together Gumilev calls ethnogenesis.

This is how it all happens according to Gumilev; a people leaves in peace and quiet in a state of "homeostasis". Suddenly, it receives an impulse of drive or an "explosion of ethnogenesis"¹⁵ and transforms into an ethnos, i.e. ceases to be just a social collective and becomes a natural phenomenon. From then on, "moral criteria are as inapplicable to it as to all the natural phenomena".¹⁶ Nothing further depends on it. For the following 1,200-1,500 years (for ethnogenesis lasts this long; 300 years for each phase) it is a prisoner of its own drive. All the changes that from now on happen to it could be exclusively of an aging nature. Everything in its history is written in advance and determined with a rigidity that would rival fatalist constructions of Spengler.

For instance, the Reformation takes place in Western Europe in the 16th century. Protestantism and the bourgeoisie emerge, and the so-called New Time begins. Why? Many scholars tried to explain this phenomenon by earthly and historical reasons. Max Weber's point of view, which linked the origins of bourgeoisie with Protestantism, prevailed. Nothing of the kind, - says Gumilev: "The Reformation was not so much a revolt of an idea as a phase of ethnogenesis, a break [characteristic] of the transition from the 'acme' phase to the 'inertial'".¹⁷ And what is the inertial phase? Decline, loss of vital forces, gradual dying. "The picture of this decline is deceptive. It wears a mask of well-being and prosperity, which seem eternal to contemporaries... However, that is nothing but a consoling self-deception [that is dissipated] after the last, and this time fatal down turn sets in. The last phase of ethnogenesis is destructive. Members of an ethnos pass to despoliation and rapacity".¹⁸

This, the reader will understand, has to do the Western-European superethnos. 300 years after entering the "inertia phase", it is agonizing before our very eyes; it is a living corpse, and if we fail to see it, it is simply because of a "consoling self-deception".

Russia is an entirely different case. It is much younger (five centuries, in Gumilev's computation) than the West. Unlike the latter, the former has a long life ahead. However, Russia is a prisoner of its age as well. Everything that is happening there now is

¹³ Л. Гумилев. "Древняя Русь и Великая Степь". М., 1989, с.

¹⁴ Л. Гумилев - Александр Панченко. Диалог. "Чтобы свеча не погасла". Ленинград, 1990, с. 32.

¹⁵ "Апокрифический диалог". Нева, 1988, N 4, с. 200.

¹⁶ Там же.

¹⁵ "Apocryphal Dialog", p. 200.

¹⁶ Ibid., p. 201.

¹⁷ Ethnogenesis and the Biosphere, Moscow, 1990, p. 338.

¹⁸ Ibid., p. 355.

буржуазии с протестантизмом. Ничего подобного, - говорит Гумилев: "Реформация была не бунтом идеи, а фазой этногенеза, переломом [характерным] для перехода от фазы надлома к инерционной".¹⁷ А что такое инерционная фаза? Упадок, потеря жизненных сил, постепенное умирание. "Картина этого упадка обманчива. Он носит маску благосостояния и процветания, которое представляется современникам вечным... Но это лишь утешительный самообман [что становится очевидно] как только наступает следующее и на этот раз финальное падение. Последняя фаза этногенеза деструктивна. Члены этноса... предаются грабежам и алчности".¹⁸

Это, как понимает читатель, относится к западноевропейскому суперэтносу. Через 300 лет после вступления в "инерционную фазу" он агонизирует на наших глазах, он - живой мертвец. И если мы ещё этого не видим, то лишь по причине "утешительного самообмана".

Совсем другое дело Россия. Она намного (на пять столетий, по подсчетам Гумилева) моложе Запада. Ей, в отличие от него, предстоит еще долгая жизнь. Но и она, конечно, в плену своего возраста. Именно этим и обусловлено все, что с ней сейчас происходит. Люди ломают себе голову над происхождением перестройки, а на самом деле ровно ничего загадочного в ней нет: "Мы находимся в конце фазы надлома (если хотите - в климаксе), а это возрастная болезнь".¹⁹

Так же, как совершенно несерьезными кажутся Гумилеву попытки Вебера и современных ученых объяснить происхождение западноевропейской Реформации или российской перестройки, нелепыми представляются ему и попытки Арнольда Тойнби предложить в его двенадцатитомной "Науке истории" некие общеисторические причины исчезновения древних цивилизаций. По мнению Гумилева, Тойнби лишь "компрометирует плодотворный научный замысел слабой аргументацией и неудачным его применением".²⁰ Вместо всех этих безнадежно любительских попыток Гумилев предлагает Науку, позволяющую не только объяснить прошлое, но и предсказывать будущее: "Феномен, который я открыл и описал, может решить проблемы этногенеза и этнической истории".²¹

determined precisely by that. People are breaking their heads over the origins of the Perestroika, but in reality it holds no mystery whatsoever: "We are at the end of the "acme" phase (the menopause, if you will) which is an aging decease".¹⁹

As we saw, Gumilev doesn't take seriously the attempts of Weber and modern scholars to clarify origins of the Western European Reformation or Russian Perestroika. He also considers absurd the attempts by Arnold Toynbee to offer certain all-historical reasons for disappearance of ancient civilizations in his "Study of History" in twelve volumes. In Gumilev's opinion, Toynbee just "compromises a fruitful scientific concept by weak arguments and a unsuccessful application of an ill-considered principle."²⁰ Instead of all these hopelessly amateur attempts, Gumilev is offering the Science that allows not only to explain the past, but also to predict the future: "The phenomenon I have discovered and described can solve the problems of ethnogenesis and ethnic history".²¹

GUMILEV'S "CONTROVERSY"

The meaning of his hypothesis is, as we can see, in that it explains historical phenomena (birth of new ethnoi) by natural ones (an alleged eruption of the biosphere). But where do we learn about the existence of these natural perturbations? It turns out, we learn it from the same very history: "Ethnogenesis in all its phases is a domain of natural history, but their study is possible only by way of learning history".²² In other words, we know absolutely nothing about how the biosphere produces ethnoi except that it, according to Gumilev, produces them. If a new ethnos appears somewhere on earth, it signifies that an eruption of the biosphere took place.

Still, how can we tell that a new ethnos appeared on earth? We are advised, that we learn it through a "drive explosion", i.e. through a "biosphere eruption". Thus, by explaining natural phenomena by historical ones, we simultaneously explain historical phenomena by natural ones. It goes without saying, that this exotic circular explanation, that mixes an exact science with the humanities, demands that the author doubles his scruples. At the very least, he should explain to the reader what a new ethnos is, what exactly makes it new and what objective criterion we could use to determine its essential novelty.

The paradox of Gumilev's hypothesis is that it

¹⁷"Ethnogenesis and the Biosphere." M., 1990, p. 338.

¹⁸Ibid., p. 355.

¹⁹HC. 1991, N 1. c. 141.

²⁰"Ethnogenesis." p. 152.

²¹Ibid., p. 215.

¹⁹Nash Sovremennik, 1991, no. 1, p. 141.

²⁰Ethnogenesis, p. 355.

²¹Ibid., p. 355.

²²"Apocryphal Dialog". p. 201.

"КОНТРОВЕРЗА" ГУМИЛЕВА

Смысл его гипотезы, как видим, заключается в объяснении исторических явлений (рождение новых этносов) природными (предполагаемыми) извержениями биосферы. Но откуда узнаем мы о самом существовании этих природных возмущений? Оказывается, из той же истории: "Этногенезы на всех фазах - удел естествознания, но изучение их возможно только путем познания истории".²² Другими словами, мы ровно ничего о деятельности биосферы по производству этносов не знаем, кроме того, что она, по мнению Гумилева, их производит. Появился где-нибудь на земле новый этнос, значит, произошло извержение биосферы.

Откуда, однако, узнаем мы, что на земле появился новый этнос? Оказывается, из "пассионарного взрыва", т.е. из извержения биосферы. Таким образом, объясняя природные явления историческими, мы в то же время объясняем исторические явления природными. Это экзотическое круговое объяснение, смешивающее предмет точных наук с предметом наук гуманитарных, требует, разумеется, от автора удвоенной скрупулезности. По меньшей мере, он должен совершенно недвусмысленно объяснить читателю, что такое новый этнос, что именно делает его новым и на основании какого объективного критерия можем мы определить его принципиальную новизну.

Парадокс гипотезы Гумилева состоит в том, что никакого такого объективного критерия в ней просто нет. Чтоб не быть голословным, я попытаюсь сейчас показать это на примере.

Вот как выглядит под пером Гумилева рождение, например, "великорусского этноса" - в контексте яростной диатрибы против всей русской историографии с ее нелепой, по мнению Гумилева, уверенностью в существовании татаро-монгольского ига.

"В XI веке европейское рыцарство и буржуазия под знаменем римской церкви начали первую колониальную экспансию - крестовые походы".²³ И хотя рыцари завоевали на время Иерусалим и Константинополь, главным направлением "колониальной экспансии" оказалась, как думает Гумилев, Русь. Наступление шло из Прибалтики, "она являлась плацдармом для всего европейского рыцарства и богатого Ганзейского Союза немецких городов. Силы агрес-

²² "Апокрифический диалог". Цева, 1988. № 4. с. 201.

²³ Л. Гумилев. "Эпоха Куликовской битвы". Огонек. 1980. № 36. с. 16.

simply lacks such objective criterion. In order not to appear groundless, I shall attempt to demonstrate it on an example.

Here is, for instance, how the birth of the "Great Russian ethnos" takes place in Gumilev's writing - in the context of a vehement diatribe against the entire Russian historiography with its absurd, according to Gumilev, conviction that the Mongol yoke did exist.

"In the 11th century, the European knighthood and bourgeoisie under the banner of the Roman Church began their first colonial expansion - the Crusades".²³ Even though the knights temporarily conquered Jerusalem and Constantinople, the main direction of the "colonial expansion", according to Gumilev, turned out to be Russia. The onslaught originated from the Baltic region, that was "a bridgehead for all the European knighthood and the rich Hanseatic League of German cities. The forces of aggressors were inexhaustible".²⁴ "A defense of independence - be it stately, ideological, household or even creative - meant a war with the Western aggression".²⁵ "Russia could have actually been transformed into a colony, a vassal territory of Western Europe... our ancestors could have found themselves in the position of an oppressed ethnic mass without spiritual leaders, not unlike Ukrainians and Byelorussians in Poland. Very easily could have. Only one resort was left to them".²⁶ However, "then, in the situation that seemed hopeless, a genius of [Prince] Alexander Nevsky - passionate to the point of sacrifice - emerged. For an assistance that he rendered Batu [khan] he demanded and received the [Mongols'] assistance against Germans and Germanophiles... The Catholic aggression choked".²⁷

That's the story. The Mongols conquered Russia with fire and sword and ravaged it with the exorbitant and humiliating tribute which it paid during many a century. They left a wasteland behind and sold the pick of Russian youth to slavery. And suddenly, in ardor of Gumilev's polemics, they turn out to have been guardian angels of the Russian statehood against the evil Europe. According to Gumilev, the Russian history of the 13th-14th centuries, reduced to a brief formula, looks the following way: when "Europe started to view Russia as the next object of colonization... knights and merchants were prevented

²³ L. Gumilev, "The epoch of the Battle of Kulikovo", Ogonek, 1980, no. 36, p. 16.

²⁴ Ibid.

²⁵ Ibid., p. 17.

²⁶ L. Gumilev, "The Year of Birth is 1380", Dekorativnoe Iskusstvo (Decorative Art), 1980, no. 12, p. 36.

²⁷ "The Epoch of Kulikovo Battle", p. 17.

соров были исчерпаемы".²⁴ "Защита самостоятельности государственной, идеологической, бытовой и даже творческой означала войну с агрессией Запада".²⁵ "Русь совершенно реально могла превратиться в колонию, зависимую территорию Западной Европы... наши предки могли оказаться в положении угнетенной этнической массы без духовных вождей, подобно украинцам и белорусам в Польше. Вполне могли. Один шаг оставался".²⁶ Но "тут, в положении, казавшемся безнадежным, проявился страстный до жертвенности гений [князя] Александра Невского. За помощь, оказанную [хану] Батюю, он потребовал и получил [татаро-монгольскую] помощь против немцев и германфилов... Католическая агрессия захлебнулась".²⁷

Вот такая история. Татаро-монголы, огнем и мечом покорившие Русь, разорившие ее непомерной и унижительной данью, которую платила она на протяжении многих столетий, оставившие после себя пустыню и продавшие в рабство цвет русской молодежи, вдруг оказываются в пьлу гумилевской полемики ангелами-хранителями русской государственности от злодейской Европы. Сведенная в краткую формулу российская история XIII-XIV веков выглядит по Гумилеву так: когда "Европа стала рассматривать Русь как очередной объект колонизации... рыцарям и негодянтам помешали монголы".²⁸ Какой же здесь может быть разговор об "иге"?

Что за ига, когда "Великороссия... добровольно объединилась с Ордой, благодаря усилиям Александра Невского, ставшего приемным сыном Батюю"?²⁹ Какое ига, когда на основе этого добровольного объединения возник "этнический симбиоз"³⁰ Руси с народами Великой степи - от Волги до Тихого океана и из этого "симбиоза" как раз и родился великорусский этнос: "смесь славян, угро-финнов, аланов и тюрков слилась в великорусской национальности".³¹

Конечно, старый, распадающийся, вступивший в "фазу обскурации" славянский этнос сопротивлялся рождению нового: "обывательский эгоизм... был объективным противником

²⁴ Там же.

²⁵ Там же, с. 17.

²⁶ Л. Гумилев. "Год рождения 1380". Декоративное искусство, 1980, № 12, с. 36.

²⁷ "Эпоха Куликовской битвы", с. 17.

²⁸ "Апокрифический диалог", с. 205.

²⁹ Там же, с. 204.

³⁰ "Эпоха Куликовской битвы", с. 17.

³¹ "Ethnogenesis", p. 66.

from doing that by the Mongols".²⁸ How can one even mention the "yoke" in such context?

What yoke, when "Great Russia... voluntarily united with the Horde thanks to the efforts of Alexander Nevsky who became an adopted son of Batu-khan"?²⁹ What yoke, when on the basis of this voluntary union a new "ethnic symbiosis" came into being³⁰ - that of Russia with the peoples of the Great Steppe - from the Volga to the Pacific Ocean, and this very "symbiosis" gave birth to the Great Russian ethnos: "a mixture of Slaves, Ugrians, Alans and Turks merged in the Great Russian nationality"?³¹

Certainly, the old, disintegrating Slavic ethnos that had already entered the "obscuration phase" resisted the birth of a new one: "Philistine egoism.. was an objective adversary of Alexander Nevsky and his comrades-in-arms".³² But at the same time "the very fact of the existence of such a controversy demonstrates that concurrently with disintegration processes, a new generation emerged - heroic, patriotic, capable of self-sacrifice... In the 14th century, their children and grandchildren became a ferment of a new ethnos that was later called the Great Russian".³³ "Moscow intercepted an initiative of the unification of the Russian land because it was precisely the place where passionate, energetic and indomitable people accumulated".³⁴

And now let us sum up the principal landmarks of the birth of a superethnos. First, "individuals with drive" appear - people who are capable of self-sacrifice for the sake of rebirth and grandeur of their ethnos, harbingers of the future. Then, certain "passionate genius" rallies around himself people - who are, once again, "passionate, energetic and indomitable" - and lead them to victory. A "controversy" is created: the new is straggling with "Philistine egoism" of an old ethnos. Eventually, however, "drive" spreads so wide through "mutations" that an old ethnos surrenders at discretion. A new ethnos rises on its vestiges.

And this is all that Gumilev offers us as a criterion of novelty of a "superethnos". However, what we have here is but a universal assortment of characteristics of any notable political transformation that is equally applicable to all the revolutions and reformations in the world. Let us conduct a minor experiment - a lab experiment, if you will: we shall apply Gumilev's set of characteristics to the Western Europe of the 18th-19th centuries.

²⁸ "Apocryphal Dialog", p. 204.

²⁹ Ibid., p. 204.

³⁰ "The Epoch of the Battle of Kulikovo", p. 17.

³¹ "Ethnogenesis", p. 66.

³² "The Epoch of the Battle of Kulikovo", p. 17.

³³ Ibid.

³⁴ Ibid.

Александра Невского и его боевых товарищей".³² Но в то же время "сам факт наличия такой контрверсы показывает, что, наряду с процессами распада, появилось новое поколение - героическое, жертвенное, патриотическое..., в XIV веке их дети и внуки... были затравкой нового этноса, впоследствии названного великорусским".³³ "Москва перехватила инициативу объединения русской земли, потому что именно там скопились страстные, энергичные и неукротимые люди".³⁴

А теперь суммируем главные вехи рождения нового суперэтноса. Сначала возникают "пассионарии", люди, способные жертвовать собой во имя возрождения и величия своего этноса, провозвестники будущего. Затем некий "страстный гений" слагивает вокруг себя опять же "страстных, энергичных, неукротимых людей" и ведет их к победе. Возникает "контрверза", новое борется с "обывательским эгоизмом" старого этноса. Но в конце концов "пассионарность" так широко распространяется посредством "мутации", что старый этнос сдается на волю победителя. Из его обломков возникает новый.

И это все, что предлагает нам Гумилев в качестве критерия новизны "суперэтноса". Но ведь перед нами лишь универсальный набор признаков любого крупного политического изменения, одинаково применимый ко всем революциям и реформациям в мире. Проведем маленький, если угодно лабораторный, эксперимент: применим гумилевский набор признаков к Западной Европе XVIII-XIX веков.

ЭКСПЕРИМЕНТ

Разве, скажем, французские энциклопедисты и другие деятели эпохи Просвещения не отдали все, что имели, делу возрождения и величия Европы, не были провозвестниками будущего? Почему бы нам не назвать Вольтера, и Дидро, и Лессинга "пассионариями"? Разве не возникла у них "контрверза" со старым, феодальным этносом? И разве не свидетельствовала она, что, "наряду с процессами распада, появилось новое поколение - героическое, жертвенное, патриотическое"? Разве не дошло в 1789 г. дело до великой революции, в ходе которой вышел на историческую сцену Наполеон, кого сам же Гумилев восхищенно описывает как "страстного гения", поведшего к победе "страстных, энергичных, неукротимых людей"? Разве

³²"Эпоха Куликовской битвы". с. 17.

³³Там же.

³⁴Там же.

EXPERIMENT

Didn't, shall we say, French Encyclopedists and other personalities of the age of Enlightenment give everything they had to the cause of rebirth and grandeur of Europe? Why cannot we call Voltaire, Diderot and Lessing "individuals with drive"? Didn't they have a "controversy" with the old feudal ethnos? And didn't it testify to the fact that "concurrently with disintegration processes a new generation emerged - heroic, patriotic, capable of self-sacrifice"? Didn't "Philistine egoism" of old monarchies desperately resist it? And finally, didn't this "drive" spread so wide in Europe that an old ethnos was forced to surrender at discretion?

As we can see, all this corresponds one to one (except maybe for the Mongols; European "passionate genius" somehow managed to do without their assistance in its struggle). Therefore, did or did not the biosphere erupted upon Europe in the 18th century, causing a corresponding drive explosion? Could we consider July 14, 1789 a birthday of the new Western European superethnos (after all, Gumilev did declare September 8, 1381, a birthday of the Great Russian one)? Or shall we deem that particular ethnogenesis explosion null and void due to the "patriotic" considerations? We cannot, after all, allow that the "decaying" West (that entered, as we learned on tens of pages, an "obscurisation phase") turned out to be five centuries younger than Russia, can we?

Whatever the case may be, the lack of an objective - and verifiable - criterion of novelty of an ethnos not only renders Gumilev's hypothesis incompatible with requirements of natural history, but also removes it altogether out of the realm of science, turning it into an easy prey of a "patriotic" voluntarism.

Let's forget the West for a moment, it being too painful a subject for Gumilev and his "patriotic" disciples. But what could possibly prevent some, shall we say, Japanese "patriotic" historian to assume Gumilev's recommendations as a basis and to declare 1868 a birth year of the new Japanese ethnos? For it was precisely the year when the famous Meidzi Restoration took place in Japan. The result was that the country broke the boundaries of the age-old isolation and backwardness with one swift thrust. Only half a century afterwards it crushed a great European power - Russia, and one more half a century later it challenged a great oversee power - America. On what grounds, may I ask, could we deny Japan a drive explosion and, accordingly, an eruption of the biosphere upon precisely their land in the 19th century?

не сопротивлялся ему отчаянно "обывательский эгоизм" старых монархий? И разве, наконец, не распространилась эта "пассионарность" так широко по Европе, что старому этносу пришлось сдаться на милость победителя?

Как видим, все совпадает один к одному (за исключением разве что татар, без помощи которых европеизация "страстный гений" сумел как-то в своей борьбе обойтись). Так что, изверглась в XVIII веке на Европу биосфера, произведя соответствующий пассионарный взрыв? Можно считать 4 июля 1789 г. днем рождения нового западноевропейского суперэтноса (провозгласил же Гумилев 8 сентября 1381 г. днем рождения великорусского)? Или будем считать этот конкретный взрыв этногенеза недействительным из "патриотических" соображений? Не можем же мы, в самом деле, допустить, что "загнивающий" Запад, вступивший, как мы выяснили на десятках страниц, в "зону обскурации", оказался на пять столетий моложе России.

Как бы то ни было, отсутствие объективного - и верифицируемого - критерия новизны этноса не только делает гипотезу Гумилева несовместимой с требованиями естествознания, но и вообще выводит ее за пределы науки, превращая в легкую добычу "патриотического" волонтаризма.

Забудем на минуту про Запад: слишком болезненная для Гумилева и его "патриотических" последователей тема. Но что, право, может помешать какому-нибудь, скажем, японскому "патриотическому" историку объявить, приняв за основу гумилевские рекомендации, 1868-й годом рождения нового японского этноса? Тем более, что именно в этом году произошла в Японии знаменитая реставрация Мэйдзи, в результате которой страна одним стремительным броском вырвалась из рамок многовековой изоляции и отсталости, уже через полвека разгромив великую европейскую державу Россию, а еще полвека спустя бросив вызов великой заокеанской державе Америке. На каком основании, спрашивается, сможем мы отказать Японии в пассионарном взрыве и, следовательно, в извержении биосферы именно на нее в XIX веке?

КАПРИЗЫ БИОСФЕРЫ

И это еще не все. Ведь читателю Гумилева остается совершенно непонятным странное поведение биосферы после XIV века. По какой, собственно, причине прекратила она вдруг свою "пассионарную" деятельность сразу после того,

And that's not the end. After all, such an odd behavior of the biosphere after the 14th century remains obscure to Gumilev's reader. Why, in fact, did it discontinue its "drive" activity right after its eruption miraculously gave the second birth to the Slavic Russia?

Of course, the biosphere is unpredictable. However, one can notice even from the table that Gumilev himself created for the reader that there was never a precedent in history that the biosphere would "stand idle" during six centuries - without a single ethnogenesis explosion. Quite on the contrary, if we are to keep account from the 8th century BC, the intervals between eruptions shorten rather than stretch. If five centuries separate the first explosion (the Hellenes) from the second (Persia), only two separate the next to last (the Mongols) from the last (Russia). In this case, who could guarantee that the next eruption wouldn't give "the second birth" to the West that Gumilev hates so much? Or, let's say to China, not to mention Africa that the biosphere ignored altogether for totally obscure reasons? What will become of the status of Russian superethnos, the youngest of its kind, whose age Gumilev submits as its sole advantage before the rest of the world?

The reader doesn't have much choice. Either something is seriously wrong with the biosphere (since it wasn't able to produce a single new "superethnos" during six centuries) or Gumilev blocked it on purpose - because of "patriotic" considerations.

"RED-WHITE" OPPOSITION

Thus, the moment we applied most basic demands, that are applicable to any scientific discovery, to Gumilev's hypothesis, it disintegrated in our hands. It turned out to be an implausible mixture of quasi-scientism, megalomania and "patriotic" voluntarism. It's such a pity that this remarkably talented and erudite man was never able to submit his hypothesis to the city and the world when there was still time for improvement, modification, rethinking. In fact, he became yet another victim of the Soviet system that crippled him by isolating him from the world. Politics got to him after all, no matter how hard he tried to stay away from it.

However, the other ominous problem remains. Why during all those years no one in Russia subjected his hypothesis to a basic scientific verification, and consequently now, during the years of break-up, it "intoxicates Russia", as the Literaturnaya Gazeta

³⁵"Apocryphal dialog", p. 205.

как извержение ее чудесным образом подарило "второе рождение"³⁵ славянской Руси?

Конечно, биосфера непредсказуема. Но все-таки даже из таблицы, составленной для читательской самими Гумилевым, видно, что не было еще в истории случая ее, так сказать, простоя на протяжении шести веков - без единого взрыва этногенеза. Как раз напротив, если вести счет с VIII века до н.э., промежутки между извержениями сокращаются, а не увеличиваются. Если пять веков отделяют первый взрыв (Эллада) от второго (Персия), то лишь два отделяют предпоследний (монголы) от последнего (Россия). Кто же в этом случае поручится, что следующее извержение не подарит "второе рождение" ненавидимому Гумилевым Западу? Или, скажем, Китаю? Говорить ли об Африке, которую биосфера вообще по совершенно непонятным причинам игнорировала? Что станет тогда со статусом самого молодого из "суперэтносов", российского, возраст которого выступает у Гумилева как единственное его преимущество перед всем миром?

У читателя здесь выбор невелик. Либо что-то серьезно забарахлило в биосфере, если она не смогла за шесть столетий произвести ни одного нового "суперэтноса", либо Гумилев искусственно ее заблокировал - из "патриотических" соображений.

"КРАСНО-БЕЛАЯ" ОППОЗИЦИЯ

Итак, едва применили мы к гипотезе Гумилева самые элементарные требования, предъявляемые к любому научному открытию, как распалась она у нас под руками, оказавшись невообразимой смесью наукообразия, гигантомании и "патриотического" волюнтаризма. Чертовски жаль замечательно талантливого и эрудированного человека, так и не сумевшего представить свою гипотезу городу и миру, когда было еще время что-то исправить, что-то переделать, что передумать. Он стал, по сути, еще одной жертвой советской системы, искалечившей его, изолировав от мира. Политика-таки достала его, как ни старался он от нее уклониться.

Остается, однако, другая грозная проблема. Почему за все эти годы никто в России не подверг его гипотезу элементарной научной проверке, и в результате сейчас, в годы развала, она, по выражению Литературной газеты, "пьянит страну"? Почему самые разные люди в сегодняшней России вдохновенно повторяют введенные ею термины, будь то "пассионарность" или "фаза надлома"? Почему Наш современник

³⁵"Апокрифический диалог". с. 200.

coined it? Why most different people in today's Russia inspiredly repeat the terms it introduced - be it "drive" or the "acme phase"? Why Nash Sovremennik declared Gumilev a leader of "the only serious historical school in Russia"? Why his books became bestsellers? To what need are they responding in the country that is torn to pieces? How could his hypothesis, no matter how vulnerable it is in terms of science, be used in the split Russia where both fighting to death political camps (especially the opposition) desperately need their own saints and prophets, martyrs and sages, authorities and symbols?

I think that the answers to the most of these questions are obvious. There is a deep internal need of a confirmation, sanctified by science, that the great country, that is now writhing with the pain of yet another time of troubles, has an honorable future. For better or for worse, Gumilev does satisfy this need. Even more obvious is a need of the new opposition - that after the August united in its ranks "patriots" and communists, "whites" and "reds" - to have a common ideological banner.

It is true, they can collaborate as a united opposition even now, even in spite of the fact that "whites" continue to suspect "reds" of Judaic-Masonic deviations, and "reds" - to suspect "whites" of White Guard deviations. However, they need something entirely different in order to conquer the country. For that, they must become a unified and not simply a "united" opposition - they must merge into a single political body. However, such truly historic deed is unthinkable without a common symbol of faith, without a unified, if you will, ideological "soul". Both parties that compose the opposition were brought up on different - not to say antithetical - historical traditions and doctrines, that are seemingly irreconcilable. What, indeed, can Marxism have in common with the "Russian idea"? Nothing whatsoever. Except for Gumilev, whose hypothesis it is relatively easy to transform into a "theory that synthesize the elements of both 'Russian idea' and Marxism". Can "Gumilev's theory" become such unifying ideological soul for today's new opposition which is as split as Russia itself? I don't know. However, I shall now attempt to demonstrate the fact that the opposition's need for it is immense and that this "theory" is ideally suited to substantiate its merger into the unified ideological whole.

IN SEARCH OF IDEOLOGY

I think, it goes without saying that Bolsheviks wouldn't have been able to stay in power after 1917 without the consistent, logical and, in its own way, irrefutably convincing ideology of Leninism. It is

объявил Гумилева лидером "единственной серьезной исторической школы в России"? Почему книги его оказались бестселлерами? Какой потребности в растерзанной стране они отвечают? И как гипотеза его, сколь бы ни была она уязвимой в научном смысле, может быть использована в расколоте России, где оба борющихся не на жизнь, а на смерть политических лагеря, в особенности оппозиционный, отчаянно нуждаются в своих святых и пророках, мучениках и мудрецах, авторитетах и символах?

Ответы на большую часть этих вопросов, по моему, очевидны. Есть глубокая внутренняя потребность в освященном авторитетом науки подтверждении, что у великой страны, корчащейся в муках очередного смутного времени, есть еще достойное будущее. Худо ли, хорошо ли, но Гумилев эту потребность удовлетворяет. Еще более очевидна потребность новой оппозиции, объединившей в своих рядах после августа "патриотов" и коммунистов, "белых" и "красных", - в общем идеологическом знамени.

Конечно, тактически могут они сотрудничать и сейчас как объединенная оппозиция. Несмотря даже на то, что "белые" продолжают подозревать "красных" в жидо-масонских, а те их в белогвардейских отклонениях. Но ведь для того, чтоб завоевать страну, нужно совсем другое. Для этого предстоит им стать единой, а не "объединенной" оппозицией, слиться в одно политическое тело. А такой поистине исторический акт без общего символа веры, без единой, если угодно, идеологической "души" немислим. Обе составляющие эту оппозицию партии воспитаны на разных, чтоб не сказать противоположных, исторических традициях и учениях - в принципе вроде бы непримиримых. Ну что, право, общего у марксизма с "русской идеей"? Ровно ничего. Кроме Гумилева, гипотезу которого сравнительно просто превратить в "учение, синтезирующее элементы как марксизма, так и "русской идеи". Может ли "учение Гумилева" стать такой общей идеологической душой сегодняшней расколоте, как Россия, новой оппозиции? Не знаю. Но то, что потребность в нем у оппозиции огромна, и то, что "учение" это идеально приспособлено для того, чтобы обосновать ее слияние в единое идеологическое целое, я постараюсь сейчас показать.

В ПОИСКАХ ИДЕОЛОГИИ

Бесспорно, я думаю, что большевики не смогли бы удержать власть в России после 1917 г. без стройной, логичной и по-своему неот-

equally impossible to imagine success of the "nationalist revolution" of 1933 in Germany without Nazi ideology. It is another matter that it was easier for both Bolsheviks and Nazis. First, those two went to their revolutions with a prepared ideology, whereas the Russian New Right is forced to create it on the way. Second, both of them incorporated persons holding the same views and not fragments of radically heterogeneous movements that were accustomed to reacting to different ideological stimuli.

It is impossible to imagine, shall we say, Alfred Rosenberg collaborate in any conceivable manner with Ernst Tellman. It is even more difficult to imagine Vladimir Lenin in the same harness with Vladimir Purishkevich. There was never a need for "reds" to cooperate with "whites" (or with "browns" for that matter), not to mention to merge with them into one party. "Whites" would have considered the merger with "reds", their traditional enemies, not the least sacrilegious. However, the Russian New Right is faced today with precisely such perplexing ideological operation that contradicts the entire past experience. It is all the more difficult because both its constituents make the entirely different demands on this ideology.

Indeed, "reds" are used to base themselves on a complex, science-like and strictly deterministic system of views that left no doubts that history was on their side and that whatever mess they made, the future belonged to them. "Whites", on the other hand, always based themselves on a traditional voluntarism of the "Russian idea" that advised them that absolutely nothing in history was predetermined and one could always reverse its course through a well-prepared conspiracy. They don't need to search far for an example - didn't the "reds" manage to destroy the great tsarist empire with the help of Judaic-Masonic conspiracy? Therefore, what does one need to return its grandeur? To arrange a "patriotic" counter-conspiracy of equal momentum. However, how could such an anti-communist idea help cement an alliance with communists?

Apparently, they need something entirely different for this purpose - something that would reconcile in it both the "red" determinism and the "white" voluntarism, that would be, on the one hand, scientific and systematic, guarantying that the future was indeed on the side of the new opposition, and, on the other hand, passionate, mobilizing and capable of rising the masses against the traditional historic enemy - the West. Something, in other words, not quite socialist and not quite nationalist, neither "red" nor "white", but national-socialist - "brown", if you will.

It shouldn't, however, take a vulgar and discredited form of "monarchical fascism" of Dimitry Vasiliev or Russian National-Socialist Labor Party of

разимо убедительной идеологии ленинизма. Точно так же немислимо представить себе успех "национальной революции" 1933 г. в Германии без идеологии нацизма. Другое дело, что и большевикам, и нацистам было проще. Во-первых, и те, и другие шли к своей революции с готовой идеологией, а Русской Новой Правой приходится создавать ее на ходу. Во-вторых, и те, и другие объединяли единомышленников, а не осколки принципиально разнородных течений, привыкших реагировать на разные идеологические стимулы.

Невозможно представить себе, скажем, Альфреда Розенберга, в какой бы то ни было форме сотрудничающего с Эрнстом Тельманом. Еще труднее представить себе Владимира Ленина в одной упряжке с Владимиром Пуришкевичем. Никогда не было нужды у "красных" кооперироваться с "белыми" (или, если на то пошло, с "коричневыми"), а тем более сливаться с ними в одну партию. Точно так же кощунством сочли бы "белые" объединение с традиционными своими врагами - "красными". А ведь именно такая головоломная идеологическая операция, противоречащая всему прошлому опыту, предстоит сегодня Русской Новой Правой. Тем более трудна она, что обе составляющие предъявляют к этой новой идеологии совершенно различные требования.

В самом деле, "красные" привыкли опираться на сложную, наукообразную и строго детерминистскую систему взглядов, не оставляющую сомнений, что история на их стороне и, сколько бы дров они ни наломали, будущее принадлежит им. "Белые", с другой стороны, всегда опирались на традиционный волюнтаризм "русской идеи", которая учила их, что ровно ничего в истории не предопределено и повернуть ее вспять можно хорошо подготовленным заговором. Зачем далеко ходить - удалось же "красным" разрушить великую царскую империю при помощи жидо-масонского заговора. Стало быть, чтобы вернуть ей величие, нужно что? Подготовить столь же мощный "патриотический" контрзаговор. Как с помощью такой антикоммунистической идеи сцементировать союз с коммунистами, однако?

Очевидно, нужно для этого что-то совсем другое, примиряющее в себе и "красный" детерминизм, и "белый" волюнтаризм. Что-то, с одной стороны, ученое и систематическое, гарантирующее, что будущее и впрямь на стороне новой оппозиции, а с другой, пламенное, мобилизующее и способное поднять массы против традиционного исторического врага - Запада. Что-то, иначе говоря, не совсем социалистическое и

German orientation whose entire ideology is copied from Nazi textbooks and reduced, in fact, to a street anti-Semitism. In Russia that lost millions of its children in the struggle with Nazism serious politicians cannot be guided by its leftovers. Their "brown" ideology must be absolutely original - Russian, and not German. Their ideology should be able to play the role of "the only serious historical school in Russia" and "to intoxicate the country" at the same time. In other words, they need something like the theory of "drive".

For the purposes of mass consumption, propaganda brochures and front pages, it could, of course, be free from the bulky "biosphere" apparatus. After all, in each ideological temple there are its own secret corners, accessible only to clergymen, its own sacred texts, cryptic for faithful masses, and its own obscure truths, interpreted by priests. Wasn't this the case with the Marxist temple? Were there many "reds" who thoroughly studied Das Kapital and, moreover, got to the root of perplexing stratagems of its dialectics?

What was an ordinary "red" supposed to digest? That capitalists exploit working masses and appropriate surplus value, and that the only way to put an end to all this mischief was dictatorship of the proletariat. All the rest of the theory's "biosphere" remained a domain of the priests. What would an ordinary "red-white" be supposed to digest? That history works against the "decaying" West and for the youngest ethnos in the world. For we are the only ones who still preserve the drive that is hopelessly lost by the West. That, to put it bluntly, "we need not have any contacts with Latins, for they are cunning, hypocritical and treacherous people and, besides, not friends of Russia, but its enemies".³⁶ Or in a scholarly language (for intellectuals): "whatever one calls these connections: cultural, economical, military - they interfere with the course of ethnogenesis... give birth to chimeras and engender antisystems. Ideological impacts of a different ethnos upon unprepared neophytes are similar to viruses, infections, narcotics, mass alcoholism... destroy entire ethnoi that are not ready to resist foreign enticing ideas".³⁷ What is worse, such contacts with alien ethnoi lead to "demographic annihilation... Only ethnic ruins have arisen in the regions of contact".³⁸

And all this would be sanctified by an indisputable authority of the great scholar, and a prophet in his own land, too, not a foreigner, son of the divine Anna Akhmatova, martyr of Stalinist camps - a "patriotic"

³⁶ Nash Sovremennik, 1991, no. 1, p. 137.

³⁷ "So that the Candle Wouldn't be Extinguished", p. 38.

³⁸ Ethnogenesis, p. 251.

не совсем националистическое, не "красное", не "белое", не национал-социалистическое, если хотите, "коричневое".

Не в вульгарной и скомпрометированной, однако, форме "монархического фашизма" Дмитрия Васильева или РНСРПГО (Российской Национал-Социалистической Рабочей Партии Германской Ориентации), вся идеология которых скопирована с нацистских учебников и сводится по сути к площадному антисемитизму. В России, положившей миллионы своих сыновей в борьбе с нацизмом, серьезные политики не могут руководствоваться его отбросами. Их "коричневая" идеология должна быть совершенно оригинальной - русской, а не немецкой. Их идеология должна быть способна выступить и в роли "единственной серьезной исторической школы в России" и в то же время "опьянить страну". Другими словами, им нужно что-то вроде учения о "пассионарности".

Разумеется, для массового потребления, для пропагандистских брошюр и газетных передовиц оно может быть освобождено от громоздкого "биосферного" аппарата. В конце концов в каждом идеологическом храме есть свои потаенные углы, доступные только священнослужителям, свои сакральные тексты, непонятные массам верующих, и свои темные истины, толкуемые жрецами. Разве не так оно было и в марксистской церкви? Много ли "красных" проштудировало трехтомный Капитал и тем более вникло в головоломные хитросплетения его диалектики?

Что следовало усвоить рядовому "красному"? Что капиталисты эксплуатируют трудящихся, присваивая себе прибавочную стоимость. И что единственным способом положить конец этому безобразию является диктатура пролетариата. Вся остальная "биосфера" учения оказалась уделом жрецов. Что нужно будет усвоить рядовому "красно-белому"? Что история работает против "загнивающего" Запада и на самый молодой в мире этнос. Ибо только мы сохранили еще безнадёжно утраченную Западом пассионарность. Что, попросту говоря, "никаких контактов нам с латинами иметь не надо, так как они народ лукавый, лицемерный, вероломный, и притом не друзья России, а враги".³⁶ Или на ученом языке (для интеллигентов): "как бы ни называть эти связи: культурными, экономическими, военными, они нарушают течение этногенеза... порождают химеры и зачинают антисистемы. Идеологические воздействия иного этноса на

³⁶НС. 1991. N 1. с. 137.

saint. I don't know if priests of the "red-white" opposition would manage to transform the vulnerable, as we saw, hypothesis into "Gumilev's theory", i.e. into a powerful tool of brainwashing the masses and winning the intelligentsia under the banner of anti-Western "drive". After all, Bolsheviks managed to perform an analogous operation with the vulnerable Marxist hypothesis, having proclaimed that "Marxist theory is omnipotent because it is correct". However, I do know that if the "red-whites" did manage to accomplish it, then democracy in Russia wouldn't stand a chance this time. It, too, will be portrayed as "an enticing alien idea".

WANDERING ETHNOS

Above, I asserted that "Gumilev's theory" might become an ideal basis for Russian "brown" ideology - a basis that the Russian New Right so desperately needs. I believe the reader has a distinct notion why. Let's sum it up.

First, it synthesizes, as we saw, a strict determinism with a quite voluntarist drive, thus takes away the most profound contradiction between the "white" and "red" ideological guidelines.

Second, it stresses precisely that which unites them - hatred of the West and priority of the nation (ethnos) over the individual: "Ethnos as a system is immeasurably greater than the human being".³⁹

And finally, it prevents the masses not only from the kind of contacts with the West, but also from any kind of a "chimerical" freedom: "An Ethnos might... when confronted by another ethnos, create a chimera and thus enter a 'freedom zone', [when] a behavioral syndrome develops that is accompanied by a need to destroy the nature and the culture".⁴⁰ In other words, freedom for Gumilev equals anarchy.

However, something is clearly missing in Gumilev's theory, the way it's presented here, for it to become truly "brown". After all, no self-respecting "brown" ideologist managed so far to do without brutal anti-Semitism, so agreeable to a patriotic heart. What is Gumilev's stand on this point? Let the readers judge for themselves.

To begin with, Gumilev decisively rejects a concept of the unified Judeo-Christian tradition, widely accepted in the modern world, for the sake of its medieval predecessor which maintained that the "meaning of the Old Testament is opposite to that of the New".⁴¹ For him, carriers of the Old Testament,

³⁹"So that the Candle Wouldn't be Extinguished", p. 102.

⁴⁰Ibid.

⁴¹"Ancient Russia...", p. 106.

неподготовленных неопитов действуют подобно вирусам, инфекциям, наркотикам, массовому алкоголизму... губят целые этносы, не подготовленные к сопротивлению чужим завлекательным идеям".³⁷ Хуже того, такие контакты с чуждыми этносами ведут "к демографической аннигиляции..., только этнические руины остаются в регионах контакта".³⁸

И все это было бы освящено непререкаемым авторитетом большого ученого, притом своего, отечественного, а не чужеземного, сына божественной Анны Ахматовой, мученика сталинских лагерей, "патриотического" святого. Я не знаю, удастся ли жрецам "красно-белой" оппозиции превратить уязвимую, как мы видели, гипотезу в "учение Гумилева", т.е. в мощный идеологический инструмент охмурения масс и завоевания интеллигенции под знамена антизападной "пассионарности". Удалось же большевикам проделать аналогичную операцию с уязвимой марксистской гипотезой, провозгласив при этом, что "учение Маркса всесильно, потому что оно верно". Но я знаю, что если это "красно-белым" удастся, у демократии в России и на этот раз не останется ни малейшего шанса. Ее ведь тоже изобразят как "чужую завлекательную идею".

БЛУЖДАЮЩИЙ ЭТНОС

Я утверждал выше, что "учение Гумилева" может стать идеальным фундаментом российской "коричневой" идеологии, в которой так отчаянно нуждается Русская Новая Правая. Я думаю, читателю, в общем, ясно почему. Суммируем.

Во-первых, оно синтезирует, как мы видели, жесткий детерминизм с вполне волюнтаристской пассионарностью, снимая таким образом глубочайшее противоречие между идеологическими установками "красных" и белых".

Во-вторых, оно подчеркивает именно то, что их объединяет - ненависть к Западу и приоритет нации (этноса) над личностью: "Этнос как система неизмеримо грандиознее человека".³⁹

В-третьих, наконец, оно остерегает массы не только от каких бы то ни было контактов с Западом, но и от "химерической" свободы: "Этнос может... при столкновении с другим этносом образовать химеру и тем самым вступить в "полосу

³⁷ "Чтобы свеча не погасла". с. 102.

³⁸ "Ethnogenesis." p. 251.

³⁹ "Чтобы свеча не погасла". с. 102.

exiled from their motherland and dispersed over the world in search of refuge, appear to be the most abnormal of the Biosphere creations - a "wandering ethnos". To be sure, persecution is far from being the reason of their wandering. Quite on the contrary: "penetrating an alien ethnic environment, [they] start to deform it. Not being able to lead a full life in an unusual for them landscape, newcomers begin to display a consumer's attitude towards it or, to put it bluntly, to live at its expense. Establishing their own system of relations, they force it upon aborigines and virtually transform them into the oppressed majority".⁴²

Of course, Jews don't succeed to achieve it every where. For instance, "power and supremacy over peoples of the Caliphate were inaccessible to them, for the drive of Arabs and Persians was higher than that of Jews. That's why Jews began looking for a new country... and found it in Khasaria",⁴³ in the Lower Volga. It should be noted, however, that according to the other version "the small Khasarian ethnos had to endure a powerful intrusion of Jewish migrants who fled from Persia and Byzantium",⁴⁴ and not at all from the Caliphate. But no matter from what land Jews fled, the surrounding peoples were to expect nothing good from them, for since the moment they seized power and supremacy in Khasaria, "it became an evil genius of Ancient Russia".⁴⁵

It goes without saying that it was a "typical ethnic chimera",⁴⁶ which didn't prevent it, however, not only from "laying Kiev under tribute, but also from forcing Slavs-Russians to wage war campaigns against Byzantium, the age-old enemy of Judo-Khasars".⁴⁷ That's the same very Byzantium, mind you, "that was destined to bestow the light of Christianity upon our motherland".⁴⁸

To make a long story short, we suddenly discover that while vehemently denying the existence of the Mongol yoke over Ancient Russia, Gumilev none the less vehemently insists upon the Judaic yoke. The gist of that yoke was that "the military-trading octopus Khasaria sucked dry the wealth of Russia and lives of its heroes, and its potential friends Byzantines... were transformed into enemies".⁴⁹ If we are to keep in mind that Jews didn't only "suck dry the wealth of Russia and lives of its heroes", but were also guilty of

⁴² L. Gumilev. "Prince Sviatoslav Igorevich". *Nash Sovremennik*, 1991, no. 7, p. 143.

⁴³ "Ancient Russia...", p. 116.

⁴⁴ "Prince Sviatoslav Igorevich", p. 143.

⁴⁵ *Ibid.*, p. 144.

⁴⁶ *Ibid.*

⁴⁷ *Ibid.*

⁴⁸ *Ibid.*, p. 143.

⁴⁹ *Ibid.*, p. 144.

свободы", [при которой] возникает поведенческий синдром, сопровождаемый потребностью уничтожать природу и культуру".⁴⁰ Другими словами, свобода для Гумилева тождественна анархии.

И все-таки чего-то в "учении Гумилева", как оно здесь изложено, очевидно, не хватает для полной "коричневости". В конце концов ни одной уважающей себя "коричневой" идеологии не удавалось до сих пор обойтись без любезного "патриотическому" сердцу brutального антисемитизма. Как же обстоит с этим дело у Гумилева? Пусть читатель судит сам.

Прежде всего Гумилев решительно отвергает общепринятую в современном мире концепцию единой иудео-христианской традиции в пользу ее средневековой предшественницы, утверждавшей, что "смысл Ветхого и смысл Нового заветов противоположны".⁴¹ Для него носители Ветхого завета, изгнанные с родины и рассеявшиеся по свету в поисках пристанища, оказываются самым чудовищным из произведений биосферы - "блуждающим этносом". Причем блуждать заставляют их вовсе не гонения. Как раз напротив: "проникая в чуждую им этническую среду, [они] начинают ее деформировать. Не имея возможности вести полноценную жизнь в непривычном для них ландшафте, пришельцы начинают относиться к нему потребительски. Проще говоря - жить за его счет. Устанавливая свою систему взаимоотношений, они принудительно навязывают ее аборигенам и практически превращают их в угнетаемое большинство".⁴²

Разумеется, евреям это не везде удастся. Например, "власть и господство над народом халифата были для них недоступны, так как пассионарность арабов и персов была выше еврейской. Поэтому евреи стали искать новую страну... и обрели ее в Хазарии",⁴³ в низовьях Волги. (Впрочем, по другой версии "маленькому хазарскому этносу довелось испытать мощное вторжение еврейских мигрантов, бежавших в Хазарию из Персии и Визинтии",⁴⁴ а вовсе не из арабского халифата). Но откуда бы ни бежали в Хазарию евреи, окружающим народам добра от них ждать не приходилось. Ибо с момента, когда захватили они в ней "власть и господство," "Хазария - злой гений древней Руси"⁴⁵

⁴⁰ Там же.

⁴¹ "Древняя Русь...", с. 106.

⁴² Л. Гумилев. "Князь Святослав Игоревич". НС. 1991. N 7. с. 143.

⁴³ "Древняя Русь...", с. 116.

⁴⁴ "Князь Святослав Игоревич", с. 143.

⁴⁵ Там же, с. 144.

much baser transgressions ("Slavic lands became for them a source of slaves in the 9th-10th centuries like Africa in the 18th-19th centuries"),⁵⁰ then it is no surprise that to overwhelm the "aggressive Judaism"⁵¹ became for Russia the matter of life and death. "In order to survive, Slavs-Russians needed to change not only the rulers, but also the adversaries".⁵² Needless to say that "our ancestors summoned both forces and wisdom to achieve it".⁵³ Sviatoslav, Prince of Kiev, inflicted such a pogrom upon the Jews of those days that "it was unlikely that any of the vanquished survived".⁵⁴

It is another matter whether or not today's descendants will prove to be worthy successors of Sviatoslav. After all, the "disintegration of Judeo-Khasar chimera" didn't do away with the ominous "wandering ethnos", only with Eastern Jews who fled to Khasaria either form the Caliphate of from Byzantium. "Besides them, there remained Jews who didn't lose the will to fight and to win. They found refuge in the Western Europe".⁵⁵ As we can see, in spite of the fact that Gumilev introduced the biosphere, drive and other scholarly terms into the game, his theory didn't go that far from the degenerated "Russian idea" to prevent "Russian patriots" from considering it something kindred to them.

WEEPING FOR SVIATOSLAV

Will the new opposition in Russia accept this "theory" as their new banner? Some already did.

The very same Nash Sovremennik provides us with one of the examples. They published Gumilev's article "Prince Sviatoslav Igorevich" at the eve of the putsch. On August 20, 1991, a Muscovite Elena Sankina wrote a letter to the magazine, which deserves to be quoted in conclusion: "I cannot stop weeping because I am listening to the radio "Echo of Moscow" and simultaneously reading the article of Lev Nikolaevich Gumilev... no further comment is necessary. Prince Sviatoslav is no more, but the descendants of the enemies whom he didn't finish off urge to go to the barricades to defend Yeltsin and that laughing-stock of the entire country - the Russian parliament".⁵⁶

⁵⁰ "Prince Sviatoslav Igorevich", Nash Sovremennik, 1991, no. 8, p. 163.

⁵¹ "Ancient Russia...", p. 213.

⁵² "Prince Sviatoslav Igorevich", Nash Sovremennik, 1991, no. 7, p. 144.

⁵³ Ibid.

⁵⁴ Ibid., p. 148.

⁵⁵ Ibid., p. 149.

⁵⁶ Nash Sovremennik, 1992, no. 1, p. 191.

Разумеется, была она "типичной этнической химерой",⁴⁶ что не помешало ей, однако, "не только обложить Киев данью, но и заставить славяно-русов совершать походы на Византию. исконного врага иудео-хазар".⁴⁷ На ту самую, заметьте, Византию, "которой суждено было дать нашей Родине свет Христианства".⁴⁸

Короче, вдруг обнаруживается, что, яростно отрицая татаро-монгольское иго над древней Русью, Гумилев столь же страстно утверждает иго иудейское. Смысл этого ига сводился к тому, что "ценности Руси и жизни ее богатырей высасывал военно-торговый спрут Хазария, а потенциальные друзья византийцы... были превращены во врагов".⁴⁹ Если учесть, что евреи не только "высасывали из Руси ее ценности и жизни ее богатырей", но повинны были в еще более черных делах ("славянские земли в IX-X веках стали для евреев источником рабов, подобно Африке XVII-XIX веков"),⁵⁰ то нет ничего удивительного, что сокрушение "агрессивного иудаизма"⁵¹ оказалось для Руси делом жизни и смерти. "Чтобы выжить, славяно-руссам нужно было менять не только правителей, но и противников".⁵² Нечего и говорить, что "наши предки нашли для этого силы и мудрость".⁵³ Святослав, князь Киевский, устроил тогдашним иудеям такой погром, что "вряд ли кто из побежденных остался в живых".⁵⁴

Другое дело, окажутся ли сегодняшние потомки достойными наследниками князя Свято-

слава. Ведь "распад иудео-хазарской химеры" не покончил со зловещим "блуждающим этносом", только с восточными евреями, сбежавшими в Хазарию то ли из халифата, то ли из Византии. "Помимо них остались евреи, не потерявшие воли к борьбе и победе и нашедшие приют в Западной Европе".⁵⁵ Как видим, несмотря на введение в игру биосферы, пассионарности и прочих ученых терминов, гипотеза Гумилева не так уж далеко ушла от выродившейся "русской идеи", чтоб не повеяло от нее чем-то родным на "русских патриотов".

ПЛАЧ ПО СВЯТОСЛАВУ

Примет ли в качестве нового знамени такое "учение" новая оппозиция в России? Некоторые уже приняли. Один пример привел тот же Наш современник, опубликовавший в канун путча статью Гумилева "Князь Святослав Игоревич" 20 августа 1991 г. москвичка Е. Санькина написала журналу письмо, которое в заключение стоит процитировать: "Я плачу и плачу потому, что слушаю радио "Эхо Москвы" и одновременно читаю статью Льва Николаевича Гумилева, а комментировать дальше нечего. Князя Святослава нет, а потомки недобитых им врагов России призывают на баррикады защищать Ельцина и посмешище всей страны - российский парламент".⁵⁶

46 Там же.

47 Там же.

48 Там же, с. 143.

49 Там же, с. 144.

50 "Князь Святослав Игоревич". ИС. 1991, N 8, с. 163.

51 "Древняя Русь...", с. 213.

52 "Князь Святослав Игоревич". 1991, N 7, с. 144.

53 Там же.

54 Там же, с. 148.

55 Там же, с. 149.

56 ИС. 1992, N 1, с. 191.

НОВЫЙ ВИДЕО КЛУБ !!!

NEW 24 HOUR AUTOMATED

RUSSIAN and AMERICAN MOVIE CLUB
in Washington Hights

M.A. VIDEO FUTURE

For members:

Monday - 2 days rental with price of 1 day,
Wednesday, Thursday - 3 movies for price of 2

4418 Broadway (bet. W 189-190 St.) New York, N.Y. 10040.

Tel. (212) 561-1461

НАРОД И НЕНАРОД

(о национальном и социальном
в современной России)

Народ он делится на ненарод
И на народ в буквальном смысле
Кто ненарод - не то чтобы урод
Но он - ублюдок, в высшем смысле

А кто народ - не то, чтобы народ
Но он народа выраженье...

Дмитрий Александрович Пригов,
*русский советский
поэт-концептуалист*

Пожалуй, нет более мучительной проблемы для современной России, чем преодолеть свое социалистическое прошлое, не впадая в соблазн националистического будущего. Нижеследующие три эссе посвящены трем разным аспектам этой проблемы: взаимосвязь социального и национального в понятии "народ"; двусмысленное российское отношение к иностранцам; возникновение нового класса предпринимателей, "социальных инородцев", которые традиционно считались чуждыми поэтической душе русского народа.

1. ЗАГАДКА НАРОДА

Народ и народность - едва ли не самые устойчивые понятия в российском мировоззрении. Взять знаменитый троичный символ государственного вероисповедания 19-го столетия: *самодержавие, православие, народность*. Сто лет спустя два элемента изменились до

неузнаваемости, а третий так и остался: *классовость, партийность, народность*.

Между двумя триадами много общего. Сопоставив классовость с самодержавием, легко понять, что они обозначают форму государственного правления, монархию или диктатуру

пролетариата. Сопоставив православие с партийностью, можно и здесь найти параллель: тип передовой организации, преобразующей мир и человека и призывающей верных служить со страхом и трепетом. А вот сопоставив народность с народностью, только и поймешь, что это, наверно, самое главное, если никаких параллелей и замен рядом с собой не допускает. Народность и лежит в широчайшем основании всей пирамиды, которая восходит к среднему уровню власти земной, государственно-устройственной, а затем взлетает до власти небесной, духовно просветляющей и воспитующей. И хотя пирамиды эти в царское и советское время росли в противоположные стороны и там, где одна помещала врата рая, другой грезился ад и гибель души, но росли они, как в зеркальной симметрии друг к другу, из одного основания.

Что же такое "народность", что такое сам "народ", из которого выползает своим цепким побегом это слово, вьюном обвившее весь ствол новой российской истории? "Народ", с одной стороны, обозначает национальную принадлежность: "русский народ", "китайский народ". Но если бы только это, никакой особой прелести и живучести не было бы в слове "народ" и оно осталось бы честным русским синонимом международного слова "нация".

Но ведь на то русские слова и отличаются от заимствованных, чтобы беречь и прельщать своим затаенным лукавством. В слове "народ" есть нечто такое, что позволяет одну, большую и лучшую часть нации, отделить от другой, меньшей и худшей. Народ - это не вся нация, а только трудовая ее часть, которая сама себя кормит и обеспечивает, причем желательным простейшим физическим способом. Чиновник или ученый, полицейский или фабрикант, которые все-таки себя худо-бедно обеспечивают, к народу не принадлежат, ибо производят не хлеб насущный, а всякие ритуалы, бумажки и фикции.

Так понятие "народ" зауживает ячейки сети, выгребая все самое достойное из нации, - зато понятие "народность" эти ячейки опять расширяет. Звание народности отпускает грехи тем, кто по рождению и роду занятий не принадлежит народу, но заслужил и выстрадал это право всей сознательной жизнью. Пушкин, конечно, по рождению далек от народа, но стал подлинно народным писателем, как и Лермонтов, Некрасов, Толстой, не говоря уж о дворянах-революционерах, которые даже лучше выражали подлинные интересы народа, чем сам народ.

Получается, что словом "народ" из нации

вычитается часть людей, которая словом "народность" к ней опять прибавляется, но уже в меньшем количестве. Пушкины и Толстые прибавляются, а министры-капиталисты так и остаются в разности между нацией и народом. Или Победоносцевы и Столыпины прибавляются, революционеры-большевики выпадают в разность. Так что народ всегда хоть чуть-чуть остается меньше нации, чтобы сохранить некий руководящий принцип, из кого нация должна слагаться, а из кого нет. Примерно так, как число трудящихся на Западе всегда меньше числа трудоспособных: безработица сохраняется как резерв для здоровой конкуренции. Вот так и часть нации в идейном смысле обречена на безработицу, чтобы за доходное место "народа" шла с переменным успехом здоровая конкуренция то левых, то правых, то богатых, то бедных. Правда, в этой конкуренции, в отличие от западной, у ленивых всегда было больше шансов, чем у деловых. Народ должен сам в себе покоиться как познавшая себя причина, а не мельтешить на публике, которая и без того страдает своей оторванностью от народа.

Но, с другой стороны, понятие народа не только меньше нации, но и гораздо больше. Поскольку оно включает социальное измерение, всех истинных тружеников и их заступников-выразителей, то оно простирается на разные нации, выбирая среди них "соль земли" и круто замешивая в закипающий котел всемирной истории. "Марш, марш вперед, рабочий народ!" "Положить конец эксплуатации трудового народа!" "Вся власть - народу!" Народ в этих выражениях есть как бы природно-трудовое, стихийно-самодовлеющее начало человечества, та причина, которой предстоит стать целью, альфа, поставленная в конец всего алфавита. Эта голая человеческая природа, еще не ставшая аристократической породой, требует своих прав и хочет возвыситься над искусственно возведенной постройкой цивилизации, с ее государством и церковью, с ее классами и партиями. Вот почему любая пирамида земной и небесной власти должна опираться на народность и провозглашать ее не только своим незыблемым основанием, но и высшим своим устремлением, будь это священный православно-самодержавный народ или бесклассовое коммунистическое общество. Оттого в обеих триадах народность стоит на последнем месте восходящего ряда ценностей.

Что же понимать, таким образом, под словом "народ"? Оно оказывается удивительно емким и двусмысленным, если не сказать двучленным, как Янус, римский бог судьбы и войны,

чьи два лица были повернуты в прошлое и будущее. Народ есть начало и конец всего, глубочайший национальный исток и высочайшая социальная устремленность. В своей всеобъемлющей правоте и завораживающей цельности слово "народ" родственно слову "правда", которое, к восхищению истовых правдолюбцев, охватывает сразу два смысла: истина и справедливость.¹ Точно так же и слово "народ" охватывает два смысла: голая истина национальной принадлежности и высшая справедливость социального мироустройства. И как слово "правда" легко подменяет простую истину фактов высшей справедливостью обобщений, так и слово "народ" легко подменяет национальную принадлежность социальной принадлежностью. Гремучая смесь двух значений постоянно перебалтывается в этих словах, готовясь к идеологическому взрыву, - не оттого ли и массовые контузии среди мирного населения, оглушенного их клятвенной правотой. Чем громче они раздаются, тем хуже слышатся, пронападая где-то между силой барабанного боя и слабостью барабанных перепонки. Если же учесть, что правдолюбцы в России оказывались, как правило, и народолюбцами, тогда и совсем понятно, что общего в "правде" и в "народе" и почему именно народ воспринимается как носитель правды. И почему к "народу" и "правде" можно безбоязненно прилагать одни и те же, национально-социальные эпитеты: "русский народ" - и "русская правда", "рабочий народ" - и "рабочая правда".

Парфразируя Н.К. Михайловского, идеолога безраздельной любви к правде и народу, можно сказать, что только в русском языке бытие нации и социальная справедливость называются одним и тем же словом и как бы сливаются в одно великое целое. Это великое целое и есть *народ - национальная общность как воплощение социальной справедливости*. Сама по себе принадлежность к народу есть черта глубоко национальная и вместе с тем социально передовая, в полной нераздельности этих смыслов.

¹ Я уже имел случай писать о тоталитарном соблазне этого слова в статье "От правды к истине". "Новое русское слово". 20 апреля 1992. с. 4. Там, в частности, приводились восхищенные слова идейного вождя народников Н. Михайловского о "правде": "Всякий раз, когда мне приходит в голову слово "правда", я не могу не восхищаться его поразительной внутренней красотой... Кажется, только по-русски истина и справедливость называются одним и тем же словом и как бы сливаются в одно великое целое" (цит. по: В. В. Зеньковский. История русской философии. Париж, ИМКА-Пресс. 1948. т. 1. с.19)*.

Народность - это такое свойство культуры, в котором выражается ее национальная самобытность и одновременно прогрессивная устремленность трудящихся масс.

Трудно сразу уследить и подтянуть оба фланга, но "народность" оказалась столь щедрым понятием, что ни одному толкованию не отказывало в правоте, а все их вбирало в свое ненасытное смысловое нутро, становилось знаменем, об оттенках которого не спорят, но за которым идут и побеждают. Поэтому-то Белинский в своих статьях неутомимо подчеркивал, что народность не следует путать с простонародностью, т.е. сводить ее к изображению национальных низов и их этнографического быта. Добролюбов же, наоборот, ясно указывал, что народность нельзя путать с национальностью, а нужно выводить ее из запросов социальных низов и укреплять "партию народа" в литературе. И все эти противоположные толкования не только не сталкивались в категории народности, но расширяли ее место и значение в российском самосознании, поскольку отвечали одновременно и национальной гордости великороссов, и законным требованиям трудящихся масс. Так что само понятие "народ" своим двойным смыслом упорно вело к образованию социально-национальной общности - "социалистической нации", "родины трудящихся", "пролетарского отечества", то есть такой "новой исторической общности", где социальное и национальное образуют неразрывное тождество.

Правда, ради этой задачи пришлось социальное и национальное плотнее подогнать друг к другу, подбить краями, устраняя всякую мелкую несоответственность с обеих сторон. Пришлось отсечь от наций те избыточные слои, которые не вмещались в понятие социальной справедливости, сровнять верхушки по широкому народному основанию. Пришлось отсечь от общества и те слои, которые тяготели к национальной обособленности, к образованию затхлых этнографических мирков, чтобы присоединить их к новой широчайшей народной общности. Так выстригли всю эту лишнюю бахрому социальных и национальных меньшинств, богачей и басмачей, чтобы образовалась единая нация-социум, народ в полном и всеобъемлющем смысле этого слова. Можно даже сказать, что вся кровавая российская история последних веков была историей одного слова, его упорной воли к воплощению. Своим округлым чеканом "народ" продирался сквозь мессиво всяких социальных и национальных пестрот, густот, смещений, размывов, примесей. Если верно, что "в начале было Слово", что мир

был сотворен словом, то таким словом, сотворившим Россию 20-го века, было слово "народ". По его щучьему велению нация сократила себя до социального низа, а социальные низы разных наций сложились в одну нацию.

Такого торжества "народности" еще не было в истории. Да и само это слово с трудом переводится на другие языки. Для иностранца самое загадочное в русском народе, быть может, не русскость, а именно народность. Русское можно поставить в один ряд с китайским или немецким, а вот с чем соположить величественное и неоглядное явление народности? Взглянем хотя бы в русско-английский словарь: там под словом "народность" значится "national character", "national traits". Но разве народное - всего лишь национальное? Это переводит великую тоталитарную идею в плоскость обыкновенного национализма, лишая ее второго измерения, могучего социального пафоса.

Даже русские националисты и те в своем бедном словаре выпячивают идею не столько нации, сколько народа, подчеркивая, что не вся их родная страна и национальные слои пронизаны народным духом, а есть еще так называемое "население", недостойное называться священным именем "народа". В самом деле, национализма мало для подлинно честолобивой нации, она не хочет оставаться просто нацией, но хочет стать народом, социальным откровением миру, образцом новой всемирной организации людей. Вот почему мерить только по национальному происхождению претит даже сколь-нибудь мыслящим шовинистам, ведь и большевики тоже не судили по одному социальному происхождению, допуская в свои ряды перековавшихся и оттого вдвойне пролетарски рьяных буржуйчиков и дворянчиков. Почему бы и грузинчиков-эфиопчиков не подключить к всемирной русской миссии, если они проникнутся подлинно народным духом и преодолют ограниченность своих второстепенных наций, как сумели преодолеть Пушкин и Сталин?

Народность - это и есть тот высший критерий, который можно прилагать разом и к нации, выкорчевывая в ней социально чуждые элементы, и к обществу, выкорчевывая в нем элементы национально чуждые. Вот почему в каждом большевике есть толика шовиниста и в каждом шовинисте толика большевика, коль скоро оба они воспринимают народность как символ веры. Пусть в одном случае высшей формой народности объявляются классовость и партийность, а в другом - национальная гордость и патриотизм, все равно, высшей

формой того и другого окажется в конечном счете сама народность, которая вместит и в нужном составе смешает национальные и социальные компоненты. Ни большевизм, ни шовинизм не могут обойтись без народности, а значит, и друг без друга.

Но при этом могучий критерий народности не должен размениваться на вороватую мелочь чисто национальных или социальных критериев, а именно сочитать их в точной пропорции, подправляя то с одной, то с другой стороны, - чтобы линия народной судьбы закруглялась плавно, включая Блока, но отторгая Пастернака а еще лучше, включая народную часть Пастернака и отторгая антинародную его часть. Так, втиснутый с двух сторон на кинжальную остроту разделительной линии, принцип народности увереннее вонзается в самую сердцевину явления. Включает поздние стихи и отторгает ранние, или включает "Лейтенанта Шмидта" и отторгает "Доктора Живаго", вплоть до расчленения отдельных стихотворений: да, искренний порыв к слиянию с людьми, но зашоренность и мелкотравчатость дачного интеллигента. Мудрый критерий народности действует "острее меча обоюдоострого, проникает до разделения души и духа, суставов и мозгов и судит помышления и намерения сердечные", опять-таки уподобляясь в данном контексте творящему и судящему Слову. И апостол Павел напоминает об этом не где-нибудь, а именно в своем единственном послании к будущим "безродным" и "беспамятным", словно пророчески указывая, что по ним меч испытующего разделения пройдет острее всего (Евр. 4, 12).

Загадка народности... По всему востоку западной цивилизации, от Рейна до Волги, прошелся этой "загадки таинственный ноготь". Народно ли творчество Пастернака или Бабеля? Народна ли теория относительности Эйнштейна, генетика Менделя и кибернетика Винера? Народны ли стихи Гейне и фильмы Чарли Чаплина? Народен ли психоанализ Зигмунда Фрейда? Одно явление хорошо расщесть пополам, другое - отсечь вовсе, от третьего взять самую крохотку, чтобы народ слагался не только из цельных почвенных самородков, Стахановых и Матросовых, но также из раздробленных культурных частиц, половины Шостаковича, трети Пастернака, четвертушки Мейерхольда, десятых долей Ахматовой и сотых долей Мандельштама. Пусть они, разрубленные на лету, притягивают к себе отпавшую массу, но не впускают ее в заповедную общность, чтобы за народом осталось магнетическое свойство притягательности-непроницаемости.

Народность только этимологически производна от слова "народ", исторически же сам народ производится от "народности", этой руководящей идеи, которая формирует его по принципу включения-исключения, в должной пропорции национальной чистоты и социального единства. Вот почему в орбиту слова "народность" неизбежно втягиваются все национал-социальные или социал-национальные движения, с любым соотношением и обязательной гармонией двух составляющих. Но в конечном счете именно идеал народности и приводит народ к краху, низводит его к варварскому состоянию, к той низовой цельности, которая на более высоких уровнях всегда расчленяется на социальные и национальные самобытности, постепенно упраздняющие из идеологии само понятие "народ". Как "идеологема" народность есть не что иное, как попытка возрождения "рода", архаической общности, которая предшествовала разделению национального и социального, кровного и имущественного, природного и культурного. Оттуда, из глубин первобытной магии, и ведется та смутная связь "истины" и "справедливости", "кровности" и "всеобщности", которые потом заворачивают нас словами "правда" и "народ". "Народ" - это все, что выросло из рода за долгие века истории, "выродилось", "усложнилось" и "расплоилось" а затем во имя "народности" попыталось свернуться обратно в некую цельность исконного понятия-мифа.

И теперь, когда нация-социум, этот воспрянувший с Интернационалом из глубочайшей древности "род людской", лежит в развалинах, когда от сверхсоциума откололось множество наций, а большая нация раскололась на множество социумов (групп, слоев), само понятие "народ" лишается своего смыслового основания. Национальное и социальное больше не тождественны друг другу. Нет советского народа, а есть разные нации в евразийском сообществе и разные социальные слои внутри каждой нации. Кажется, и слово "народ" должно утратить свою громкость, сойти на нет, попасть в кавычки, как случилось со словом "правда". И хотя призывы к "народу" и "народности" еще звучат заздранно, в них сквозь голоса популизма все слышнее тихий заупокой, могильное безмолвие самого "рода". То, что это слово нарасхват в названиях все новых партий и таких газет, как "Господин Народ", - свидетельство, что его прямой смысл стирается и начинает восприниматься в кавычках, как цитата из сомнительных источников. Народ - это то, чем громче всего клянутся и что само по себе всегда безмолвствует, как в финале пушкинской трагедии. Чем глубже безмолвие,

тем слышнее клятвы. Но чем громче клятвы, тем слышнее безмолвие.

Конечно, загадка остается - томительное, сладкое чувство загадки, которая и не хочет быть разгаданной. Пусть "народ" остается в области тайных предчувствий как некая соборность душ, которой предназначено стать Божиим народом и, забыв о нации и социуме, сплотиться в вечности вокруг Его престола. Но не станем путать этот нездешний народ *без роду и племени* с той "народностью", которая взывает к погибшим духам "рода" и пытается воссоздать из них новую историческую общность, сплоченную вокруг идеи или вождя.

Трудно расстаться с "народностью", этим словом-призраком, обошедшим все словари, энциклопедии, учебники, вдохновляющим гуманитарные и даже страстно-гуманистические труды мечтательной российской учености. Но еще мучительнее с ним не расстаться, почувствовав выпитую и пролитую им кровь нескольких поколений. Таково свойство великих бесплотных идей: они потому и не имеют своей плоти, что питаются чужою.

2. ДЕРЖАВНАЯ РЕВНОСТЬ

Иностранец в России - фигура столь же почетная, сколь и подозрительная. Перед ним расступаются и начинают спешно себя оглядывать и смахивать пылинку. Как будто он приехал в Россию делать ревизию. Визит члена ЦК не так потрясал жизнь российского захолустья, как визит члена иностранной делегации. Потому что когда они стояли рядом, у члена ЦК был такой вид, будто он отчитывается перед иностранцем. Тот словно бы приезжал делать ревизию общечеловеческих ценностей, а член ЦК мог предъявить ему только классовые и смущался ограниченностью ассортимента.

Это отношение к иностранцу как к начальнику над начальниками поддерживалось его мифологической способностью появляться и исчезать неведомо куда. Член ЦК и даже Политбюро все-таки сидел на обозримом месте, хоть и центральном. Он был среди нас, хоть и совсем уже в середине, а иностранец вообще был по ту сторону: он мог к нам добраться, а мы до него не могли. Между нами было волшебное извернутое пространство, так что он нас мог видеть, а мы его не могли. Мы ползали по двумерной плоскости, вжимаясь в нее телом и взглядом - и вдруг трехмерное существо эту плоскость пересекало. Мелькала его двумерная проекция: широкая улыбка, прямой взгляд, крепкое рукопожатие, - и тут же все исчезало. Немыслимо

было заглянуть к нему в тыл, в домашние обстоятельства, своикие отношения - мы заставляли его только в качестве пришельца, посланника иных миров. Так в древности отличали богов от героев: боги приходили и уходили, а герои оставались с людьми. В нашей стране было много героев, но боги появлялись из-за границы.

"Люблю и ненавижу" - такой древней лирической формулой² можно определить отношение россиян к иноземцам. Перед ними смущенно закрывали двери, распахнутые для своих, - но зато щедро распахивали двери, которые для своих были накрепко закрыты. Они не могли съездить в затрапезный Подольск или в пыльные Петушки, на родину бедного Венички, не могли потоптаться в деревенской грязи, но зато перед ним распахивались валютные бары и кремлевские палаты. К иностранцам тянулись, восторгались, расплывались в беззащитных улыбках - и вдруг, точно поймав себя на чем-то постыдном, суровели, замыкались и уходили в себя. Все признаки болезненной влюбленности, легко переходящей в презрение. Чутьку напускное, но и взаврадашнее. Не хочу тебя, раз ты такой! А какой? Да просто - обходительный, гладкий, ладно скроенный, и вообще - что тебе от меня надо? Чего ты сюда приехал? Знаю я таких: покрутил и бросил. Уматывай отсюда: видеть тебя не хочу.

Такой примерный страстный монолог прокручивался в сердце державы. И - миллион терзаний в груди. Вспомним знаменитый эпизод "Горя от ума", когда Чацкий подсматривает сцену: толпа его знатных сородичей окружила безродного французишку из Бордо. И охаживают его, и поют ему комплименты, а за что? Только за то, что он французишка. Вот она, Россия, дура беспамятная, польстившаяся на заезжего пустомелю. Но на всякую российскую глупость найдется и российский ум. И тогда Чацкий отходит в сторону и произносит свой монолог о пагубности французика и о том, как хорошо бы русским научиться премудрому незнанию иноземцев.

Кто в этой сцене более русский? Толпа, восторженно внемлющая французику, или Чацкий, обливающий его презрением? В том-то и дело, что русское - то и другое, и одного без другого нет и быть не может. Если бы не восторг - то откуда бы взяться презрению? А если бы не презрение - кто бы с такой живостью изобразил нам восторг? Ведь узнаем мы об этом

²Из стихотворения римского поэта Катуллы, обращенного к его недоступно-доступной возлюбленной Лесбии.

"низкопоклонстве" только от самого Чацкого, которому надо на чем-то выместить свою гражданскую боль, вот и вымещает ее на французику. Как иностранец - так сразу "заняло ретивое". Кипит русское сердце, рвется на части.

Тайна этого странного сочетания любви и ненависти называется "ревность". Когда мы сильно любим, то кажемся сами себе недостойными предмета своего обожания - вот и начинаем его всячески снижать-унижать, чтобы сохранить к себе уважение. Странное это чувство - ревность. Если бы не она, то чем бы и мир двигался? Нет, не любовью движется мир, как великодушно полагал Данте: "Любовь, что движет солнце и светила."³ Была бы на свете одна лишь любовь, все бы светила притянулись друг к другу и сгорели во взаимном пламени. Того хуже, если бы мир двигался одной только ненавистью, одним отталкиванием - все бы частицы разлетелись по разным углам вселенной, и осталась бы на свете одна пустота и лютый холод.

Тогда мысль склоняется к двуначалию, к известной Эмпедокловой⁴ модели: дескать, в мире поочередно действуют любовь и ненависть, оттого вселенная то собирается воедино, то снова разделяется. Чем эта космическая причина не убедительнее всех исторических для распада нашего Союза? Сила притяжения собрала его когда-то в одну огромную империю, но когда все сжалось и объединилось до теснейшего предела, стала действовать сила отталкивания - вот и распалась империя, разлетелась на крупные и мелкие частицы от Москвы до самых окраин. Отсюда и Эмпедоклово предсказание на будущее, ничуть не хуже ельцинского или солженицынского: что когда эти частицы разлетятся до конца, снова сила притяжения повлечет их навстречу друг другу и объединит в какой-нибудь новой любви, может быть, даже взаимной и добровольной. И уже не просто дружба, а любовь народов воцарится на этой земле, пока дело не дойдет до очередной ненависти.

Наша поправка к этому космическому действу простая: любовь и ненависть - это два слагаемых одного чувства ревности. Ревность превращает любовь в ненависть, а заодно и предотвращает благополучный исход истории, когда народы, распри позабыв, соединились бы в одну счастливую семью. Нет счастья на этой земле, и особенно на той ее шестой части, ко-

³Последний стих "Божественной комедии".

⁴Эмпедокл - древнегреческий философ (5-ый век до н.э.), учивший о чередовании "любви" и "вражды" в космической эволюции.

торая глубоко предрасположена к ревности.

Не оттого ли такой странный, рваный рисунок у российской истории, что ревность - ее господствующая страсть? Ревность эту страну собирала, и она же разваливала. Ревность приводила эту страну к тому, что, готовая полюбить и обнять весь мир, она готова была растерзать его на куски, чтобы никому другому ее любимый не достался.

Ведь кто еще так полюбит и осчастливит мир, у кого такие широкие объятия, такая обильная грудь, такое нежное лоно, от океана до океана, - приди, возлюбленный! Приди в мирные объятия! А если нет - пеняй на себя. И нам доступно вероломство. Не я тебе выколю глаза, так найдутся другие, отомстят, каждую мою слезинку выжгут злопамятным клеймом на твоей коже. Будут жечь, пытаться, четвертовать, изжарят твое белое тело. Дети твои, большое позднее потомство, рожденное от другой, худосочной, проклянут тебя и развеют твой пепел по нашей гордой равнине. Так в вольном пересказе выглядит стихотворение Блока "Скифы" - крик страшной ревности, от имени России обращенный к Западу. "...Ликуя и скорбя, и обливаясь черной кровью, она глядит, глядит, глядит в тебя и с ненавистью и с любовью!.." Можно ли гениальнее передать эту муку ревности, которая проходит через все отношение России к Западу! Неотрывно и замороженно она "глядит, глядит, глядит" на Запад, словно пытаюсь его заморозить, передать ему свою любовную засуху, - и обливается черной кровью, которая еще не знает, будет она гореть страстью или враждой, будет сладко наполнять любимого или отворять ему жилы. "Да, так любить, как любит наша кровь, никто из вас давно не любит! Забыли вы, что в мире есть любовь, которая и жжет, и губит!" Любовь, которая и жжет, и губит, - еще одно поэтическое определение ревности.

Иностранцам, бессильным понять загадку этой души, раздвоенной между любовью и ненавистью, достаточно понять одно: это ревнующая душа. Эта душа - одно равновесие. И не только Запад ревнует она неведомо к кому, но и себя ревнует к Западу. Напрасно, что ли, Чацкий вскипел ненавистью к французскому - это он ревнует ту самую светскую чернь, которую столь умно презирает. Отчего эти важные люди льнут к пустенькому французцу, а не к нему, остроумцу и мудрецу? Отчего это народ уткнулся в телевизоры, слушает рок и смотрит ревью, все западного образца, а не читает взапой своих местных пророков? Не эта ли ревнивая досада и тяжкий вздох у наших вологодских и сибирских мудрецов, поучающих свой народ премудром: незнанию иноземцев?

Да и у народа - свой счет к книжникам московским и питерским: зачем известность у кучки западных профессоров они ставят выше доступного вхождения в многомиллионные низы у себя на родине? Почему они пишут для них, а не для нас? Почему норовят съездить к ним, а не к нам? Разные слои общества ревнуют друг друга к Западу - и ревнуют Запад друг к другу. Кого там больше любят? К кому оттуда больше ездят? С кем дольше остаются? Кого туда больше приглашают? Кого вкуснее угощают? Кого больше милуют?

Ревность повсюду такая, что уже не видно и самой любви. Да и была ли она, любовь? Была ли у народа с интеллигенцией когда-нибудь страсть-влечение, трудно сказать, но наверное, что осталась от всего бывшего одна только ревность. Интеллигенция любит народ за "высшую правду" - и ревнует к ней. Народ ненавидит интеллигенцию за "высокий уровень жизни" - и опять-таки ревнует. Когда любовь трудно отличить от ненависти, а ненависть от любви, это и есть ревность.

Давно уже оставлен наивным девочкам вопрос о том, бывает ли настоящая, чистая, самоотверженная любовь без ревности. Нет, не бывает. Впору поставить другой вопрос: а не бывает ли ревность без любви? И даже без ненависти. Одна тяжелая, безысходная, бесцельная ревность. Когда крестьяне, уже почти переставшие быть колхозниками, поджигают дом крестьянина, почти уже ставшего фермером, - из любви к чему они это делают? Из ненависти к чему? Всякий скажет, что они это делают из зависти. Но что такое зависть, как не ревность сама по себе, уже лишенная и намек на ту любовь, которая когда-то могла ее воодушевлять?

И только ли сейчас родилась эта зависть - или слепая ревность, забывшая про любовь, вела Россию по всей ее новейшей истории, брала приступом Зимний дворец и сгоняла крестьян с возделанных ими земель. Во имя любви к человеку надо уметь его ненавидеть - училаходячая диалектика Горького-Маяковского. "То сердце не научится любить, которое устало ненавидеть," - еще раньше проповедовал Некрасов, уж куда более национальный поэт, создавший в своих стихах настоящую энциклопедию русской ревности, начиная от "Зеленого шума", где муж на изменщицу-жену точит острие, и кончая совсем уже острым вопросом "Кому живется весело, вольготно на Руси?"

Вот почему, читая, например, рассуждения Розанова по еврейскому вопросу - а еврей и был в России иностранец по преимуществу, так ска-

зять, "свое иное" - не стоит удивляться странной смеси в них юдофильства и юдофобства. Так оно и должно было быть: великая ревность одного народа, еще только замыслившего свою всемирную миссию, к другому народу, эту миссию уже выполнившему. Что хорошо у Розанова - так это накал его ревности, за которой чувствуется и настоящая любовь, и настоящая ненависть. То он пишет "Замечательная еврейская песнь", то "Жид на Мойке".⁵ Еврейский вопрос у него ставится именно так, что кровью обливаешь сердце, и нет на свете народа более благословенного и более проклятого, чем евреи. Более святого и более мерзкого.

Это и хорошо. От ревности, знаем, никуда нам не деться - но хоть бы не переходила она в тупую и уже почти равнодушную зависть. Была бы в этой ревности любовь - а уж ненависть, увы, сама собой приложится.

3. ПОЭЗИЯ ХОЗЯЙСТВА

В русском языке слово "капитализм" невольно тянет за собой "накопление". Капиталист - накопитель, тот, кто копит капитал. Такое звуковое сходство немало сыграло на пользу революции и относится к числу ее лингвистических удач так же, как слова "большевик" и "Чека". Что это за мерзкие люди, которые только и делают, что копят, копят и копят!

На самом деле капитализм меньше всего связан с накоплением. Во всяком случае, гораздо меньше, чем "скупой рыцарь" с его золотым сундуком из феодального прошлого или завхоз с его ржавеющим складом из прошлого социалистического.

Капитализм пускает всякую прибыль в расход, чтобы она работала для получения новой прибыли. Сама прибыль при этом не оседает мертвым грузом, но выступает как неуловимая, трансцендентная сущность, требующая все новых усилий и новых затрат. Трансценденция, на философском языке, - это выход за пределы наличного опыта, устремленность в иные, сверхчувственные миры. Значение капитализма в том, что он открыл трансценденцию именно там, где она меньше всего предпола-

⁵ Названия розановских статей, которые он предполагал включить в книгу "Юдаизм". См. "Опавшие листья", в кн. В. Розанов. "Уединенное". М. Издательство политической литературы, 1990, с. 314. Точное слово для отношения Розанова к евреям нашел Синявский: "Он перед ними преклоняется, он им завидует, он к ним - ревнует". А. Синявский. ""Опавшие листья" В. В. Розанова". Париж. "Синтаксис", 1982, сс. 94-95.

галась, - в экономическом укладе, в мире хозяйства. Этот мир по традиции считался лишенным поэзии, мертвым, косным, опасным и стеснительным для души. Гений противостоял ремесленнику, поэт - торговцу. Капитализм потому и достиг всемирного успеха, что принес поэзию в область самого хозяйства. Материальный мир оказался функцией стремления к прибыли, которая потребовала отнюдь не только материальных расчетов. Прибыль всегда больше того, что она приносит своему владельцу: это выход за пределы нужного, насущного, потребляемого, это *при-быль*, чистый прирост бытия, это прыжок в неизвестность, стихия творчества.

Прежние системы хозяйства были построены на потреблении того, что производилось, на некоем балансе вложения и отдачи. Подход к хозяйству был утилитарный: рабовладелец получал от рабов, а феодал от своих крестьян и вассалов все, что ему нужно было для роскошной жизни. Капитализм стал производить для расширения самого производства. Баланс уступил место авансу: капитализм - это искусство вложения средств, гениальная трата. Раньше практические люди были заняты в основном извлечением средств себе на пользу и в удовольствии, а капитализм стал их влагать, разбрасывать, тратить, как в бурной любовной игре.

Не случайно ускоренное развитие капитализма в Европе совпадает с эпохой романтизма. Романтизм - это вовсе не протест против капитализма, против духа чистогана, как принято было считать с марксистских позиций. Капитализм и романтизм имеют общий исторический толчок - французскую революцию; общий психологический мотив - индивидуальную предприимчивость; наконец, общую метафизическую установку - устремление в бесконечность. Все античные, "наивные" формы хозяйствования, с их установкой на конечный потребляемый продукт, были отброшены капитализмом, так же как романтизм отбросил все наивные, классицистические формы поэзии, с их установкой на наглядный, воплощенный, созерцаемый идеал. Идеал оказался отброшенным в будущее, в прошлое, в невозможное, в никуда, поэзия стала томлением по недостижимому идеалу и насмешкой, иронией над всеми конечными формами его воплощения.

Так в поэзию вошел принцип бесконечности, и он же озарил мир предпринимательства. Отныне каждый продукт есть только форма товара, вызывающая у покупателя такую потребность, удовлетворить которую может лишь следующий товар. Капитализм соот-

ветствует той стадии развития всемирного духа, которую Гегель назвал несчастным сознанием. Это раздвоенное сознание, которое никак не может воссоединиться со своей "самостью", обрести свою цельную личность, но постоянно критикует и отбрасывает свои изменчивые обличья. Такое сознание нуждается в вещах, которые предоставляли бы ему возможность сразу и самоутверждения, и самоотрицания. Соответственно родилась "несчастливая" форма вещей, которым не гарантируется прочное место рядом с человеком, в его бытовом укладе, но скорее роль переменного, провокационного фактора в человеческом самосознании. Товар - это вызов своему покупателю: а можешь ли ты быть достойным меня? Заслужил ли ты меня носить, в меня играть, со мной путешествовать? Покажи, на что ты способен!

Покупая что-то, я всякий раз радуюсь возможности быть тем, кем я еще не был. Я покупаю радиоприемник - значит, сегодня я великий радиослушатель, мое "я" скользит по волнам эфира. Во мне самом есть нечто эфирное - вот почему я купил приемник: чтобы лучше чувствовать эфирную часть моего "я".

Я покупаю ракетки - значит, сегодня я великий спортсмен, мое "я" - это упругость мяча, радость удара, дальность отскока. Во мне самом есть эта эластичность, эта резкость взмаха и точность прицела; я покупаю ракетки, чтобы стать, наконец, собой, тем, кто я есмь.

Купить - значит стать. Купить себя невозможно, но именно эта невозможность и образует мир бесконечных товарных возможностей. Отсюда быстрая моральная и психологическая изнашиваемость товара, который легко отправляется на свалку, - ведь впереди, в некоем метафизическом просвете, лучится сущность абсолютного товара, который столь же неуловим, как мое подсознание, как мое сверх-Я. Абсолютный товар есть мое "я", которое, к несчастью для меня и к счастью всех торговцев мира, я нигде не смогу купить. То, что предлагается к покупке, есть лишь одна из многих затерянных частиц моего "я". Товар напоминает мне о ней, погружает в романтическую грезу о моем всеилии, всезнании, вездесущности. Эта греза называется "приобрести себя", но всякий раз она заканчивается приобретением очередного товара.

Отсюда реклама, которая всякий раз, в бесконечных вариациях, играет на одном: моей неудовлетворенности собой, моем несчастном сознании. Вот типичный пример: реклама некоей марки пива, парящая над крышами всех американских городов, от Вашингтона до Сан-Франциско. Что такое пиво, какое оно имеет ко

мне отношение? А именно то, что пиво - это забытая, пенящаяся, свежая, слегка пьянящая часть моего "я". Конечно пиво пришло из Германии, и не просто из Германии, а из всей бездонной глубины немецкой мысли, которая взыскует тайны субъекта, тайны сверхчеловека. И вот на рекламе - огромная голова Ницше со знаменитой щеточкой усов, этой ошетинившейся волей к власти, уже предсказывающей внешний облик вождей и фюреров 20-го века. Под володым подбородком - подпись, суммирующая всего Ницше для массового сознания: "Что есть человек?" Напротив Ницше стоит бокал того самого, пьянящего и пенящегося, и под ним - ответная надпись: "Теперь ты сможешь понять это и многое другое".

Ну кто же поверит, что пиво помогает понять самого себя и смысл жизни? Но реклама и не призывает верить. Этим она отличается от лозунга, который требует буквального восприятия и абсолютного приятия. Лозунг душит сознание своей единственной правотой, в нем есть тяжесть языческой непререкаемости, наивно явленного и воплощенного идеала. Реклама ни на чем не настаивает - она предлагает. Перед нею человек, богатый прежде всего возможностью выбора. И реклама связывает тот или иной материальный продукт с этой бесконечной игрой возможностей. Реклама - маленький намек на то, чем ты сможешь стать, мимолетная греза иного существования, зов к трансценденции. Реклама романтична. Вещь оказывается функцией внутреннего самоопределения, когда человек во всем окружающем ищет прежде всего самого себя.

До капитализма человек жил в мире плотных, вековых вещей, которые переживали его краткий век, переходили от прадедов к правнукам. С капитализмом все изменилось: теперь вещи живут в мире человека, как быстрые очарованья, хрупкие соблазны. Капитализм - это поэзия вещей, лишенных своего тяжелого материального субстрата и превращенных в знаки меняющихся возможностей, подвижных соотношений между мной сегодняшним и мной будущим. Вещь развоплотилась, стала вестью, коротким и пронзительным зовом, обращенным к каждому: кто ты такой? какие ты носишь перчатки? чьи руки пожимаешь? что унесешь ты с собой из тайны соприкосновения? Перчатки, ракетки, радиоприемник суть разные возможности для меня быть другим, быть тем, каким меня еще нет. Я не есть я: вот в эту новую бесконечность, разницу между мною и мной, и врывается мое решение стать другим, мой выбор себя на выгодном фоне предстоящей мне бесконечности.

Бытие вещи в качестве товара, вопреки угрюмым теориям отчуждения, именно празднично и романтично: вещь не достается мне по наследству, но выбирается из многих вещей, как невеста, как неизведанность, дальняя предназначенность, как вызов детерминизму, разрыв в физической плотности мира. Да, товар есть отчуждение: труда, силы, чего угодно, но разве не живет в каждом живом существе эта потребность быть чужим самому себе, создавать нечто чуждое из себя, - потребность карнавала, ряжения, переодевания, преодоления, игры, творчества? Быть владельцем только своей силы, пользователем только своих вещей - какое нескончаемое уныние самодеятельности! Рабочий отчуждает свою силу в производстве товара, покупатель отчуждает свою силу в приобретении товара - да здравствует сила самого отчуждения! Та, что повсюду развернута капитализмом как игра возможностей, отдающая мое "я" в обмен на чужое "я". Этот обмен чуждостей, эта чуждость самому себе и есть абсолют романтического движения, который заставляет нас постоянно сбрасывать свое очередное "я" как застывшую личину.

Конечно, есть теории, провозглашающие возврат к самоценным вещам, абсолютным, непререкаемым, как крестьянские башмаки, разделяющие от начала и до конца судьбу человека: в земле и пыли, на поле и по дороге. Такие теории, вроде хайдеггеровской,⁶ не просто есть - они должны быть, и их должно быть все больше и больше. Они выражают второй круг романтического томления, сначала гордо порвавшего с вещьностью наличного идеала, а затем тоскующего по идеалу самой вещьности, по простым, обжитым, утепленным вещам. Но где эта счастливая, дотоварная вещьность? Навсегда покинутая капиталистическим человечеством, она только мерещится ему в теоретических и поэтических фантазиях, вещьность еще более условная, причудливо-недостижимая, чем вещьность самого товара. Ведь вещьность товара, хотя и сведенная к знаку бесконечных возможностей, все еще служит человеку именно как вещьность, как чужое, осязаемое, оплаченное бытие. Вещность хайдеггеровских представлений уже окончательно слилась с носталь-

⁶ Мартин Хайдеггер, немецкий философ-экзистенциалист 20-го века, провозгласил возврат от технологической цивилизации к забытой истине бытия, как она, в частности, раскрывается на картине Ван-Гога, изображающей крестьянские башмаки (ее анализ дан в работе Хайдеггера "Происхождение художественного произведения").

гической одержимостью человека, всюду ищущего и нигде не находящего свое подлинное, счастливое "я". Эта вещьность не предъявляет себя ни к какой оплате, она лишена чуждости, и потому единственное ее бытие - в идеальном пространстве картины, или музея, или философского упования как еще одна возможность "я" удержать себя для себя.

Утопия бестоварной вещи органически присуща всем тоталитарным режимам, которые обвиняют капитализм в том, что, увеличивая потребности людей, он делал их все более несчастными. Отсюда задача - осчастливить человека, воплотить идеал, натурализовать хозяйство, обуздать рынок, свести его гул и тревогу к цеховой спайке, свести бесконечность прибыли в счастье наличного бытия и общего достатка. Не только нацизм, к которому был близок Хайдеггер, но и коммунизм попытался создать свою поэзию *народного* хозяйства и противопоставить ее капитализму. Если капитализм ввел несчастное сознание внутрь самой экономики, коммунизм создал поэзию счастливых экономических идей, которая извне тащила на себе хозяйство и подменяла игру его внутренних возможностей силой внешней необходимости. "Железной рукой загоним человечество к счастью" - лозунг первых революционных лет. Бестоварное производство и было призраком такого близкого счастья, когда теснейшее сплочение товарищей уже отменяло товарные отношения между ними. Слово "товарищ" в старину означало: спутник в доставке товаров по долгим торговым путям. Так зачем товар, если его высшая цель, товарищество, и так достигнута, и экономика из товарной может сделаться прямо товарищеской?

Ошибка состояла в том, что был опозитивирован труд как якобы волшебное средство извлечения человека из обезьяны и последующего извлечения всех чудес цивилизации из человека. Причем за образец был взят труд рабочего - именно то, что содержит в себе меньше всего поэзии, меньше всего собственно человеческих мотивов и устремлений. Марксизм справедливо критикует низведение человека к машине, но не предлагает человечеству иного образца, чем пролетарий, который и есть самый убедительный продукт такого низведения.

Труд есть необходимость, но даже в самой грубой материальной деятельности ему предшествует момент свободы. Единственно поэтический момент хозяйства - это деятельность предпринимателя, от которой марксизм отвернулся с великодушным ханжеским негодо-

ванием. Можно сказать, что именно недостаток эстетической восприимчивости погубил марксистский проект, поскольку деятельность рабочего, как ни возвышай ее из научных, политических, этических и каких угодно соображений, не может вдохнуть душу в хозяйство, она поэтически неубедительна, в ней нет порыва и погони за абсолютном. Труд рабочего подчиняется плану, составленному для него предпринимателем, но этот план только вторичен по отношению к той игре, которую ведет сам предприниматель, где ставка - все его богатство, его жизнь, честь и благополучие близких. План, то есть подчиненный и механический момент производства, оказался в социализме самоцелью, он был огражден от риска, который в капитализме этому плану предшествует и его формирует.

Пролетарий работает, капиталист рискует. Поэзия хозяйства - это поэзия не труда, а предпринимательства, того риска, который сопряжен с величайшей опасностью и требует величайшей дерзости. Разумеется, это не тот риск и азарт, который витает в игорном доме, где игрок отдает себя во власть случая. Предприниматель заставляет случай играть на себя; он рассчитывает ходы наперед, он играет не в слепую рулетку, а в прозрачные шахматы. Но именно поэтому проигрыш может обойтись ему гораздо дороже, чем посетителю казино, который легко утешается и вознаграждается переменчивостью фортуны. В казино проигрывается только то, что поставлено на кон, в бизнесе проигрывается все, что составляет достоинство, судьбу и карьеру игрока. Риск не устраняется, напротив, возможность профессионально его рассчитывать увеличивает размер его непредвиденных последствий. Именно риск есть основная категория капитализма, которая сближает его со всем фантастическим, удивительным и невероятным, что когда-нибудь творилось в истории. По степени риска предприятия Рокфеллера и Форда мало чем отличаются от предприятий Наполеона и Карла Великого. Рисковать - это значит выполнять заветы самой романтической из всех философий: "живи опасно", "возлюби судьбу" и "заслужи любовь судьбы" (Ницше).

Настоящий предприниматель лично для себя мало что выигрывает от своих наполеоновских замыслов. Он мог бы питаться в лучших ресторанах, купаться на лучших курортах, летать на личном самолете, иметь все лучшее для ублажения своей души и тела за десять миллионов. Зачем ему десять миллиардов? "Ни съесть, ни выпить, ни поцеловать" - та же самая изумительная бесполезность, которую, по словам Н. Гумилева⁷, мы испытываем перед поэзией. Пятью чувствами она непостижима - и в муках бесцельности рождается в нас шестой орган, тот, которым мы воспринимаем "розовую зарю над холодеющими небесами". Не так ли предприниматель воспринимает растущие перед ним очертания нового огромного дела?

Именно эта разница между миллионом, который можно выпить, и миллиардом, который выпить нельзя, и делает предпринимателя поэтом, носителем шестого чувства. Эта разница, не окупающая трудов и затрат, составляет душу капитализма, его поэзию, его трансценденцию. И его одиночество. Пусть возрастает общественный характер труда - предпринимательство остается уделом одиночки. Этот порыв в иное, этот груз ответственности, эту степень риска, этот миг азарта не с кем разделить человеку большого бизнеса: он остается один перед лицом возможного, как перед белым листом бумаги. "Что делать нам с бессмертными стихами?" Что делать ему с бессчетными прибылями?

Он знает, что ни с бессмертными стихами, ни с бессчетными прибылями ему делать нечего. Именно это ничто, эта прихоть, эта блажь и движет миллионами печей, станков, конвейеров, где миллионы рабочих озабочены, как точь-в-точь справиться с планом. С рассчитанным до секунд расписанием, в котором никто не узнает и не должен узнавать поэтических строк, рожденных мгновением бессмыслицы, бормотания, бесполезности.

⁷ Из стихотворения Гумилева "Шестое чувство" (1921).

Апрель - май 1992

Питрус (Пит) Бувалда находился в Москве в качестве посла Нидерландов в СССР с октября 1986 по июль 1990 года. Нидерланды представляли в то время также и интересы Израиля в СССР, и потому его посольство отвечало за выдачу виз на въезд в Израиль еврейским эмигрантам из Советского Союза.

После возвращения в Нидерланды г-н Бувалда опубликовал свой "Diplomatiek Dagbook Moskou" - "Дипломатический дневник из Москвы", содержащий записи, которые он регулярно заносил в свой дневник, находясь в Москве, а также комментарии и заключения, написанные впоследствии. Выдержки из этой книги публикуются ниже в переводе.

Petrus ("Piet") Buwalda was Netherlands Ambassador to the USSR in Moscow from October, 1986 till July, 1990. Since the Netherlands also represented the Israeli interests at that time, his Embassy was responsible for the issuance of all the visas for Israel delivered to Jewish emigrants from the Soviet Union.

After his return to the Netherlands, Mr. Buwalda published his "Diplomatiek Dagbook Moskou" ("Diplomatic Diary from Moscow") which contains the entries he regularly jotted down in his diary during his stay in Moscow and his comments and conclusions written afterwards. Excerpts from this book follow in translation.

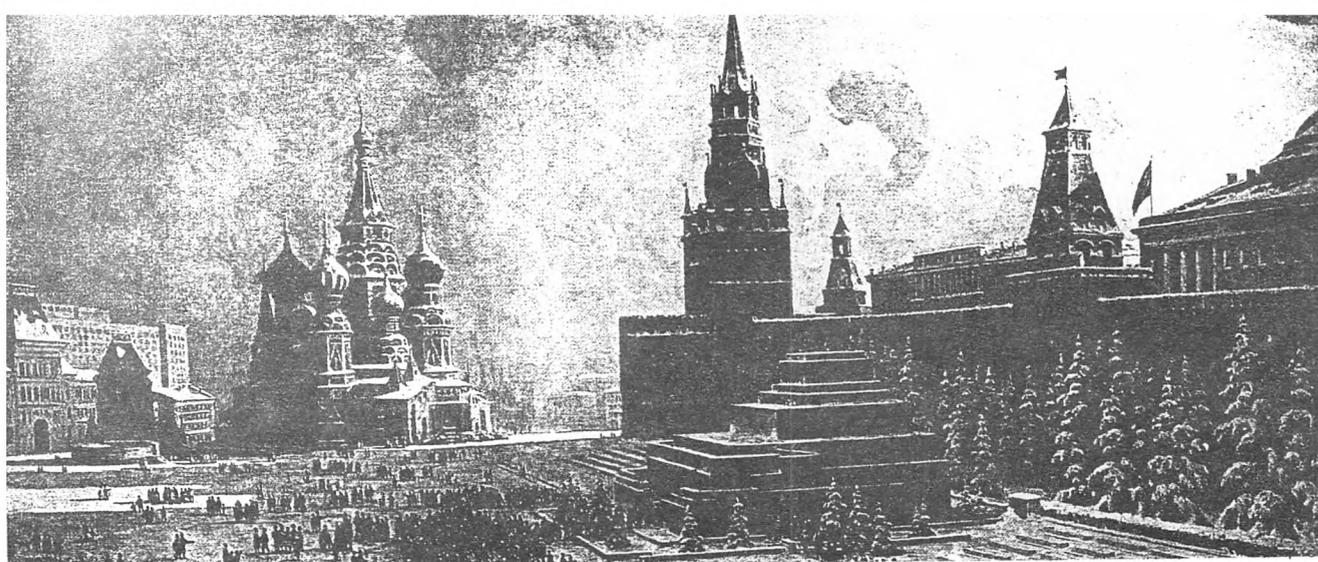
ПИТЕР БУВАЛДА

ДИПЛОМАТИЧЕСКИЙ ДНЕВНИК ИЗ МОСКВЫ

PETER BUWALDA

MOSCOW'S DIPLOMATIC JOURNAL ■

Москва, 1987 год

Moscow, 1987

Суббота, 7 февраля

Вечером обед в австралийском посольстве, где устраивают прощальный прием в честь американского посла Артура Хартмана и его жены Донны. Как обычно, они попросили нашего австралийского коллегу Похока пригласить в основном диссидентов и отказников. Приглашенные принадлежат к группе, которая мало что может потерять от контактов с иностранцами, зато многое может приобрести, потому они рискуют постоянно бывать в американском посольстве, потому пришли и сегодня в австралийское.

Я говорил с профессором Лернером, одним из лидеров отказников, с композитором Альфредом Шнитке, с пианистом Владимиром Фельцманом и многими другими. За подачей заявления на выезд, как правило, следует увольнение, лишение всех постов (обычно довольно высоких); пианисту больше не разрешают выступать в больших городах, произведения композитора едва ли когда-нибудь позволят исполнять. Многие из отказников работают сторожами, дворниками, водопроводчиками и т.д. Иногда научные труды удается напечатать под чужим именем.

Отказники сейчас живут между надеждой и отчаянием. Официально объявлено, что в январе было выдано около 500 разрешений на выезд, в то время как за весь прошлый год их было выдано всего 1000. Возможно, это начало либерализации в этом вопросе. Но выдача виз в Израиль нашим консульским отделом вовсе не отражает никакого увеличения.

Четверг, 19 февраля

По сообщениям иностранного радио психиатр Александр Корягин, наконец,

Saturday, February 7

Tonight we attend a buffet-dinner in the Australian Embassy. It is a farewell party for the American Ambassador Arthur Hartman and his wife Donna. It is typical for them that they have asked our Australian colleague Pohock to invite mainly dissidents and Refuseniks. The guests who came belong to a group which has little to lose and rather more to gain from contacts with foreigners. That is why they venture regularly into the American Embassy, as they do now into the Australian one.

I talk to Professor Lerner, one of the leaders of the Refuseniks, to the composer Alfred Schnittke, the pianist Vladimir Feltsman and many others. Some have requested an exit-permit ten or more years ago, only to be refused time and time again. Their request was always immediately followed by dismissal from their (often high) positions, the pianist was no longer allowed to perform in the big cities, the works of the composer were hardly ever played. Many of them now work as janitors, plumbers etc. Sometimes their scientific work is published under other names.

At present, the Refuseniks live between hope and despair. It has been officially announced that some 500 exit-permits have been issued in January, as compared to less than 1000 during the whole of last year. It could be the beginning of a liberalization in this respect. But the issuance of visas for Israel by our Consular Section has not shown any increase as yet.

Thursday, February 19

The Psychiatrist Alexander Koryagin has finally been discharged from the Gulag, according to a foreign radio station. Rumor has it that he is on his way to his home in Charkov.

In the Netherlands there is a great sympathy for Koryagin who has been a member of the "Helsinki Watch Committee" and has especially fought the abuse

освобожден из Гулага. По слухам, он едет сейчас домой в Харьков.

В Нидерландах к нему относятся с огромным сочувствием как к члену Хельсинского наблюдательного комитета и борцу против злоупотребления психиатрией для борьбы с инакомыслящими. Мы предложили ему визу в Нидерланды, но он получил подобные предложения еще от нескольких стран и едва ли предпочтет наше.

Пятница, 20 февраля

Глава нашего консульского отдела говорит, что число заявок на израильскую визу заметно увеличилось за последние несколько дней. Тем не менее скромная демонстрация отказников на Арбате была грубо разогнана какими-то хулиганами - явно переодетыми в гражданское кэбээшниками.

Корреспондент CNN Питер Арнет пришел на прием к нам в резиденцию весь в синяках и кровоподтеках. Эти "лица в гражданском" пытались конфисковать пленку, на которую он снял демонстрацию. Им это не удалось!

Вторник, 21 апреля

Во время недавнего визита Государственного секретаря Шульца в Москву пианист-отказник Владимир Фельцман, с которым мы очень подружились, был неожиданно извещен о том, что ему разрешено дать концерт в Москве, в зале Чайковского. Годами ему в этом отказывали, играть Фельцман мог только в маленьких городах, преимущественно в Сибири. Очевидно, Шульц говорил о его деле.

Концерт был объявлен только в самом зале Чайковского. Кассы за несколько дней до концерта объявили, что все билеты распроданы, однако сегодня зал едва ли наполовину полон. Возможно, это саботаж на более низком уровне разрешения, данного наверху... Это типичные проблемы, с которыми постоянно сталкивается Горбачев в своей политике гласности, да и во всей перестройке. Маленькие "князьки", будь это правительственные чиновники или партийные функционеры, неспособны - а чаще не желают - поддерживать перемены. Годами их учили, что человек, подавший документы на выезд, - предатель, а теперь такому человеку вдруг разрешают играть в крупнейшем концертном зале Москвы! (Антисемитизм, все еще распространенный между многими русскими, вполне мог тоже сыграть здесь свою роль.)

of psychiatry against dissidents. We have offered him a visa for the Netherlands, but he has received similar offers from several other countries and will likely go elsewhere.

Friday, February 20

The head of our Consular Section tells me that the number of requests for Israeli visas has noticeably increased during the last few days. However, a small demonstration by Refuseniks on the Arbat has been put down in a particularly hard-handed way by some rowdies, obviously KGB operators disguised as civilians.

CNN reporter Peter Arnett attends a reception in our residence full of black and blue spots caused by these "civilians" when they tried to confiscate the film he shot of the demonstration. They did not succeed!

Tuesday, April 21

During the recent visit of Secretary of State Schultz to Moscow, the Refusenik pianist Feltsman - who has become a good friend of ours - was suddenly informed that he would be allowed to give a recital here in the large Tchaikovski concert hall. For years that permission had been denied; he was able to play only in small cities, preferably in Siberia. Clearly Schultz has pleaded his case.

The concert has been announced only at the concert hall itself, and the box office incorrectly asserted a few days beforehand that it was sold out. But tonight the hall is no more than half full. Probably there has been sabotage at the lower level against the permission given higher-up. That is typical for the problems which Gorbachev continuously encounters with his policy of Glasnost and, in fact, with the whole of his Perestroika. The small potentates, whether government officials or the party functionaries, are unable - or more often unwilling - to keep up with the new developments. For years they have been taught that someone asking for an exit permit was a traitor, and now that man is suddenly allowed to give a concert in the largest concert hall of Moscow! (Anti-semitism, still prevalent among many Russians, may also have played a role in this case.)

During the first part of the program, which consists only of the works by Robert Schumann, Feltsman is obviously very nervous, but afterwards his playing reaches the highest level. There is an emotional applause urging him on to several encores. We do not wait for all of them, as we have invited him and his friends for a buffet-supper in our residence afterwards and have to hurry home.

First to arrive there are the members of our own

Во время первой части программы, состоящей только из произведений Роберта Шумана, Фельцман явно нервничает, но дальше его исполнение достигает самого высокого уровня. Ему вдохновенно аплодируют, вызывая несколько раз на бис. Но мы уже не можем ждать, поскольку пригласили Володю и его друзей приехать после концерта на ужин в нашу резиденцию и должны спешить домой.

Первыми приехали сотрудники нашего посольства и около тридцати иностранных дипломатов, многих из которых мы смогли пригласить только во время концерта, - времени у нас почти не было. А затем мы стали с возрастающим беспокойством ждать приезда наших русских гостей. Осмелятся ли они прийти? И если да, то смогут ли войти в посольство или их остановит КГБ или милиция, как обычно наблюдающие за нашей дверью?

Но затем, час примерно спустя после концерта, они прибыли (около тридцати преимущественно молодых людей). Это смесь еврейских и нееврейских артистов, отказников, диссидентов и проч.

Некоторые из отказников особенно восторженны: "Кто мог подумать, что это будет возможно!", "Когда я так свободно захожу в ваше посольство, я снова чувствую себя человеком!"

Вино и водка поданы, а затем все кидаются к столу. Я начинаю играть на рояле, а на втором мне вторит датский коллега. Затем вступает русская пара. Он оказывается композитором, пишущим музыку для кино, а она явно профессиональная певица. Любят замечательные русские народные песни, потом "белогвардейские", и впервые с нашего приезда мы по-настоящему оказываемся в России. Когда в конце моя жена Вильма поет греческую песню "S'agapo" ("Я люблю тебя"), успех вечера становится очевидным.

Мы бесконечно говорили со своими гостями, несмотря на то, что временами плохо понимали друг друга. Я беседовал с профессором музыковедения, с инженерами и артистами, с женщиной, чей муж все еще находится в заключении за политические убеждения, с художником Ильей Кабаковым и с писателем Виктором Ерофеевым, оказавшимся сыном члена советской делегации на Конференции по разоружению в Стокгольме, с которым я лично вел переговоры.

Незабываемый вечер закончился около часу ночи. Благодаря горбачевской политике гласности, впереди, возможно, много подобных вечеров, но никогда они не будут такими эмоциональными, как этот. А может быть, дверца ловушки снова захлопнется...

staff and some thirty foreign diplomats, many of whom we have been able to invite only during the concert - we had so little time. And then we wait, with increasing worry, to see whether our Russian guests will dare to come and, if they do, be able to enter and not be stopped by the KGB or the local Militia, who are as always watching our door.

But then, an hour after the end of the concert, they come trooping in, some thirty mostly young Russians. It is a mixture of Jewish and non-Jewish artists, Refuseniks, dissidents and others. Especially some of the Refuseniks are delighted with this chance: "That this has now become possible!"; "When I walked into your Embassy just like that, I felt like a human being again!"

Wine and Vodka are served, and then everybody falls upon the buffet. I begin to play some songs on our piano, joined by a Danish colleague on the second one. Then a Russian couple takes over. He turns out to be a composer of film music, and she is obviously a professional singer. Wonderful Russian ballads and cabaret songs pour out over us, and for the first time since our arrival we are really in Russia. When at the end my wife, Vilma, sings the Greek song "S'agapo" ("I love you") the success of the evening is complete.

We talk endlessly with our guests, even though we sometimes hardly understand each other. I have discussions with a Professor in Musicology, with engineers and artists, with a woman whose husband is still in jail for political reasons, with the painter Ilya Kabakov and with the dissident author Victor Erofeev who turns out to be the son of a member of the Soviet delegation with whom I have negotiated at the CSCE-Conference on Disarmament in Stockholm.

The unforgettable evening comes to an end towards 1 a.m. Many similar evenings may follow, provided Gorbachev's Glasnost policy is maintained. But it will never again be so emotional as this one was. And perhaps the trap will slam shut again.

Feltsman will now hopefully receive an exit permit for which he has waited so long - thanks to the Secretary of State Schultz. But the prospect of having to leave his country for good dampens his joy that he will finally be able to fully deploy his artistic freedom. And when the permission arrives, how will he and his wife undergo not only that freedom but also the commercial harshness of the West?

1989

Friday, December 15

Last night Andrey Sacharov died suddenly of a heart attack. He was 68.

Saturday, December 16

We visit Yelena Bonner, Sacharov's widow, to present our condolences. In front of the building in

Фельцман, надо надеяться, теперь получит разрешение на выезд, которого он так долго ждал: спасибо Государственному секретарю Шульцу. Однако радость от того, что он скоро получит полную артистическую свободу, омрачается перспективой навсегда оставить свою страну. А когда разрешение наконец будет получено, как он и его жена справятся не только с этой свободой, но и с коммерческой жесткостью Запада?

1989 год

Пятница, 15 декабря 1989

Вчера ночью внезапно от сердечного приступа умер Андрей Сахаров. Ему было 68 лет.

Суббота, 16 декабря

Мы нанесли визит Елене Боннер, вдове Сахарова, чтобы выразить наши соболезнования. Перед домом, где у Сахаровых маленькая квартирка, несмотря на сильный мороз, стоят десятки людей. На карнизах горят принесенные ими свечи - старинный русский обычай. Все это показалось нам хорошим знаком.

Дверь квартиры No 63 на седьмом этаже приоткрыта. Госпожа Боннер стоит в коридоре, на ней поверх старых коричневых брюк надета выцветшая розовая кофта. Она, как всегда, держится очень сдержанно. Вместе с ней ее сын, только что приехавший из Америки, и он переводит ее слова - английский сегодня ее подводит.

Я вручаю ей личное послание Ее Величества королевы Беатрис, в котором королева напоминает Елене Боннер о недавнем визите Сахаровых в Кронинген. "Мой муж тоже всегда вспоминал наше путешествие в Кронинген и поездку по каналам в Амстердаме с огромным удовольствием", - отвечает госпожа Боннер.

Она рассказывает нам, что получила уже сотни писем и телеграмм с соболезнованиями, подчеркнув, что одна пришла от рабочих завода, проводящих забастовку. Издатели "Московских новостей" поместили на первой странице портрет Сахарова с одной только надписью: "Прости нас".

"Андрей умел достигать всего, что ставил своей целью, - говорит она, - в нем была внутренняя гармония, которая позволяла ему амортизировать неудачи. В этом он был большой муж".

Когда я выразил надежду, что она

which the Sacharovs have their small apartment dozens of people are keeping watch in the biting cold. On the outside windowsills they have lighted candles - a very Russian homage. It gives us a good feeling.

On the seventh floor the door of apartment 63 is ajar. Mrs. Bonner stands in the hall dressed in a faded-pink dressing gown over an old pair of brown pants. She is courageous and keeps herself under control as usual. She receives us with her son who has just arrived from the U.S. and interprets her words now that her normally quite serviceable English lets her down.

I hand her the text of a personal message from Her Majesty the Queen Beatrix who reminds her of the conversation she had with the Sacharovs earlier this year in Groningen. "My husband also remembered our trip to Groningen and the cruise through the canals in Amsterdam with great pleasure", says Mrs. Bonner.

She tells us that hundreds of messages of condolence have arrived and mentions in particular the one from some factory workers who are on strike. The printers of "Moscow News" have posted a picture of Sacharov with only: "Forgive us" written underneath.

"Andrey was able to attain anything he resolved to do", she says, "and he had an inner harmony which enabled him to absorb any setbacks. In that he was a "bolshoy muzh" (a great man)."

When I express the hope that she will write a book about her husband, she answers: "Definitely". But first she wants to finish the memoirs which Andrey himself had almost completed before his death. She points to a sheaf of papers in the middle of an immense litter on his desk.

Mrs. Bonner is worried about the funeral next Monday which is being organised by the authorities without much consultation with her. She thinks the public interest is underestimated and she hopes it will not become another "Tolstoy-funeral". At that funeral the crowding apparently created serious problems.

Monday, December 18

This morning went first to the opening of the congress of the "Union of Jewish Organisations in the S.U.". It is a great event that such a congress now has become possible. Some 700 delegates have come from all parts of the Soviet Union and some 100 from abroad, including the Netherlands.

The congress starts half an hour late, perhaps because adherents of "Pamyat" (an ultra-nationalistic, anti-semitic organisation) are demonstrating at the entrance, shouting: "All Jews to Israel". There are speeches by, among others, the vice-president of the Jewish World Congress, Leibler, and a member of the Israeli consular delegation, which has been attached to the Netherlands Embassy for over a year now. After

напишет книгу о своем муже, она ответила: "Определенно". Но прежде она хочет закончить мемуары самого Андрея, которые он не успел завершить перед смертью. Она указывает на стопки бумаг посреди невероятной неразберихи на его письменном столе.

Госпожа Боннер обеспокоена процедурой похорон, которые состоятся в следующий понедельник - их организует правительство без особых консультаций с ней. Она считает, что интерес общественности власти недооценивают и что похороны не превратятся во вторые "похороны Толстого". Видимо, на похоронах Толстого толпы послужили причиной беспорядков.

Понедельник, 18 декабря

Сегодня утром сначала был на открытии конгресса "Союза еврейских организаций СССР". Возможность такого конгресса - большое событие. Приехало около 700 делегатов из разных частей Союза и около 100 из других стран, включая Нидерланды.

Конгресс начался на полчаса позже, вероятно, из-за приверженцев "Памяти" (ультра-националистической, антисемитской организации), собравшихся у входа на демонстрацию и выкрикивавших: "Евреи в Израиль!". Среди прочих с речами выступали Вице-президент "Всемирного еврейского конгресса" Лейблер и член израильской консульской делегации, уже около года расположенной в Нидерландском посольстве. Прослушав еще несколько речей, я решил потихоньку уйти: сегодня еще очень много дел... Уже почти в дверях я вдруг услышал, как председатель упомянул среди выступающих "посла Нидерландов". Оказывается, ожидают, что я тоже выступлю, о чем меня никто не известил заранее. Пришлось импровизировать, и я подчеркнул наши основные принципы: каждый народ имеет право на свою собственную культуру, любой и каждый человек имеет право покинуть свою страну и вернуться в нее. Аплодисменты, которыми меня наградили, скорее всего были следствием не красоты моей речи, а того факта, что мы продолжаем представлять интересы Израиля, а это высоко оценивается евреями.

После - приемная МИД, советского Министерства иностранных дел. Глава отдела гуманитарных дел, Решетов, устраивает завтрак для иностранных дипломатов. Он необычный, импульсивный человек, делающий все, чтобы создать у иностранцев впечатление, что он борется за права человека и сражается с

several more speeches I decide to leave the hall quietly, there is so much to do today... Just before I reach the exit I hear the chairman mention the "Posol Niderlandov", the Netherlands Ambassador. It turns out that I am also expected to speak, although nobody had informed me beforehand. So I have to improvise, and I emphasize our general principles: everyone is entitled to exercise his own cultural identity and each and everyone should be allowed to leave his country and to return to it. The applause I get has probably less to do with the beauty of my speech than with the fact that we continue to represent the Israeli interests which is much appreciated by the Jews.

After that, on to the reception-center of MID, the Soviet Ministry of Foreign Affairs. The head of the department of humanitarian affairs, Reshetov, is hosting a bugget-luncheon for diplomats. He is an unusual, impulsive man who does his best to give us foreigners the impression that he is working for human rights and battling with "the others" who are sometimes too strong for him. On the other hand, I can not help thinking at times that he has been placed on this chair to deflect as much as possible the criticism of the foreign embassies on the human rights policies of his government. At times he seems to attain results for us, sometimes he does not. I remind him once more of the case of the three Jewish families, one in Moscow and two in Kiev, who had received exit permits which were cancelled later. They are in an impossible position, having sold their apartments and belongings and living without identity papers. I call that scandalous and he promises to look into the question again.

In the afternoon the funeral of Sacharov. He is now honored as the national figure he has always been for us. But he would have smiled, could he have seen how hundreds of policemen keep the road free for his funeral, how President Gorbachev and most members of the Politburo have come to pay him homage and how, bitter irony, Chopin's funeral march is played by a policeband. In the Russian manner, the coffin is dragged from one site to the next. Great crowds everywhere. First to the Institute for Physics where he worked for so long and then to the Academy of Sciences of which he remained a member. Next comes Luzhniki Park which has lately become a forum for meetings of "informal" groups, dissidents and progressive deputies. Old and new friends and comrades-in-arms of Sacharov give emotional speeches there today for tens of thousands of sympathisers.

After we have followed most of these ceremonies on television, we are driven to the cemetery where the interment will take place. Mrs. Bonner has been able to address herself to the public on television with the request to let the funeral take place in private. Nevertheless several hundreds of people have come, together with the family and friends. She had asked us

"другими", часто оказывающимися "сильнее его". С другой стороны, я временами не могу не думать, что его посадили на это место с единственной целью: изо всех сил опровергать критику иностранных посольств советской политики в области прав человека. Иногда он достигает своей цели, иногда нет. Я в очередной раз напоминаю ему о делах трех еврейских семей, одной в Москве и двух в Киеве, получивших разрешение на выезд, которое затем вдруг было аннулировано. Они в ужасном положении: квартиры и имущество проданы, паспортов нет. Я называю эту ситуацию скандальной, и он обещает вновь пересмотреть этот вопрос.

В полдень похороны Сахарова. Ему теперь воздают почести как фигуре национального масштаба, каким он всегда был для нас, иностранцев. Но он бы улыбнулся, если бы увидел, как сотни милиционеров расчищают путь для его похорон, как Президент Горбачев и большинство членов Политбюро пришли отдать ему последние почести, и как - горькая ирония - похоронный марш Шопена играет оркестр милиционеров. По русскому обычаю гроб без конца перевозят с места на место. Везде огромные толпы. Сначала Институт физики, где он работал много лет, затем Академия Наук, членом которой он оставался. Потом парк Лужники, ставший в последнее время форумом "неформальных" объединений, диссидентов и прогрессивных народных депутатов. Старые и новые друзья, "товарищи по оружию" Сахарова выступают с эмоциональными речами перед десятками тысяч собравшихся на траурный митинг.

Все эти церемонии последовательно показаны по телевидению, а затем мы прибываем на кладбище, где состоится погребение. Госпожа Боннер публично по телевидению просила не приезжать на кладбище никого, кроме близких. Несмотря на это, несколько сотен людей приехало на кладбище вместе с друзьями и близкими. Нас она попросила присутствовать, и, вместе с американским и французским коллегами, мы - единственные представители корпуса иностранных дипломатов.

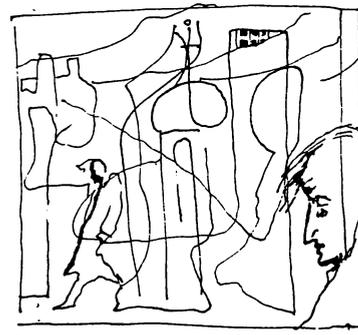
Траурный кортеж прибыл на полтора часа позже, чем планировалось, и кладбище погружено в почти непроницаемую темноту. Горят несколько слабых фонариков, но с того момента, как процессия прибывает на кладбище, телевизионные огни внезапно создают мистическую атмосферу. По здешнему обычаю, гроб привозят на маленьком старом

to be present and together with our American and French colleagues we are the only representatives of the diplomatic corps.

The cortege arrives one and a half hour later than planned and the cemetery is already in deep darkness. There are some weak emergency lights, but upon the arrival, television lights suddenly create a ghostly atmosphere. As is the custom here, the coffin is transported in an small old bus in which the family is also seated. At the grave the coffin is opened for the last time, in order to enable the next of kin to say goodbye. At that moment it starts to rain heavily - very unusual for this time of year in Moscow. The grave is filled with earth, as soon as the coffin has been lowered into it by hand with great difficulty. Under all this, Sacharov's widow keeps up remarkably well and from time to time she even gives directions herself.

Deeply moved, we return home where we watch how the national newsprogram "Vremia" begins its broadcast tonight with almost ten minutes on the funeral of Andrey Sacharov. His country has lost a great man, says the anchorman - yes, but that recognition comes somewhat late.

translated by Irina Klyagina

автобусе, в котором находится и семья покойного. На могиле гроб в последний раз открывают, чтобы близкие могли еще раз проститься. В этот момент внезапно начинается сильный дождь, что крайне необычно для этого времени года в Москве. Могилу засыпают землей, как только гроб с огромным трудом на руках опускают. В течение всего этого времени вдова Сахарова держится замечательно хорошо и даже сама иногда отдает распоряжения.

Глубоко тронутые, мы возвращаемся домой и по телевизору смотрим, как программа новостей "Время" начинается с почти десятиминутного репортажа о похоронах Андрея Сахарова. "Страна потеряла великого гражданина", - говорит диктор. Да, но признание пришло слишком поздно.

ОТ РЕДАКЦИИ :

Книги иностранных дипломатов, от Маркиза де Кюстина до Мориса Палеолога, некогда играли в духовной жизни России просветительски-освободительную роль. Настал ли конец обучению или нет, мы все еще не знаем, но взгляд "просвещенного соседа" все же всегда интересен. Потому, получив по факсу отрывок переведенного на английский язык "Дипломатического дневника из Москвы" посла Нидерландов, мы решили поместить его в журнале. С одной стороны, наши двигало уважение к господину Питеру Бувалда, исполнявшему вовсе непростые обязанности главы иностранного посольства в потревоженной первыми переменами стране. С другой, - нас поразило, что всего за пять лет, прошедшие с 1987 года по 1992, и следа не осталось той страны, жизнь которой фиксирует автор, и того настроения, в котором жили ее граждане в дни перестройки, от которой в свою очередь тоже ничего не осталось... Короче, нас поразила историографичность этого скролимого дневника, помноженная на тот факт, что все, кого упоминает г-н Бувалда, продолжают свой жизненный путь.

Думаю, не будет преувеличением сказать, что три, по меньшей мере, четверти присутствовавших в конце апреля 1987 года на концерте Владимира Фельцмана, теперь, как и сам Фельцман "справляются со своей обретенной свободой и жесткостью Запада". Я сама прекрасно помню и этот концерт, и странную, полузаговорщицкую обстановку в полупустой зале Чайковского, и то, как после концерта (да и во время его) те, кто собирался вечером в голландское посольство, старательно демонстрировали "людям в штатском", что не знакомы с теми, кому, по понятным соображениям, ехать туда не следовало. И увь, хорошо помню, как это было противно и унижительно.

Те же, кто был все-таки в тот вечер у голландского посла, вспоминают, наверное, другое. Обстановка, говорят, была веселая и раскованная. Один из гостей рассказывает, что, оказавшись как-то у стола и приготовившись "угощаться", услышал над собой голос, приглашавший по-русски "не стесняться на халеву" и, подняв глаза, увидел художника Илью Глазунова... Или в него превратился "художник Илья Кабаков"?

Так или не так, но впоследствии г-н Бувалда не раз помогал своим бывшим гостям справляться с бюрократическими затруднениями при оформлении документов на выезд, и далеко не один человек, думаю, произносил его имя с благодарностью.

Ирина Клягина

EDITORS' NOTE :

Not long ago, the books of foreign diplomats, from de Quistine to Moris Paleolog, played a big role of enlightenment and freedom in Russian spiritual life. We still don't know whether the end of learning came or not, but the look from "educated neighbor" is still important and interesting. Therefore, when we received by fax a fragment of translated into English Moscow "Diplomatic journal" of the Netherlands' ambassador Peter Buwalda, we decided to publish it in the magazine.

From one side, we were moved by respect to Mr. Peter Buwalda, who was fulfilling his very difficult duties of the head of a foreign embassy in the alarmed by first changes country. From another, we were shocked that only for five years, from 1987 to 1992, not even a trace was left of the country whose life the author is describing; and that mood in which its citizens lived in the days of "Perestroika", from which, in its turn, there was nothing left as well... shortly, we were shocked by the historiography of that modest journal multiplied by the fact that everybody whom Mr. Buwalda mentioned are continuing on their life path.

I don't think it's going to be an exaggeration to say that three, at least, quarters of those who attended a concert of Vladimir Felzman at the end of April 1987 are now, like Felzman himself, managing with their acquired freedom and the toughness of the West. I remember that wonderful concert and that strange plotting situation in the half empty Chaykovsky's Hall and that after the concert (and also during it) those, who were going to Holland Embassy that night, carefully demonstrated to "people in civilian clothes" that they don't know those, who, for understandable reasons, shouldn't have been going there. And, unfortunately, I remember how disgusting and low it was.

But those who, no matter what, actually did go to the Holland ambassador, probably remember it differently. The atmosphere, they said, was very funny and free. One of the guests is saying that, finding himself near the table somehow and getting ready to "treat" himself, he heard a voice which invited in Russian "not to be shy because it's for free" and, raising his eyes, saw an artist Ilya Glazunov... Or "an artist Ilya Cabakov" transformed into him?

One way or another, but after all Mr. Buwalda not once helped his ex-visitors manage with bureaucratic troubles while they were legalizing their papers for departure and, obviously, far more than one person, I think, pronounced his name with appreciation.

translated by Irina Klyagina

П. ТАРХАНОВ

КТО ТАМ ШАГАЕТ...

Колокол звонит:
 Клинтон - Буш.
 Республиканцы - демократы.
 с кем вы, еврей?...

Колокол - время:
 спасенье наших душ

Начиналось
 когда-то в Галилее...

Уже тогда
 кричал петух

Но апостолы
 были заняты собою.

Уж если среди них
 "тлетворный дух".

Их логика становится судьбою.
 Спорьте или не спорьте,
 мои друзья,

С кем еврей -
 слева, справа ли.

Знаю я одно: государство "Я"
 Не думает
 ни о Боге, ни о дьяволе.

Оно не знает
 ни друга, ни врага.

Оно выбирает
 кусок пирога...

.....

История -
 баба смурная

Законы переворачивает,
 Летит,
 как звезда шальная,
 Вселенную переиначивая.

Мы
 во Вселенной этой.

Как туча песчинок, реем,
 Хоть нам говорили поэты,
 Что все мы -
 почти Прометей.

В "терновом венце революций"
 Взорвался
 17-й год

Снаряды доселе рвутся.
 От крови
 планету рвет.

От музыки этой
 еврей
 Посыпались кто куда.
 Нынче
 не хочет никто
 в Прометей.

В героинку соцтруда.

Все маленькие,
 все серенькие,
 И все почти
 из Бердичева,

И все
 захотели в Америку,
 Где нет молока лишь птичьего.

И,
 вспомнив былую патетику,
 С трибун,
 где рубаху рвешь,
 Исповедуют
 новую
 эстетику:

"Даешь капитализм!
 Даешь!!!"

Дети
 идеологии лукавой,
 Ломая на ходу устав,
 Запросто
 меняют
 левое на правое,
 Даже в затылке
 не почесав.

А после,
 прельстившись
 иными напевами
 (От бытия - к сознанию; схема проста),
 Так же мило
 меняют правое на левое -

С той же
 пеной у рта.

А потом, обиженные вэлфером
 Или еще каким-нибудь
 "злодейством",
 Называют Володю - Вэлвелом
 И впадают
 в неистовое еврейство.

Слово -
 для посева.

Слово -
 не для забавы.

Но он
 Тору читает справа налево,
 Как когда-то
 "Краткий курс" -
 слева направо.

Я спросил однажды
 у такого "менялы":
 "Чего тебе надобно,
 старче?"

И, мысленно подняв

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОРЬ

Участники дискуссии по статье Роберта Каплана "Социализм, демократия, тоталитаризм" ухватились за удобные для них рассуждения о черном и белом, о демократии и социализме, "капитализме с человеческим лицом" и о "тоталитаризме со звериным оскалом". При этом полемика приобрела зримые черты горбачевской перестройки, когда знали, что надо разрушить, и понятия не имели о том, что хотят создать. Все это знакомо до боли. Не хотелось бы никого обижать, но тоталитарное мышление, которым мы еще долго будем болеть, привело к тому, что сам спор порой скатывается до уровня, "что мне нравится в Америке и что нет", чисто совковых проблем о сдаче стеклотары и горящих днем уличных фонарях. Александр Наумов, Ирина Барскова и Н. Евгеньев, на мой взгляд, упустили в какой-то мере главное, что пугает в советских эмигрантах Роберта Каплана: тоталитарное мышление.

Видимо, из деликатности американский изобретатель и общественный деятель лишь обозначил тему, не останавливаясь на главном подробно. А его оппоненты ухватились за то, что ближе лежит. И заболели элементарной политической корью. Это и есть элемент тоталитарного мышления, когда все, что разложено по полочкам, нужно еще и упорядочить. Нас три четверти века учили: все, что непривычно, все, что не так, то и ложь. Роберт Каплан свою основную мысль высказал в конце статьи: "...Вера в свободное предпринимательство должна сочетаться у человека с осознанием и освоением еврейского духовного наследия. Такой человек будет чувствовать себя частью национальной среды, которая уже тысячи лет посвящает себя этике гуманизма и свободы."

Теперь давайте посмотрим на себя широко открытыми глазами. Кто мы, беженцы из бывшего СССР? По паспорту, пресловутой пятой графе, вроде евреи. Иудаизму как религии и философскому взгляду мы не обучены. Но какие же мы евреи, если ни сами, ни дети наши не знают языка, истории и культуры народа? В наших жилах кровь праотца Авраама? Но чистокровными бывают, извините, лошади и собаки. Что касается языка и культуры, то за попытку хотя бы поинтересоваться этими ценностями

POLITICAL MEASLES

The participants in the discussion of Robert Kaplan's article "Socialism vs. Capitalism" or Totalitarianism vs. Democracy seized the convenient for them arguments about black and white, about democracy and socialism, "capitalism with a human face" and "totalitarianism with a savage grin". Moreover, the polemics have acquired visible features of Gorbachev's Perestroika, when one knew what was to be destroyed and didn't have a slightest notion of what was to be created. All this is painfully familiar. I wouldn't want to offend anyone, but the totalitarian mentality, which is to be our malady yet for a long time, caused that the discussion itself has lapsed at times to the level of "what I like in America and what I don't", to the purely Soviet problems of the return of glass bottles and of the street lamps that are burning all day long. It seems to me that Alexander Naumov, Irina Barskova and N. Evgeniev have missed, to an extent, the crucial thing that scares Robert Kaplan in the Soviet immigrants: the totalitarian mentality.

It appears that, due to the tact, the American inventor and public activist has just outlined the theme without lingering in great detail on the essentials. However, his opponents grasped what is closer to the heart. Whence they became victims of the elementary political measles. This is precisely an element of the totalitarian mentality when everything arranged in an orderly fashion should be still further organized. We were being taught for three quarters of a century that everything unusual and everything uncommon is a lie. Robert Kaplan expressed his principal idea at the end of the article: "...One can believe in free enterprise and still recognize that he or she has a Jewish heritage that needs to be retained and nurtured, and that one is a part of a community that has thousands of years of history of striving (not always succeeding) to live up to an ethical commitment to humanism and freedom."

Now let us look at ourselves with the eyes wide open. Who are we, the refugees from the former USSR? According to the passport, to the infamous fifth paragraph, we appear to be Jews. We were never taught the Judaism as a religion and a philosophical outlook. However, what kind of Jews are we, if neither we nor our children know the language, history and culture of the people? The blood of the forefather Abraham is in our vessels? I beg your pardon, but only dogs and horses have occasionally a pure blood. As for the language and culture, the totalitarian system took

тоталитарная система брала любопытных "под колпак". Мне известны провокаторы, служившие в КГБ, которые сами в свое время создавали кружки по изучению иврита в некоторых вузах Белоруссии, с тем чтобы выявить потенциальных сионистов и "предателей социалистической родины". В этом плане великую услугу оказала тоталитарной системе пресловутая и, слава богу, недавно отмененная резолюция ООН, приравняющая сионизм к фашизму

Благодаря ей тоталитарные режимы имели законное основание фабриковать врагов из "лиц еврейской национальности". И самое парадоксальное, что евреи предавали евреев. Эта тема еще потребует своих исследователей.

Мужество наше состоит в том, что мы не пытались отказаться от своей пятой графы, предать отцов, дедов, пращуров, а терпеливо проходили сквозь духовную зубодробилку.

И вместе с тем мы впитывали в себя культуру народов, среди которых жили, достигали в ней значительных высот и остались навсегда носителями этой культуры.

Теперь нам необходимо - и я в этом совершенно согласен с господином Р. Капланом - освоить и впитать "еврейское духовное наследие". Но как же это сложно нам, в общем-то, немолодым людям! Боюсь, что просто нашей жизни на это не хватит, что это будет удел наших детей и внуков.

Точно так же обстоят дела и с культурой политической. Не случайно дан пятилетний срок для того, чтобы ее постичь, научиться разбираться, что к чему. Но это по своей совковости мы уже тщимся разобратсья, "левая правая где сторона", страдаем агрессивной завистью, категорично судим республиканцев, потому что большинство общины за демократов. И не наша в том вина: за годы тоталитаризма выведен определенный генотип "гомосоветикуса", который умеет либо командовать, либо быть рабом. В любой ситуации он мимикрирует, приспособливаясь к власти. Да, мы бежали от этой системы, но от себя никуда не убежишь, и мы принесли с собой тоталитаризм духовный, от которого не так просто избавиться. Вот почему Каплан утверждает, что за пределами демократического общества индивидуум оказался не способным достойно существовать. Сегодня в России короткие очереди из "Калашникова" будоражат длинные очереди за хлебом.

А здесь, за океаном, ворчат эмигранты: пособие маленькое, трудно жить, штурмуют НАЯНУ с требованиями дать им то, дать им это.

the overly curious people under the observation for an attempt even to get interested in these values. I know certain stool-pigeons who worked at the KGB and who themselves created at certain time Hebrew lessons at some higher institutions of Belorussia in order to reveal potential Zionists and "traitors of the Socialist Motherland". In this regard, the infamous and recently (thank God!) revoked UN resolution that equaled Zionism with Fascism did the totalitarian system a great favor.

Thanks to that resolution, the totalitarian regimes had a legal basis to fabricate enemies out of "persons of the Jewish nationality". And the biggest paradox is that the Jews were betraying the Jews. This theme is yet awaiting its scholars.

Our courage was that we were not trying to renounce our fifth paragraph, to betray our fathers, grandfathers and forefathers, but were patiently going through a spiritual tooth-crusher.

At the same time we absorbed the culture of peoples among whom we lived. We have achieved considerable heights in that culture, and we have remained its carriers for the rest of our lives.

Now we need (and I totally agree on this point with Mr. R. Kaplan) to master and to absorb "the Jewish spiritual heritage". However, it is so hard for us who are not that young anymore! I am afraid that our lifetime wouldn't suffice for this task, that it will be the lot of our children and grandchildren.

The same goes for the political culture. It is not by accident that we are given a five-year term to assimilate it and to figure out what is what.

But it is because of our Soviet heritage that we are already endeavoring to figure out "where the left, where the right sides are", that we are suffering from an aggressive envy, that we are categorically judge the Republicans for the reason that the majority of the community is for the Democrats. And it is not our fault: during the years of the Totalitarianism, a certain genetic type was hatched - "Homo Sovieticus" who is able either to give orders or to be a slave. He is using mimicry in any situation, adapting himself to the power. Yes, we were running from that system, but one can run nowhere from oneself. So, we brought with us a spiritual totalitarianism, and it isn't that easy to get rid of it. That's why Mr. Kaplan is asserting that without a democratic society the individual would be unable to rise up. Today in Russia, short bursts of fire from a "Kalashnikov" machine-gun disturb long lines for bread.

Yet here, over the ocean, the immigrants are grumbling: the allowance that NYANA is giving is too small, it is so difficult to get by; they are storming NYANA with the demands to give them this, to give them that. However, nobody owes us anything. We are given a unique opportunity to be saved. The way

А ведь нам никто ничего не должен, нам предоставлена уникальная возможность спастись, и как пойдет этот процесс, зависит от каждого индивидуально.

Каждый эмигрант - политик и уже тянется к партиям. Мне тоже многое не нравится в Америке. Я бы мог порассуждать о фактах непрофессионализма русскоязычной эмигрантской прессы; об американской бюрократии, которая ничуть не лучше советской, о скверных скверах Манхэттена, которые будто созданы, как специальные съемочные площадки для коммунистических фильмов о городе "желтого дьявола", о "прелестях сабвея". Но это все, что лежит на поверхности и видно невооруженным глазом. Советский менталитет - штука страшная.

Наше дело правое, - утверждает Александр Наумов, повторяя слова Молотова, выбитые на медалях. При этом он имеет в виду правых политиков США, которых намерена поддерживать новая волна эмиграции. Старые эмигранты - за левых.

В связи с этим мне вспоминается анекдот, за который Каин убил Авеля: летят в самолете самый главный правый (капиталист), самый главный левый (ортодоксальный коммунист) и старый раввин. Вдруг входит господь и говорит, что сейчас самолет разлетится в прах, но как джентльмен он обязан выполнить последние пожелания пассажиров.

- Хочу, чтобы на земле не было ни одного правого, - сказал коммунист.

- Хочу, чтобы исчезли все леваки, - потребовал правый.

- Скажите, пожалуйста, а пожелания этих господ будут исполнены? - спросил третий.

- Непременно.

- Тогда мне, пожалуйста, чашечку кофе. Так мудро и просто решил глобальную проблему разумный старец.

Возможно, в этом и должна состоять наша позиция, ибо я не верю в социалистические тенденции демократов, как и в оголтелый консерватизм республиканцев.

Меня почему-то не волнуют любовницы претендентов на Овальный кабинет Белого дома. Меня интересует их профессионализм как политиков. Господин Буш уже имел возможность продемонстрировать его в полной мере. А что касается демократических обещаний Клинтона и его команды, то пока это не более, чем декларации. Нам ведь тоже обещали перестройку, а довели страну до перестрелки. На дилетантов от политики мы насмотрелись вволю в бывшем Союзе.

this process is going to develop depends on each of us individually.

Each immigrant is a politician, and he or she is already inclining towards the parties. Me too, I don't like many things in America. I could have readily argued about the lack of professionalism in the Russian-language immigrant press, about American bureaucracy, which is not at all better than the Soviet one, about disgusting squares of Manhattan, which as if were created expressly for the purpose to serve as location shoots for Communist films, about the city of "the Yellow Devil", about "the charms of subway". But all this is what's lying on the surface, and it could be seen with a naked eye. The Soviet mentality is a scary thing.

Ours is the right cause, - maintains Alexander Naumov, repeating the words of Molotov that were stamped on the medals. He means by that American politicians of the right wing, whom the new wave of the immigrants is going to support. The old immigrants are for the left wing.

In this regard, I recall a joke for which Cain killed Abel. There are three persons that are flying in the plane: the most important representative of the right wing (a capitalist), the most important representative of the left wing (an orthodox communist) and an old rabbi. All of a sudden enter the Lord who says that the plane is about to explode, but as a gentleman, He is supposed to grant the last wishes of the passengers.

- My wish is that there be nobody from the right wing left on Earth, - said the communist.

- My wish is that all the lefties disappear, - demanded the capitalist.

- Tell me, please: are the wishes of these gentlemen going to be granted? - inquired the rabbi.

- Absolutely.

- In this case, I would like a cup of coffee, please.

That was a simple and wise way, in which a sensible old man has resolved a global problem.

Perhaps, this should indeed be our position, for I don't believe either in socialist tendencies of the Democrats or in a zealous conservatism of the Republicans.

For some reason, I am not worried about mistresses of the candidates for the Oval Office of the White House. I am interested how professional they are as politicians. Mister Bush has already had an opportunity to demonstrate his professionalism to the full extent. As for the democratic promises of Clinton and his team, so far they are nothing more than declarations. We also were promised the Perestroika. However, the country was brought on the verge of "Perestrelka" (a skirmish). We were able to watch the dilettantes in politics to our heart's content in the former Soviet Union.

Я за постижение культуры - американской и еврейской. И сохранение в наших душах культуры российской. Они друг другу не помеха. А призывы "разрушить все до основания, а затем" мы уже когда-то слышали.

I am all for a comprehension of the culture - both American and Jewish. I am also for a preservation of the Russian culture. These two can coexist quite peacefully. As for the appeals "to raze everything to the ground, and then..." - we seem to have heard them before.

translated by Irina Barskova

Н. ЕВГЕНЬЕВ

N. EVGENIEV

КТО МЫ?

WHO ARE WE?

Распад гигантского советского государства в течение сравнительно короткого времени как бы подчеркнул все те негативные тенденции, которые подспудно накапливались во всех семи десятилетиях невероятного коммунистического эксперимента. В числе итогов, а правильнее сказать уроков, можно отметить непрекращающуюся, практически с первого дня Октябрьского переворота, эмиграцию из России. Но если первые эмигранты покидали ее по политическим мотивам, то в дальнейшем ситуация изменяется. Вслед за остатками Белой Армии в эмиграцию хлынули массы людей, стоящих, подчас, очень далеко от политики, но самим бегством своим выразивших полное несогласие с практикой социалистического строительства.

Вот мы и подошли к массовой еврейской эмиграции. Конечно, можно возразить, и не без основания, что новый Исход тоже не лишен политической подкладки, и ошибиться будет трудно. Но все же, приглядевшись пристальнее, увидим, что основная часть отъехавших политикой не занималась, идеологическими изысками не увлекалась, да и в культурно-религиозном плане отнести их к истинно верующим евреям (не обязательно хасидского толка) трудно. Но именно эта часть, наиболее массовая, и привлекает сейчас внимание политиков, деятелей культуры и

It is as if the disintegration of the giant Soviet state within a relatively short period of time underlined all those negative tendencies that were latently accumulating during the entire seven decades of the unbelievable communist experiment... Among the consequences, or rather lessons, one might register the emigration from Russia that continued virtually uninterruptedly from the first day of the October coup. However, while the first émigrés left Russia because of the political convictions, later the situation has changed. Following the remains of the White Guard, the masses of people who gushed into the emigration were at times quite remote from the politics, but by the very fact of their flight, they were expressing their total disagreement with the practice of the making of the Socialism.

That brings us to the mass Jewish emigration. Of course, one might retort, and not without a reason, that the new Exodus also has a certain political lining, and it would hardly be inaccurate. Yet, if we are to take a closer look, we shall see, that the majority of those who left didn't deal with the politics, nor took a great interest in the ideological subtleties. In terms of culture and religion, it is also difficult to regard them as truly religious Jews (in the orthodox sense or otherwise). However, this is the bulk of people that nowadays attracts the attention of politicians and religious and cultural figures. Who are they - those

религии. Кто они - приехавшие и занимающие все более весомое место в жизни и экономике Америки? Именно к ним в последнее время взывают на страницах прессы - почему не помогаете? Забыли о подобных вам? А параллельно появляется информация о новой мафиозной волне из русских (еврейских) общин, о наркотиках и проституции. Ведь разговор идет не о слаборазвитых народах, пробивающихся локтями наверх, а о представителях "самой читающей" (в недавнем прошлом) страны. Появляется информация о том, что в скором времени голоса недавних иммигрантов из России могут начать играть, пусть и небольшую, но все же роль в регулярных играх правых и левых, демократов и республиканцев. А пока все-таки основная оценка: равнодушие, стремление удовлетворить самые основные потребности.

Для того, чтобы ответить на вопрос: кто они? - давайте сделаем небольшой экскурс в недавнюю "славную историю побед и свершений великой интернациональной семьи рабочих и крестьян СССР". Чем характеризуется каждый народ, проживающий на определенной территории? Не вдаваясь в казуистику ленинских определений, скажем так: традициями, религией, языком. Это, пожалуй, главное, т.к. естественна общая традиция у народа, имеющего общее происхождение и т.д. Чем же отличились большевики с первых дней прихода к власти? Главное - это непрерывной борьбой с традициями, религией и языком. Ликвидация старых традиций, уничтожение религий, храмов, культовых культурных центров на окраинах России, тотальная русификация, насаждение коммунистической идеологии, которая при наличии ряда общих фраз и обещаний светлого будущего, практически исключала инициативу и творчество отдельной личности, заменив их абстрактным творчеством масс на строительствах не менее абстрактных гигантов пятилеток. А ведь вся предшествующая история народов, проживающих на территории империи, определялась не только той политикой, которую проводило правительство, но, - что не менее важно, а вероятно, и более, т.к. именно это составляло основу всей жизни каждого конкретного человека - соблюдением религиозных (по календарю) традиций. Они в свою очередь были тесно привязаны к производственной практике повседневной жизни и несли в себе ту систему нравственных ценностей, которая сопровождала человека от рождения до самой смерти. А также сохраняла неразрывную связь между поколениями, будучи основой, стержнем для нрав-

who came here and who now play more and more notable role in the American life and economy? They are the ones to whom the recent appeals in the press are addressed: Why aren't you helping? Have you forgotten those who are akin to you? Simultaneously, the information emerges about the new wave of organized crime in the Russian (Jewish) communities and about drugs and prostitution. And we are not talking about some developing peoples who elbowed their way to the top, but about representatives of the "best-read" (in the recent past) country. There are also tidings that quite soon the voices of the recent immigrants from Russia will start playing a part, however small, in the regular games of the left and right wings, of the Democrats and the Republicans. In the meantime, the judgment remains: the indifference among them and the desire to satisfy the most basic needs are evident.

In order to answer the question: "Who are they?" - let us make a small excursion into the recent "glorious history of triumphs and achievements of the great international family of workers and peasants in the USSR". What are the characteristics of any people that lives on a given territory? Not going into the casuistry of Lenin's definitions, let us say that they are the traditions, religion and language. That seems to be a crucial thing, for it is natural for the people of the same origins to have the same traditions, etc. What was the distinctive quality of the Bolsheviks from their first day in power? Mainly, it was their incessant struggle with the traditions, religion and language. They abolished old traditions, demolished temples, religions, cult and cultural centers on the outskirts of Russia. There was a total Russification and the propagation of the communist ideology which had a series of common truisms and promises of the bright future, but virtually excluded the initiative and creativity of an individual. It was replaced with an abstract creative drive of the masses on the construction of the nonetheless abstract giants of the Five-Year plans. Yet, the entire preceding history of the peoples who lived on the territory of the empire was determined not so much by the government policies, as by the observing to the religious (by the calendar) traditions which are all more important, since they are the foundation of an entire life of each individual. Those traditions were in turn closely linked to the working practice of everyday life, and they carried in themselves that system of ethical values that accompanied a person from birth to death. It also maintained an uninterrupted bond between generations, for it was a foundation and a pivot of the moral improvement, a source of a person's confidence in the certainty of the idea of ultimate justice, but within the system of the very same values that guided their fathers, grandfathers and forefathers. The existing hierarchies stimulated the most

ственного совершенствования, источником убежденности человека в незыблемости идеи конечной справедливости, но в системе тех же ценностей, которыми руководствовались их отцы, деды и прадеды. Существующие иерархии отношений стимулировали наиболее сознательных, энергичных, деловых к достижению не только материально-практических, но и нравственных идеалов, создавая уникальный сплав, выразившийся в появлении российской интеллигенции. Последняя (конечно, в рамках все той же Российской империи со всеми ее недостатками) обладала колоссальным творческим и духовным потенциалом, но ... пришли большевики.

И здесь (с точки зрения стороннего наблюдателя) начинается самое невероятное из того, что знала история. Начинается массовое снижение культуры. Причем целенаправленно: "...разрушим до основания". Но разрушаться-то в первую очередь начались основы традиционно-культурных, социально-нравственных структур и институтов, того, что сохраняло такую еще хрупкую человеческую сущность! Ведь возраст человека разумного не так уж и велик. И совсем недалеко та грань, которая отделила его от животного предка с его зоологическим индивидуализмом. Ликвидация всей, с большим трудом и бережением созданной нравственной структуры и создание новой "нравственности", позволяющей любые действия, вплоть до убийства, ради абстрактных понятий пролетарского революционного сознания (а сознание это, кстати, есть сознание меньшинства в тот период, и меньшинства наименее делового, активного, культурного) стали формировать нового человека. Да добавим сюда расхищение сети лагерей и тюрем и формирование в них совершенно не характерных для нормальной человеческой жизни (да и нормальной животной тоже) связей между людьми, и станет представим размах той гигантской лоботомии, которую осуществили большевики.

Вспомним, что большевизм как практическое течение оформлялся в подполье (с точки зрения Российской юриспруденции да и общечеловеческой тоже), по характеру совершенно уголовном. Эксы (грабежи), пропаганда предательства (выступление за поражение России в войнах), тюремный быт сформировали у его лидеров мафиозно-клановые отношения пахана и его подчиненных, при которых ценность отдельной человеческой личности вообще равна нулю. Распространение этой новой "нравственности" в течение жизни послереволюционных поколений постепенно изменяло и

conscientious, energetic and diligent persons to attain not only the material and practical ideals, but also the ethical ones. They created a unique alloy that was manifested in the emergence of the Russian intelligentsia. The latter (of course, within the limits of the same Russian empire with all its shortcomings) possessed a colossal creative and spiritual potential, but... the Bolsheviks came. And here, from the view point of an outsider, begins the most incredible phenomenon in the recorded history. Here begins the massive reduction of culture, and the purposeful one, too "...we shall raze to the ground" (according to the words of the communist anthem). However, the first thing to be demolished were the foundations of traditional-cultural and social-ethical structures and institutions - all that upheld the human essence, which was still so fragile. After all, the age of the reasonable human being is not that long. And the brink that separated us from the animal ancestors with their zoological individualism is not at all too remote. The liquidation of the entire ethical structure, that was created with such difficulty and caution, and the creation of the new ethics started to form a new kind of a human being. The new ethics allowed any action - up to a murder for the sake of abstract notions of the proletarian consciousness which, by the way, was the consciousness of the minority at the time. We should add to this an expansion of the network of concentration camps and jails and the formation in them of the relations between people that are not at all characteristic of a normal human life (or of a normal animal life, for that matter). Then it would be possible to visualize the scale of the gigantic lobotomy that was carried out by the Bolsheviks.

Let us recall that the Bolshevism as a practical movement was shaped in the underground (from the point of view of the Russian - as well as the universal - jurisprudence). It was utterly criminal in nature. There were burglaries and a propagation of the treason (their solicitations for Russia's defeat in the First World War); the prison life formed among the leaders the mob-clan relations between a jail chieftain and his underlings. With such relations the value of a single human life equaled but a zero. The spread of this new ethics during the life of the post-revolutionary generations gradually changed the entire social psychology of the former Russia, having created the phenomenon of "Homo-Sovieticus".

Moses kept the Jews wandering in the desert for forty years. At that time it was a life span of three generations. That's how long it took to get the slave mentality out of the Jews, whereas in Russia this process was being reversed. Ethnographers noted on numerous occasions that it is precisely the third generation that becomes indifferent to the concrete events in the past that involved their grandfathers and

всю социальную психологию бывшей России, создав феномен "Хомо-Советикус" или "совка".

Сорок лет водил Моисей евреев по пустыне. Для того времени - это период жизни трех поколений. Столько времени понадобилось, чтобы выбить из евреев дух рабства. В России же процесс шел в обратную сторону. Этнографы неоднократно отмечали, что именно третье поколение становится равнодушным к конкретным событиям прошлого, происшедшего с их дедами и прадедами. И если эти события не облачаются в легендарную форму, основанную на традиционно-нравственном стереотипе, их просто забывают. По-видимому, сходный процесс шел и в России после 17 года. Снижение уровня жизни под руководством бывших экстернов и выпускников церковно-приходских школ, (в лучшем случае), при отсутствии традиционно-нравственных ценностей вел и к снижению социально-нравственных запросов. Добавим сюда регулярный отстрел тех, кто отличался от общего уровня, и станет ясна основа возникновения новой шкалы ценностей в Советской стране. В последние тридцать лет, когда сами руководители коммунистической империи стали топтать не только друг друга, но и "самую светлую идею" (Хрущев и брежневское болото), интересы основной массы "победителей социализма" приобрели четко выраженную форму: еда, одежда, минимум (а в СССР это максимум) бытовых благ. Фактически оформился тот же потребитель, что и на Западе, но с соответствующей поправкой на систему ценностей. (Не будем относить сюда незначительную часть действительно истинной интеллигенции, сопротивлявшейся наплыву безнравственности).

Вернемся к вопросу, заданному в начале: кто они? Они - это представители уникального экспериментального общества, со всеми присутствующими этому обществу составляющими, но гонимые этим обществом по национальному признаку, а потому сохранившие известное количество динамики и готовые при возможности начать жить в новых условиях новой страны. И прибывшие в эту страну с одним (пока) желанием: поесть, одеться, обуться, обрести покой, короче - обычными человеческими желаниями. И поэтому (пока) этим новым не интересна личная политическая активность, да и культурная тоже. Потому, что они просто не представляют, что жизнь состоит не только из удовлетворения насущных потребностей. И здесь, вероятнее всего, кроется объяснение значительной консервативности и "правизны" бывших советских, так пугающих некоторых в Америке.

forefathers. And if those events are not arrayed into a legendary form of an ethical-traditional stereotype, they are simply being forgotten. It seems, that a process like that took place in Russia after 1917. The lowering of the life level under the leadership of the former external students and the graduates of parochial schools (in best cases), while the traditional and ethical values were lacking, led to the lowering of the traditional and ethical demands. We should add to this the regular annihilation of those who stood above the common level, and then we shall get a clear idea of what the roots of the emergence of the new scale of values really were in the Soviet country. During the last thirty years, when the leaders of the communist empire themselves began to trample down not only each other, but "the most bright idea" itself (the stagnation under Khrushchev and Brezhnev), the interests of the principal mass of the "conquerors of Socialism" acquired a very distinct form: food, clothing, a minimum (which is a maximum in the USSR) of the basic necessities. In fact, there was developed the same type of a consumer as in the West, but with an appropriate allowance for the system of values. Let us not ascribe to them an insignificant part of the true intelligentsia that showed the resistance to this flow of immorality.

Let us return to the question posed at the beginning: who are they? They are representatives of the unique experimental society with all the components that are characteristic of that society. However, they were persecuted by that society on the national basis. Therefore, they have maintained a certain dose of dynamism and have been willing, given a chance, to start living under the new conditions in a new country. They have come to this country with a single (so far) desire: finally to have enough to eat, to get decent clothing and footwear, to acquire peace of mind - in short, normal human desires. That is why (so far) these newcomers are not interested either in a personal involvement in politics, or in a cultural activity, for that matter. It is because they simply cannot imagine that the life might consist of something other than the satisfaction of the immediate needs. This is most likely the key to understanding of the conservatism and the right-wing orientation of the former Soviet citizens that alarm some people in America.

The position of the "rightists" is always founded on egoism, though the position of the "leftists" is frequently based on the satiated stupidity. However, we should distinguish between the egoism of self-preservation and that of the satiated zoological individualism. Therefore, our unfortunate immigrants, brought almost to the animal state by all kinds of anti-Semitism in the former USSR, are rushing to the right from everyone who is more or less to the left. Because:

Правизна всегда зиждется на эгоизме¹. Только надо отличать эгоизм самосохранения и эгоизм сытого зоологического индивидуализма. Так вот, наши несчастные эмигранты, замордованные чуть не до животного состояния бытовым и не бытовым антисемитизмом в бывшем СССР, шарахаются вправо от любого, кто левее. Недаром а) пуганая ворона куста боится; б) обжегшись на горячем, дуешь на холодное; в) и т.п. Правизна и консерватизм - совершенно естественное состояние души вновь прибывшего. Ну, конечно же, он посочувствует калеке и уступит место в трэйне женщине (да и животных он любит тоже - везет с собой из России и очень часто за большие суммы). Но при виде здорового, хорошо одетого, в золоте, а уж по-английски говорящего так, что завидно, человека (в интерпретации НРС - "человека с темной пигментацией"), просящего милостыню, а на экранах ТВ - стаи белых, кричащих о помощи этим нищим, - наш эмигрант окончательно достраивает ряд негативных ценностей (помня, что на ТВ выступали демократы). Тут-то и осознается, что в этой благополучной Америке есть (то ли еще, то ли уже) люди, кокетничающие с социализмом. Добавим, что память со студенческой скамьи хранит ужас перед дебрями политэкономии социализма. А зато капитализм в Юго-Восточной Азии, наоборот, иллюстрируют свои преимущества, и США - недаром 1-я сверхдержава (кто из нас учил подробно экономику США в XX-м столетии?). Социализм - капитализм, консерваторы - демократы (даже в анекдоте про Чапаева 20 лет назад слово "консерватория" ассоциировалось с консервами - сытостью).

Представляется, что пребывание в стране с нормальными условиями жизни, со структурой нравственных ценностей, основанных на традициях жизни многих поколений, постепенно вернет "новых" в русло нормальной жизни. Не исключено, что их дети станут совершенно нормальными американцами. Так как родителям их нечего передать ни детям, ни внукам, ведь они и сами не обременены избытком культуры, традиции и интеллигентности. А посему пожалеем об уходящем и порадуемся тому, что все-таки часть людей выжила и сохранит свою социально-историческую активность в своих детях и внуках, а они уже разберутся сами, какие системы нравственности выбрать для своей жизни. И к какому стану примкнуть в будущих политических играх их новой родины.

¹ Хотя левизна часто основывается на сытой глупости.

a) once bitten twice shy; b) the burnt child dreads the fire; c) and so forth. The conservatism and a tendency to the right are an entirely natural state of mind for the newcomer. Of course, he would sympathize with a disabled person or offer his seat to a woman on a subway train. He is also very fond of animals - many of them bring pets from Russia, and quite often for a huge amount of money. However, when he sees a person ("a person of a dark pigmentation", according to a definition in "The New Russian Word" newspaper), who is healthy, well dressed, wearing gold chains and speaking English with an eviable fluency, yet begging on the street... or when he sees a flock of white folks on the TV screen who loudly appeal for the aid to those beggars -- then our immigrant puts a final touch to the picture of negative values (remembering that those on TV were the Democrats). One realizes in such a moment that there are people in the prosperous America (either "still" or "already") who are flirting with Socialism. We should add that from the student days the memory retains the dread before the dense lectures on the political economy of Socialism. At the same time the Capitalism in the South-East Asia demonstrates its advantages with vengeance. It is not for nothing that the USA is the first superpower (and which of us didn't study in great detail the economics of the United States in the twentieth century?) Socialism-Capitalism, conservators-liberals (even in the Soviet jokes of 20 years ago, the words "Conservatory of Music" were in a pun equaled with the words "Conserved Foods", that is to say, with having enough to eat).

It seems that the life in the country with normal life conditions and with the structure of ethical values that are based on living traditions of many a generation will gradually return "the new ones" to the course of normal life. It is possible that their children will grow to become entirely normal Americans. For their own parents have nothing to bequeath to either their children or grandchildren, because they themselves are not burdened with an excess of culture, tradition and intellect. Therefore, let us regret that which is departing and rejoice at the fact, that at least part of the people survived and thus will be capable of upholding their social-historical activity through their children and grandchildren. And let the young ones judge for themselves what ethical system to chose for their life model and what camp to join in the future political games of their new motherland.

translated by Irina Barskova

Дискуссия продолжается!
Просим присылать материалы.

ПАМЯТИ ВЕЛИКОГО МАСТЕРА

**АЙЗЕК АЗИМОВ
(1920-1992)**

6 апреля 1992 года в палате университетского госпиталя в Манхэттене перестало биться сердце одного из выдающихся мыслителей и гуманистов XX века, блистательного художника, писателя-фантаста Айзека Азимова.

Биография великого мастера не изобиловала какими-то бурными событиями, опасными приключениями или увлекательными путешествиями. Может быть, одним из самых больших "приключений" было

то, что он родился в маленьком еврейском местечке Петровичи на границе Смоленской губернии с Белоруссией. Но его отец, прозорливый житейский "футуролог" Иуда Азимов, точно оценил ситуацию, складывающуюся в тогдашней Советской России, и в 1922 году увез двухлетнего сына в Америку, в Нью-Йорк.

Единственным воспоминанием о России осталась толстенная книга о животных, которую он с упоением разглядывал, не понимая языка, а

только рассматривая живописные картинки. Впоследствии родители, увы, не сделали ничего, чтобы научить мальчика русскому языку, приобщить его к великой русской культуре. Азимов немало жалел об этом в зрелые годы...

Истинный сын нашего космополитического столетия, Азимов слабо ощущал и свою связь с еврейскими корнями, будучи убежденным и активным либералом-интернационалистом, воспитанным на идеях президента-реформатора Ф.Рузвельта. Хотя порой еврейские реалии проступают в некоторых его научно-фантастических романах.

Вся жизнь писателя была непрерывной подвижнической работой. И как прямой ее результат - семь томов его научно-фантастической саги-"Основание", где сплавлены воедино и широчайший энциклопедизм писателя-мыслителя, и трезвость художника-реалиста, и мудрость психолога, улавливающего тончайшие

закономерности движения человеческой души.

Он верил в силу Слова, и его Слово всегда обладало силой Разума, Правды и Добра.

Публикуемый рассказ А.Азимова "Последний ответ" кажется нам весьма примечательным, ибо в его герое - Муррее Темплтоне, на наш взгляд, легко узнать самого автора. Думается, что это его о пытливые желание постигнуть Истину оформляется в такие глубоко продуманные, остроумные вопросы, которые только он мог задать самому Богу. Это его, Азимова, желание - заглянуть за тот барьер, который отделяет смерть тела от, быть может, продолжающейся жизни человеческого Разума. Азимов-атеист, казалось бы, не хотел доверять некоторым изысканиям современной науки, еще не окончательно выверенным, и другим источникам, даже таким убедительным, как Библия, Веды и т.п. Однако почему бы не принять сюжет его рассказа как одну из альтернативных версий таинственного перехода от земной Жизни к Смерти?..

И. Мартынов

TO THE MEMORY OF THE GREAT MASTER

ISAAK ASIMOV
(1920-1992)

On April 6, 1992, in a ward of a University Hospital in Manhattan, the heart of Isaak Asimov stopped beating. He was one of the most distinguished thinkers and humanists of the twentieth century, a brilliant artist and science fiction writer.

The biography of the great master wasn't abundant with any turbulent events, dangerous adventures or exciting journeys. Perhaps one of his greatest adventures was the fact that he was born in a small Jewish town on the border of the Smolensk province and Byelorussia. However, his father, a sagacious worldly "futurologist" Judas Asimov, had accurately assessed the situation that was forming in the Russian empire of those days, and in 1922 he took

his two-year-old son to America, to New York.

His only memory of Russia turned out to be a fat book about animals which he eagerly scrutinized, not understanding the language and only looking at colorful pictures. Unfortunately, his parents did nothing later on to teach the boy Russian and to initiate him into the great Russian culture. Asimov often regretted that in his mature years...

A true son of our cosmopolitan century, Asimov didn't really feel a connection with his Jewish roots, being a convinced and active liberal-internationalist who was brought up on the ideas of the president-reformer F.D. Roosevelt. However, a certain Jewish flavor is manifest at times in his science fiction novels.

The entire life of the writer was a tireless selfless labor. Its direct outcome is the seven volumes of his science fiction saga in which his extensive encyclopedic learning of a writer-thinker, temperance of an artist-realist and wisdom of a psychologist, who discerns the most subtle principles of movement of the human soul, are alloyed together.

He believed in the power of the word, and his word always possessed the power of reason, truth and goodness.

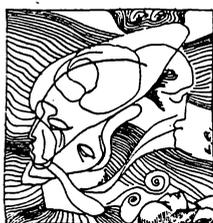
We find The Last Answer, the story by A. Asimov published here, quite noteworthy, for we think that it is easy to recognize the author himself in its protagonist Murray Templeton. It seems that it is Asimov's

inquisitive ambition to grasp the truth that is taking the form of such profoundly thought-out and witty questions that only he could ask the God Himself. It is his - Asimov's - wish to take a look behind that barrier that separates death from life - perhaps the continuing life of the human mind. It would seem that Asimov-the-atheist didn't want to trust some findings of the modern science, that are not yet ultimately verified, and the other sources, even such credible ones as the Bible, Vedas etc.

However, why shouldn't we view the subject of his story as an alternative version of the mysterious transition from life to death?..

I.Martynov

translated by Irina Barskova

АЙЗЕК АЗИМОВ

ПОСЛЕДНИЙ ОТВЕТ

Задайте нелепый вопрос...

Муррею Темплтону исполнилось сорок пять лет; он был мужчиной в расцвете сил, и все органы его крепкого тела работали, как отлично отлаженный механизм, за исключением нескольких жизненно важных участков коронарных артерий, однако и этого оказалось недостаточно.

Боль пришла внезапно и стремительно сделалась невыносимо острой. а потом начала постепенно убывать. Он чувствовал, как его дыхание с каждой секундой слабело, и на него снизошла своеобразная аура полной умиротворенности. Это не было ощущением расслабленности от того, что не чувствуешь

¹Рассказ публикуется на русском языке впервые

больше острой боли вслед за тем, как ты ее испытал. Муррей ощущал почти головокружительную легкость во всем теле, словно он поднялся в воздух и парил под потолком.

Он открыл судорожно зажмуренные глаза и заметил со слабой улыбкой, что все остальные в комнате до сих пор сильно взбудоражены. Он находился в своей лаборатории, когда на него неожиданно накинута боль, исподтишка, без всякого предупреждения, и, уже падая на пол, он услышал испуганные крики коллег, прежде чем его окончательно захлестнула кровавая волна агонии.

Теперь, когда боль прошла, коллеги Муррея, по-прежнему обескураженные и опечаленные, все еще толпились вокруг его поверженного тела, на которое, как он внезапно понял, сам его обладатель смотрел сейчас откуда-то сверху.

Он был внизу, бездыханный, с искаженным последней судорогой лицом. Однако он же находился и вверху, над всеми, умиротворенно и даже как-то безразлично наблюдающий за происходящим в лаборатории.

"Чудо из чудес! - думал он. - Оказывается, дураки из "New Age", верящие в загробную жизнь, были правы".

И, хотя это была явно унижительная кончина для знаменитого физика и убежденного атеиста, он ощущал только легкое удивление, но и оно не могло потревожить блаженный покой, в который он погрузился.

"Ну, а сейчас, - думал он, - за мной должен прийти ангел или кто-то другой из этой компании".

Картина земной жизни потихоньку поблекла и исчезла. Со всех сторон на его сознание надвигалась тьма, и только вдали, там, где мерцал последний луч солнца, смутно угадывалась светящаяся фигура, напоминавшая человеческую, от которой исходило странное, живое тепло.

"Вот так штука, - подумал Муррей. - Я возношусь в Рай".

Как только он подумал об этом, свет тут же угас, но чувство живого тепла осталось. Ощущение умиротворенности, обретенное Мурреем после смерти, ничуть бы не уменьшилось, если бы теперь во всей вселенной остались только он... и Голос.

"Я делаю это так часто, и все-таки у меня в запасе сохранились еще кое-какие чувства, чтобы насладиться успехом".

Это прозвучало прямо в сознании

Муррея, однако он больше не ощущал, что у него есть рот, язык и голосовые связки. Тем не менее дух физика попытался издать хоть какой-нибудь звук. Он старался пробормотать что-то без помощи рта, выдохнуть звуки или выдавить их из себя, сокращаясь всем своим существом... только бы хоть что-нибудь сказать.

И у него все отлично получилось.

Он услышал свой собственный голос, такой удивительно знакомый, и свои слова, абсолютно ясные и четкие.

"Я в Раю?" - спросил Муррей.

Это совсем не то место, как вы его понимаете", - ответил Голос.

Муррей пришел в некоторое замешательство, но тут же задал новый вопрос: "Извините, если это прозвучит глупо. Так вы и в самом деле Бог?"

Ничуть не меняя интонацию или чистоту звука, Голос произнес с легкой усмешкой: "Странно, что меня всегда спрашивают об этом и, конечно, бесчисленное множество раз. У меня нет на него ответа, который бы вы сумели понять. Аз есмь - вот и все, что я могу вам сказать вполне определенно, вы можете назвать этот феномен любым удобным для вас словом или подвести под это любую теорию, какую только пожелаете"

"Ну, а кто же я? - спросил Муррей. - Дух? Или я только персонифицированная сущность?" Он попытался, чтобы это не прозвучало саркастически, однако, как ему показалось, у него из этого ничего не получилось. Он еще мимоходом подумал, не присоединить ли ему к своему вопросу "Вашу Милость", "Святейшего" или что-нибудь в этом роде, чтобы хоть как-то сгладить свой сарказм, и не мог заставить себя говорить подобного рода глупости, хотя в первые мгновения своего загробного существования он и раздумывал тайно о возможной перспективе сурового наказания за свое нынешнее нахальство... или за былые грехи - в Аду или в каком-то подобном ему малоприятном месте.

В Голосе не слышалось ни тени обиды. "Вы свободны объяснять, как хотите... даже самого себя. Вы можете назвать себя духом, если вам это нравится, однако на самом деле ваша сущность является энергетическим ступком электромагнитного излучения, который сформирован так, что его внутренняя структура точно воспроизводит структуру вашего мозга в вашем новом космическом бытии, вплоть до ее мельчайших деталей. Поэтому вы сохраняете полный объем ваших мыслей, все ваши воспоминания, всю вашу неповторимую

личность. И еще вам кажется, что вы - это на самом деле вы".

Муррей явно не поверил этим словам и с сомнением в голосе спросил: "Вы хотите сказать, что мой мозг был бессмертным?".

"Не совсем так. В вас не было абсолютно ничего бессмертного, за исключением того, что я считал нужным навеки сохранить. Я в свое время сформировал этот энергетический ступок и следил за его развитием во время вашего физического существования, а затем извлек этот ступок из вашего тела в тот самый момент, когда ваше земное существование окончилось".

Голос, казалось, даже покрасовался перед самим собой, а затем продолжал после минутной паузы: "Сложная, но очень надежная конструкция. Я могу, конечно, извлекать эти ступки из каждого человека в вашем мире, но, к счастью, мне не приходится этого делать. Ведь все удовольствие в этом деле и заключается в выборе достойного объекта".

"Так вы извлекаете души только из некоторых людей?"

"Да, и очень из немногих".

А что же происходит с остальными?"

"А ничего. Небытие! - О, ведь вы, конечно, тут же вообразили себе Ад!"

Муррею следовало немедленно покраснеть, если бы он и в самом деле подумал об этом. "Я так не думал, - сказал он. - Так люди говорят. И еще я никак не могу понять, за какие-такие добродетели вы обратили на меня свое внимание, как на одного из своих Избранников".

"Добродетели?.. А, я понял, что вы имеете в виду. Даже всей мощи моего ума едва хватает, чтобы улавливать смысл ваших мыслей. Нет, я извлек ваш ступок исключительно за мощь вашего ума, как я извлекал до того другие ступки, квадриллионы "душ" изо всех разумных созданий моей Вселенной".

Муррей внезапно ощутил любопытство, старую привычку, которая не покидала его всю земную жизнь. "И вы извлекаете их все собственноручно, - спросил он, - или есть во Вселенной и другие, подобные вам?"

Прошла минута, хотя Муррей ожидал более непосредственной реакции на свой вопрос, однако, когда Голос снова зазвучал, в нем не ощущалось никаких эмоций. "Есть здесь другие сущности или нет, не имеет для вас никакого значения. Это моя вселенная, и только моя. Это мой замысел, мое воплощение, предназначенное для осуществления моих собственных целей".

"И все-таки, имея квадриллионы

ступков, созданных вами, вы тратите время на беседу со мной? Неужели я такая уж важная для вас персона?"

"Вы для меня ничуть не важнее всех остальных, - сказал Голос. - Я общаюсь сейчас не только с вами, но и со всеми остальными сущностями. По вашим понятиям, это выглядит так, что я одновременно пребываю в бесконечном множестве мест".

"И все-таки вы один?"

Снова получилась заминка. "Вы пытаетесь уличить меня в непоследовательности, - сказал Голос. - Если бы вы были амебой, вся индивидуальность которой заключается в одной-единственной клетке, и если бы вы попытались задавать вопросы гигантскому киту, состоящему из 30 квадриллионных клеток, пусть даже и одному из множества китов, какой бы мог дать ответ кит, чтобы его поняла амеба?"

"Я подумаю об этом, - сухо сказал Муррей. - Может быть, я и смогу что-то понять".

"Отлично! Это и есть отныне ваша функция. Вы должны думать, думать и думать".

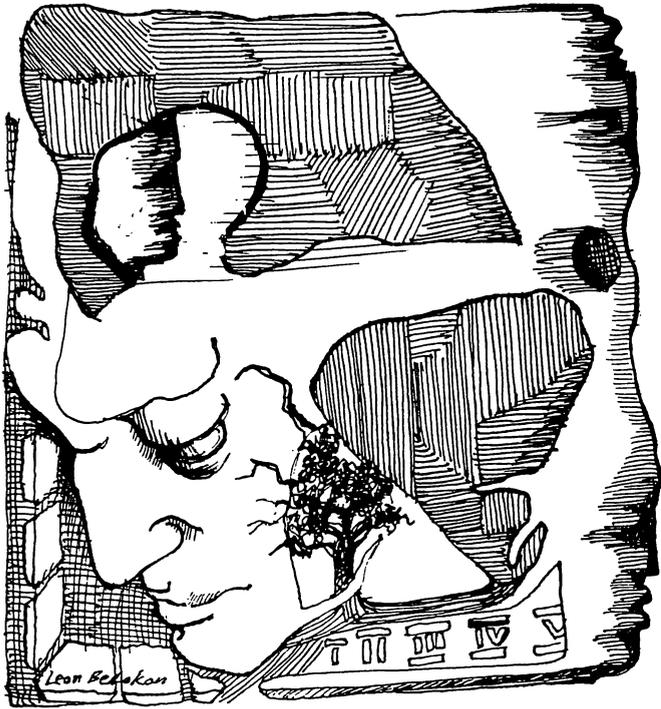
"Ну, и чем же все это кончится? Я полагаю, что вы и так уже все знаете?"

"Даже если я все знаю, - сказал Голос, - я могу не знать об этом".

"Это звучит, как сентенция из восточной философии. Некая мысль кажется очень глубокомысленной именно потому, что в ней нет никакого смысла".

"Вы подаете надежды, - сказал Голос, - так как ответили на мой парадокс другим парадоксом, однако дело в том, что в моих словах не заключается никакого парадокса. Подумайте! Я существую вечно, но что это значит? А это значит, что я никак не могу помнить, как я осуществился. Если бы мне удалось это вспомнить, я бы тогда уже не существовал вечно. Если же я не могу вспомнить о своем осуществлении, это, по крайней мере, означает, что есть во Вселенной нечто, т.е. природа моего осуществления, о чем я ничего не знаю.

Кроме того, то, что я знаю, бесконечно, однако справедливо и то, что для познания этого требуется бесконечность, и как я могу быть уверенным в том, являются ли эти бесконечности адекватными или нет. Бесконечность моего потенциального знания может быть намного бесконечнее, чем бесконечность моего реального знания. Приведу простой пример. Если я знаю любое четное число, я буду знать бесконечное множество этих чисел, и все-таки мне не будет еще известно ни одно простое нечетное число".

Л. Белоконь

"Но ведь нечетные числа могут быть извлечены из четных. Если вы разделите каждое из четных чисел в их бесконечном ряду на два, то вы получите другой бесконечный ряд, который будет содержать в себе бесконечный ряд нечетных чисел".

"Отличная идея, - сказал Голос. - Я очень рад. Это и будет вашим заданием. Вы станете искать другие такого же рода методы для решения значительно более сложных задач на пути продвижения от известного к еще неизвестному. У вас сохранились все ваши воспоминания. Вы будете располагать всеми сведениями, которые вам доведется самостоятельно добыть или усвоить, а также вывести на основании анализа этих сведений. Если будет необходимо, вы получите дополнительные, которые окажутся вам полезными для решения важнейших проблем. Над ними вы и будете работать".

"Но почему бы вам не сделать это самому?"

"Я бы, конечно, мог пойти и таким путем, но это не так интересно. Я создал Вселенную для того, чтобы иметь дело как можно с большим количеством разнообразных факторов. Я включил в нее принцип относительности, энтропию и другие элементы непредсказуемой случайности, чтобы сделать мою Вселенную не моментально познаваемой. Они неплохо развлекают меня в течение всего моего существования.

Затем я создал сложные неорганические соединения, из которых возникла первая жизнь, а на ее основе и разум, и воспользовался им как источником для создания исследовательской команды не потому, что нуждаюсь в чьей-то помощи, а так как это вводит в игру новый, непредсказуемый фактор. Я нашел что отныне могу не предсказывать заранее, какой интересный участок знания выдвинется на первое место в следующий раз, где он возникнет и какими методами его будут исследовать".

"Так всегда и случалось?"

"Совершенно верно. Не проходит столетия, чтобы во Вселенной не появилось где-нибудь чего-то интересенького", - сказал Голос.

"Чего-то, что вы могли бы и сами придумать, однако не хотите этого делать по своим соображениям".

"Да".

"И вы действительно считаете, что сумеете получить с меня мои долги таким образом?" - спросил Муррей.

"В следующем столетии? Вероятнее всего, нет. Однако в отдаленной перспективе ваш успех вполне вероятен, тем более, что вы обручились с вечностью".

"Итак, я буду мыслить целую вечность? То есть всегда?"

"Да."

"И чем все это кончится?"

"Я уже вам сказал. Вы будете добывать новые знания".

"Ну, а дальше что? Какой смысл в том, что я добуду новые знания?"

"Это было именно то, чем вы занимались в вашей бренной земной жизни. Какой в этом был смысл?"

"Добывать новые знания, которые только я мог добыть. Принимать похвалы своих коллег. Чувствовать удовлетворение добытыми знаниями, которыми обогатил земной мир за отпущенный мне с вами короткий срок физической жизни... Теперь же я буду добывать только те знания, которые вам самому ничего не стоит получить, если бы вы захотели приложить к этому хотя бы немного усилий. Вы не сможете меня искренне похвалить: вы будете только мною забавляться. И не может быть ни славы первооткрывателя, ни удовлетворения достигнутым, если я буду заниматься этим целую вечность".

"И вы не сумеете найти темы для размышлений и исследований, которые могли бы стать для вас достойным времяпровождением? - спросил Голос. - Не найдете ничего такого, для чего потребовалась бы уйма времени?"

"На какое-то определенное время, конечно, найду. Но не на целую вечность".

"Я вас отлично понимаю. И, тем не менее, у вас нет выбора".

"Вы говорите, что я должен мыслить. Однако вы не можете приказать мне это делать".

"Я не хочу принуждать вас к этому немедленно. Мне это совершенно не нужно, - сказал Голос. - С тех пор, как вы ничего не можете делать, кроме того, чтобы мыслить, волей-неволей вам придется мыслить. Вы не знаете, как можно существовать, не мысля".

"Тогда я должен найти смысл существования. Я должен придумать себе какую-нибудь цель".

"Это вполне в ваших силах", - сказал Голос снисходительно.

"Я уже нашел эту цель".

"Могу я поинтересоваться, в чем она заключается?"

"Вы уже ее знаете. Я быстро понял, что вы не говорите со мной в обычном понимании этого слова. Вы сконструировали мой сгусток таким образом, чтобы я верил в то, что слышу вас и отвечаю на ваши вопросы, однако вы на самом деле наладили непосредственный обмен мыслями между нами, т.е. давно знаменитую среди земных шарлатанов телепатию. И когда в моем сгустке по ходу моих мыслей возникают какие-то электромагнитные колебания, вы тотчас же считываете их и не нуждаетесь в моих добровольных сообщениях".

"Вы удивительно корректны, - сказал Голос. - И мне это очень приятно... Но мне будет еще приятнее, если вы изложите свои мысли добровольно".

"Ну что ж, я вам их изложу. Целью моих размышлений будет отыскание способа разрушить энергетический сгусток моей сущности, который вы создали. Я не хочу размышлять целую вечность не ради достижения какой-то реальной, кому-то полезной цели, а только для вашего развлечения. Я не хочу вечно размышлять для вашей потехи. Я не хочу существовать вечно только для того, чтобы вам не было скучно одному во Вселенной. Все мои мысли будут направлены только на саморазрушение. И вот это, безусловно, развлечет меня".

"У меня нет никаких возражений против этого, - сказал Голос. - Даже целенаправленные размышления о способах прекращения вашего существования могут привести, вопреки вашим планам, к каким-то новым, интересным идеям. И, конечно, если вы добьетесь успеха в своей попытке самоубийства, это не даст вам равным

счетом ничего, так как я тотчас же заново воссоздам вас, притом таким способом, чтобы сделать в дальнейшем невозможным найденный вами способ самоубийства. И, если вы найдете другой, еще более хитроумный способ саморазрушения, я снова вас воссоздам, исключив эту модель самоубийства, и т.д., и т.п. Это даже может стать интересной игрой, однако вы все-таки будете существовать вечно. Такова моя воля".

Муррей чувствовал дрожь во всем своем существе, но его слова звучали, как обычно, спокойно и бесстрастно: "Так что ж я в конце концов действительно оказался в Аду? Вы утверждали, что его нет, но, если это все-таки Ад, вы должны лгать мне, что, вероятно, входит в программу адских забав".

"В таком случае, - сказал Голос. - какой смысл уверять вас, что вы не в Аду? Тем не менее, я уверяю вас, что это не так. Здесь нет ни Рая, ни Ада. Есть только Я".

"Представьте себе, что мои мысли могут оказаться для вас совершенно бесполезными, - сказал Муррей. - И если я не придумаю ничего интересного, то... почему бы вам не аннигилировать меня, чтобы больше попусту не возиться со мной".

"В награду за что? Вы хотите получить Нирвану в награду за свою несостоятельность и пытаетесь уверить меня в своей несостоятельности? Но у нас здесь не базар. И вы не будете бесполезным балластом во Вселенной. В течение целой Вечности, лежащей перед вами, вам не удастся уклониться от того, чтобы не придумать, по крайней мере, хотя бы один единственный разок что-нибудь действительно интересное. Однако вы просто пытаетесь уклониться от своих обязанностей".

"Тогда я поставлю перед собой другую цель. Я не буду пытаться уничтожить самого себя. Я буду стремиться уничтожить вас. Я стану размышлять о чем-то, о чем вы сами не только никогда не размышляли, но и не могли размышлять. Я буду обдумывать Последний Ответ на Последний Вопрос, за которым дальше нет уже никаких знаний, нет ничего".

"Вы не понимаете природу бесконечности, - сказал Голос. - Не может быть ничего такого, о чем я бы не мог, приложив усилия, все-таки узнать. Не может быть ничего, чего бы я со временем не узнал".

"Вы не можете узнать, откуда и как появилась ваша сущность, - задумчиво сказал Муррей. - Вы мне сами об этом сказали. Поэтому вы не можете ничего знать и о своем конце. Итак, все идет отлично! Теперь у меня

будет цель, и это будут поиски Последнего Ответа. Я не стану уничтожать себя. Я уничтожу вас... Если вы не уничтожите меня первым".

"А-а! - сказал Голос. - Вы пришли к этой идее гораздо раньше контрольного срока. Я полагал, что вам потребуется для этого гораздо больше времени. Нет ни одного из тех, кто, разделяя со мной совершенное, бесплотское существование и вечные размышления о вечных вопросах, не проникся бы страстным желанием уничтожить меня во что бы то ни стало. Но это невозможно".

"У меня в запасе целая Вечность, чтобы основательно подумать над тем, как вас уничтожить", - сказал Муррей.

"Тогда попытайтесь найти этот способ", - равнодушно сказал Голос. И пропал.

Однако у Муррея были теперь цель и смысл существования.

Но что может хотеть некая внепространственная и вневременная Сущность, сознающая бесконечность своего существования и ничего не знающая о его конце?

Чего еще искать Голосу бесчисленные миллиарды лет? И для чего были созданы другие разумы, обладающие интеллектом, а некоторые из них спасены от небытия и подключены к общей работе, если не для того, чтобы помочь ему прийти к цели этого великого поиска? И Муррей намерен стать этим первооткрывателем. Только он один добьется успеха. Найдет Последний Ответ на Вопрос Вопросов: Откуда и Куда?

Взвешенно, спокойно, с восторженной дрожью обретенного смысла существования Муррей начал размышлять.

Времени у него впереди было в избытке...

Перевел с английского Иван Мартынов
"Analog", January 1980

ISAAC AZIMOV

THE LAST ANSWER

Ask a silly question . . .

Murray Templeton was forty-five years old, in his prime and with all parts of his body in perfect working order except for certain key portions of his coronary arteries, but that was enough.

The pain had come suddenly, had mounted to an unbearable peak, and had then ebbed steadily. He could feel his breath slowing and a kind of gathering peace washing over him.

There is no pleasure like the absence of pain—immediately after pain. Murray felt an almost giddy lightness as though

he were lifting in the air and hovering.

He opened his eyes and noted with distant amusement that the others in the room were still agitated. He had been in the laboratory when the pain had struck, quite without warning, and when he had staggered, he had heard surprised outcries from the others before everything vanished into overwhelming agony.

Now, with the pain gone, the others were still hovering, still anxious, still gathered about his fallen body—
—Which, he suddenly realized, he was looking down on.

He was down there, sprawled, face contorted. He was up here, at peace and watching.

He thought: "Miracle of miracles! The life-after-life nuts were right."

And although that was a humiliating way for an atheistic physicist to die, he felt only the mildest surprise, and no alteration of the peace in which he was immersed.

He thought: "There should be an angel, or something, coming for me."

The Earthly scene was fading. Darkness was invading his consciousness and off in a distance, as a last glimmer of sight, there was a figure of light, vaguely human in form, and radiating warmth.

Murray thought: "What a joke on me. I'm going to heaven."

Even as he thought that, the light faded, but the warmth remained. There was no lessening of the peace even though in all the Universe only he remained—and the Voice.

The Voice said, "I have done this so often, and yet I still have the capacity to be pleased at success."

It was in Murray's mind to say something, but he was not conscious of possessing a mouth, tongue or vocal cords. Nevertheless, he tried to make a sound. He tried, mouthlessly, to hum words or breathe them or just push them out by a contraction of—something.

And they came out. He heard his own voice, quite recognizable, and his own words, infinitely clear.

Murray said, "Is this Heaven?"

The Voice said, "This is no place as you understand place."

Murray was embarrassed, but the next question had to be asked. "Pardon me if I sound like a jackass. Are you God?"

Without changing intonation or in any way marring the perfection of the sound, the Voice sounded amused. "It is strange that I am always asked that in, of course, an infinite number of ways. There is no answer I can give that you would comprehend. I *am*—which is all that I can say significantly and you may cover that with any word or concept you please."

Murray said, "And what am I? A soul? Or am I only personified existence, too?" He tried not to sound sarcastic, but it seemed to him that he had failed. He thought then, fleetingly, of adding a "Your Grace" or "Holy One" or *something* to counteract the sarcasm, and could not bring himself to do so even though for the first time in his existence he speculated on the possibility of being punished for his insolence—or sin?—with Hell, and what ever that might be like.

The Voice did not sound offended. "You are easy to explain—even to you. You may call yourself a soul if that pleases you, but what you are is a nexus of electromagnetic forces, so arranged that all the interconnections and interrelationships are exactly imitative of those of your brain in your Universe-existence—down to the smallest detail. Therefore you have your capacity for thought, your memories, your personality. It still seems to you that you are you."

Murray found himself incredulous. "You mean the essence of my brain was permanent."

"Not at all. There is nothing about you that is permanent except what I choose to make so. I formed the nexus. I constructed it while you had physical existence and adjusted it to the moment when the existence failed."

The Voice seemed distinctly pleased with itself, and

went on after a moment's pause. "An intricate but entirely precise construction. I could, of course, do it for every human being on your world but I am pleased that I do not. There is pleasure in the selection."

"You choose very few then."

"Very few."

"And what happens to the rest?"

"Oblivion!—Oh, of course, you imagine a Hell."

Murray would have flushed if he had the capacity to do so. He said, "I do not. It is spoken of. Still, I would scarcely have thought I was virtuous enough to have attracted your attention as one of the Elect."

"Virtuous?—Ah, I see what you mean. It is troublesome to have to force my thinking small enough to permeate yours. No, I have chosen you for your capacity for thought, as I choose others, in quadrillions, from all the intelligent species of the Universe."

Murray found himself suddenly curious, the habit of a lifetime. He said, "Do you choose them all yourself or are there others like you?"

For a fleeting moment, Murray thought there was an impatient reaction to that, but when the Voice came, it was unmoved. "Whether or not there are others is irrelevant to you. This Universe is mine, and mine alone. It is my intention, my construction, intended for my purpose alone."

"And yet with quadrillions of nexi you have formed, you spend time with me? Am I that important?"

The Voice said, "You are not important at all. I am also with others in a way which, to your perception, would seem simultaneous."

"And yet you are one?"

Again amusement. The Voice said, "You seek to trap me into an inconsistency. If you were an amoeba who could consider individuality only in connection with single cells and if you were to ask a sperm whale, made up of 30 quadrillion cells, whether it is one of many, how could the sperm whale answer in a way that would be comprehensible to the amoeba?"

Murray said dryly, "I'll think about it. It may become comprehensible."

"Exactly. That is your function. You will think."

"To what end? You already know everything, I suppose."

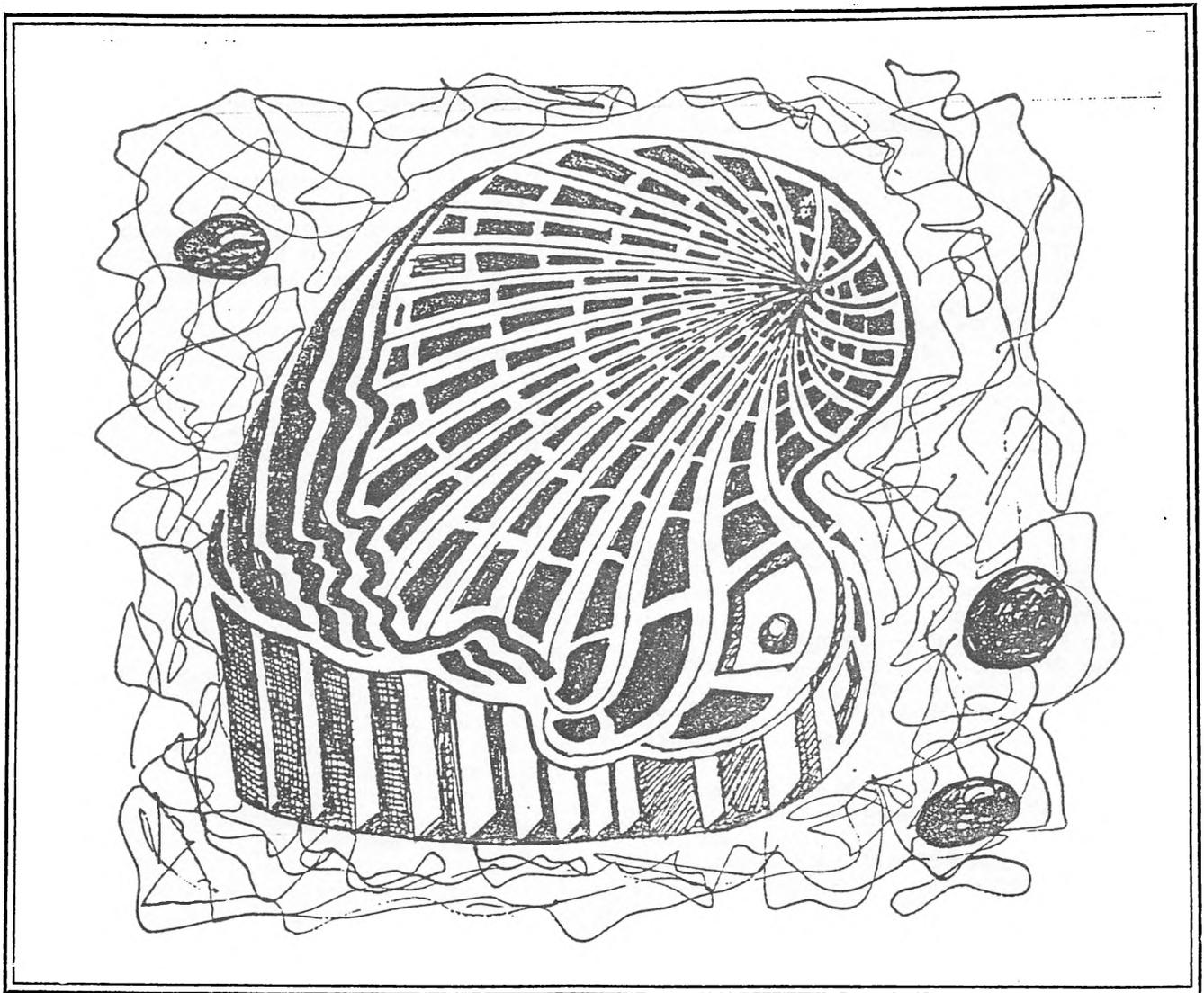
The Voice said, "Even if I knew everything, I could not know that I know everything."

Murray said, "That sounds like a bit of Eastern philosophy—something that sounds profound precisely because it has no meaning."

The Voice said, "You have promise. You answer my paradox with a paradox—except that mine is not a paradox. Consider. I have existed eternally, but what does that mean? It means I cannot remember having come into existence. If I could, I would not have existed eternally. If I cannot remember having come into existence, then there is at least one thing—the nature of my coming into existence—that I do not know."

"Then, too, although what I know is infinite, it is also true that what there is to know is infinite, and how can I be sure that both infinities are equal. The infinity of potential knowledge may be infinitely greater than the infinity of my actual knowledge. Here is a simple example: If I knew every one of the even integers, I would know an infinite number of items, and yet I would still not know a single odd integer."

Murray said, "But the odd integers can be derived. If

L. Belokon. 1993

you divide every even integer in the entire infinite series by two, you will get another infinite series which will contain within it the infinite series of odd integers."

The Voice said, "You have the idea. I am pleased. It will be your task to find other such ways, far more difficult ones, from the known to the not-yet-known. You have your memories. You will remember all the data you have ever collected or learned, or that you have or will deduce from that data. If necessary, you will be allowed to learn what additional data you will consider relevant to the problems you set yourself."

"Could you not do all that for yourself?"

The Voice said, "I can, but it is more interesting this way. I constructed the Universe in order to have more facts to deal with. I inserted the uncertainty principle, entropy, and other randomization factors to make the whole not instantly obvious. It has worked well for it has amused me for its entire existence.

"I then allowed complexities that produced first life and then intelligence, and used it as a source for a research team, not because I need the aid, but because it would introduce a new random factor. I found I could not predict the next interesting piece of knowledge gained, where it would come from, by what means derived."

"Does that ever happen?"

"Certainly. A century doesn't pass in which some interesting item doesn't appear somewhere," the Voice said.

"Something that you could have thought of yourself, but had not done so yet?"

"Yes."

Murray said, "Do you actually think there's a chance of my obliging you in this manner?"

"In the next century? Virtually none. In the long run, though, your success is certain, since you will be engaged eternally."

Murray said, "I will be thinking through eternity? Forever?"

"Yes."

"To what end?"

"I have told you. To find new knowledge."

"But beyond that. For what purpose am I to find new knowledge?"

"It was what you did in your Universe-bound life. What was its purpose then?"

Murray said, "To gain new knowledge that only I could gain. To receive the praise of my fellows. To feel the satisfaction of accomplishment knowing that I had

only a short time allotted me for the purpose.—Now I would gain only what you could gain yourself if you wished to take a small bit of trouble. You cannot praise me; you can only be amused. And there is no credit or satisfaction in accomplishment when I have all eternity to do it in.”

The Voice said, “And you do not find thought and discovery worthwhile in itself? You do not find it requiring no further purpose?”

“For a finite time, yes. Not for all eternity.”

“I see your point. Nevertheless, you have no choice.”

“You say I am to think. You cannot make me do so.”

The Voice said, “I do not wish to constrain you directly. I will not need to. Since you can do nothing but think, you will think. You do not know how not to think.”

“Then I will give myself a goal. I will invent a purpose.”

The Voice said tolerantly, “That you can certainly do.”

“I have already found a purpose.”

“May I know what it is?”

“You know already. I know we are not speaking in the ordinary fashion. You adjust my nexus in such a way that I believe I hear you and I believe I speak, but you transfer thoughts to me and from me directly. And when my nexus changes with my thoughts you are at once aware of them and do not need my voluntary transmission.”

The Voice said, “You are surprisingly correct. I am pleased.—But it also pleases me to have you tell me your thoughts voluntarily.”

“Then I will tell you. The purpose of my thinking will be to discover a way to disrupt this nexus of me that you have created. I do not want to think for no purpose but to amuse you. I do not want to think forever to amuse you. I do not want to exist forever to amuse you. All my thinking will be directed toward ending the nexus. *That* would amuse *me*.”

The Voice said, “I have no objection to that. Even concentrated thought on ending your own existence may, despite you, come up with something new and interesting. And, of course, if you succeed in this suicide attempt you will have accomplished nothing, for I would instantly reconstruct you and in such a way as to make your method of suicide impossible. And if you found another and still more subtle fashion of disrupting yourself, I would reconstruct you with that possibility eliminated and so on. It could be an interesting game, but you will nevertheless exist eternally. It is *my will*.”

Murray felt a quaver but the words came out with a perfect calm. “Am I in Hell then, after all? You have

implied there is none, but if this were Hell you would lie as part of the game of Hell.”

The Voice said, “In that case, of what use to assure you that you are not in Hell? Nevertheless, I assure you. There is here neither Heaven nor Hell. There is only myself.”

Murray said, “Consider, then, that my thoughts may be useless to you. If I come up with nothing useful, will it not be worth your while to—disassemble me and take no further trouble with me.”

“As a reward? You want Nirvana as the prize of failure and you intend to assure me failure? There is no bargain there. You will not fail. With all Eternity before you, you cannot avoid having at least one interesting thought, however you try against it.”

“Then I will create another purpose for myself. I will not try to destroy myself. I will set as my goal the humiliation of you. I will think of something you have not only never thought of but never could think of. I will think of the last answer, beyond which there is no knowledge further.”

The Voice said, “You do not understand the nature of the infinite. There may be things I have not yet troubled to know. There cannot be anything I cannot know.”

Murray said thoughtfully, “You cannot know your beginning. You have said so. Therefore you cannot know your end. Very well, then. That will be my purpose and that will be the last answer. I will not destroy myself. I will destroy *you*—if you do not destroy me first.”

The Voice said, “Ah! You come to that in rather less than average time. I would have thought it would have taken you longer. There is not one of those I have with me in this existence of perfect and eternal thought that does not have the ambition of destroying me. It cannot be done.”

Murray said, “I have all eternity to think of a way of destroying you.”

The Voice said, equably, “Then try to think of it.” And it was gone.

But Murray had *his* purpose now and was content.

But what could *any* Entity, conscious of eternal existence, want—but an end?

For what else had the Voice been searching for countless billions of years? And for what other reason had intelligence been created and certain specimens salvaged and put to work, but to aid in that great search? And Murray intended that it would be he, and he alone, who would succeed.

Carefully, and with the thrill of purpose, Murray began to think.

He had plenty of time.

"Я ТОЛЬКО РАКОВИНА, ГДЕ ЕЩЕ НЕ УМОЛК ОКЕАН"

К столетию со дня рождения Марины Цветаевой, 1892-1992

Конечно, можно было бы начать совсем банально: "Сегодня мир отмечает столетие со дня рождения Марины Цветаевой..." Но нынче весь мир, кажется, обезумел, и день памяти Великого Поэта отмечен или довольно бледно, без обычной юбилейной шумихи. Может быть, к лучшему? Хрестоматийный глянec не нужен Слову и его Пророкам.

Нужно простое сердечное внимание к судьбе и мысли художника, непрекращающийся поиск связей между собой и им, сумевшим передать невыразимое и несказанное - сложность бытия и человека - в повседневном языке народа.

Марина Цветаева всегда говорила "про себя" - и "про всех нас". Отсюда ее необыкновенный, переплетающийся в себе "белое" и "черное" прорыв в гудящий разными голосами, сосредоточивший счастье и печаль, оксюморонный солнечно-трагичный мир души человеческой, - кажется, неблизкий ей, далекой, ушедшей в себя, но по сути родной всякому, кто прикоснется к обнаженно-звонящему Слову поэта.

Она воспринимала жизнь как Божий дар и как страдание, ибо сама несла миру мучительную Красоту и столь же мучительно страдала от его тяжелых ударов. Вот почему, хотя "стихи растут, как звезды и как розы" - "в ночи моей прекрасной ходит по сердцу тила"; "Сколько темной и грозной тоски в голове моей светловолосой"! Эта великая поэзия пламенного духа, этот мир света и мрака, где (задолго до "Тихого Дона!") вспыхивает такое понятное нам "черное солнце", не может не заставить трепетать сердце каждого, кто читит Слово - начало нашего бытия.

Перевести этот сложнейший клубок чувств, душевных и словесных изгибов на иной язык невероятно трудно. Но - необходимо. Ибо Марина, "русская душой", зачастую строящая свои стихи на интонациях национального фольклора, говорит так много всякому человеческому сердцу!

Мы представляем здесь попытку даровитой поэтессы Нины Косман передать на английский этот удивительный, трепетный, тянущийся вверх и гнущийся долу мир Марины Цветаевой (из книги "In the Inmost Hour of the Soul Poems by Marina Tsvetaeva translated by Nina Kosman"; книга вышла в 1989 году в издательстве Human Press). Конечно, наша подборка не охватывает и сотой доли его, но абрис и суть, равно как и ритмико-интонационная структура цветаевского стиха, схвачены, на наш взгляд, верно и тонко.

* * *

Вы, идущие мимо меня
К не моим и сомнительным чарам, -
Если б знали вы, сколько огня.
Сколько жизни, растроченной даром.

You, rushing past on your streets
To some dubious magic you've tasted,
If only you knew how much heat,
How much lifeblood I've already wasted,

И какой героический пыл
На случайную тень и на шорох...
- И как сердце мне испепелил
Этот даром истраченный порох!

How much heroic passion I threw
At a random shadow or rustling...
How each time my heart flamed anew
And spent its powder for nothing.

О летящие в ночь поезда,
Уносящие сон на вокзале...
Впрочем, знаю я, что и тогда
Не узнали бы вы - если б знали -

O trains flying into the night,
Making off with the sleep of the station...
But I know nevertheless that you might
Never answer - if you heard it - the question:

Почему мои речи резки
В вечном дыме моей папиросы, -
Сколько темной и грозной тоски
В голове моей светловолосой.

Why are my words so strong and so sharp
To my cigaret's perpetual smolder.
How much gloom and imperiling dark
In the light-haired head on my shoulders.

17 мая 1913 г.

* * *

Война, война! - Кажденья у киотов
И стрекот шпор.
Но нету дела мне до царских счетов,
Народных ссор.

The war, the war! The incense at the altars,
The chirring spurs.
But I don't give a damn for the tsar's problems
And people's wars.

На кажется - надтреснутом - канате
Я - маленький плясун.
Я тень от чьей-то тени. Я лунатик
Двух темных лун.

It's as if on a slightly frayed tightrope
I dance to tiny tunes.
A shadow of someone's shade, I am a sleepwalker
Of two dark moons.

16 июля 1914 г.

* * *

Нежно-нежно, тонко-тонко
Что-то свистнуло в сосне.
Черноглазого ребенка
Я увидела во сне.

Sweetly-sweetly, thinly-thinly
Something whistled in the pine.
In my dream I saw a baby
With midnight-colored eyes.

Так у сосенки у красной
Каплет жаркая смола.
Так в ночи моей прекрасной
Ходит по сердцу пила.

Still, hot resin keeps dripping
From the little scarlet pine.
Sawed apart, my heart is ripping
In this splendid night, all mine.

8 августа 1916 г.

* * *

После бессонной ночи слабеет тело,
Милым становится и не своим, - ничьим,
В медленных жилах еще запылают стрелы,
И улыбаешься людям, как серафим.

After a sleepless night my body grows weaker,
Becomes sweet and no one's - no longer mine.
In the slow veins arrows still flicker,
And like a seraph, I smile at passers-by.

После бессонной ночи слабеют руки.
И глубоко равнодушен и враг и друг.
Целая радуга в каждом случайном звуке.
И на морозе Флоренцией пахнет вдруг.

After a sleepless night my arms grow languid;
Friend or foe, my indifference is complete.
A full rainbow unfolds from a chance sound
And the scent of Florence stuns in a frozen street.

Нежно светлеют губы, и тень золоче
Возле занавших глаз. Это ночь зажгла
Этот светлейший лик, - и от темной ночи
Только одно темнеет у нас - глаза.

My lips lighten tenderly, shadows golden
Round my sunken eyes. It is the night that lit
This luminous face. And when the dark night's over,
Only our eyes stay darkened, that is all.

19 июля 1916г.

* * *

Черная, как зрачок, как зрачок сосущая
Свет - люблю тебя, зоркая ночь.

Black as an iris, as an iris sucking up the
Light - I love you, sharp-sighted night.

Голосу дай мне воспеть тебя, о праматерь
Песен, в чьей длани узда четырех ветров.

Let me sing you and celebrate you, O ancient mother
Of songs who bridles the earth's four winds.

Клича тебя, славословя тебя - я только
Раковина, где еще не умолк океан.

Calling you, glorifying you - I am nothing but a
Shell in which the ocean is not yet silenced.

Ночь! я уже нагляделась в зрачки человека!
Испенели меня, черное солнце - ночь!

Night! Enough of looking into human eyes!
Reduce me to ashes, blackest of suns - night!

9 августа 1916 г.

От гнева в печени, мечты во лбу
 Богиня Верности, храни рабу.

Чугунным ободом скрепи ей грудь.
 Богиня Верности, покровом будь.

Все сладколичие сними с куста.
 Косноязычием скрепи уста.

Запечатленные кости в гробу.
 Богиня Верности, храни рабу!

Дабы без устали шумел станок.
 Да будет уст ее закон - замок.

Дабы могильного поверх горба:
 "Единой верности была раба!"

На раздорожии, ребром к столбу.
 Богиня Верности - распни рабу!

11 октября 1921

From the mind's dreams, from the bile's rage,
 Goddess of Faithfulness, keep your slave.

With hoops of steel bind tight her breast,
 Goddess of Faithfulness, be her nest.

Remove from the shrub all flowers and pips,
 Make her mouth numb, then seal her lips.

As safe as bone encased in a grave,
 Goddess of Faithfulness, keep your slave.

To keep her loom humming without a stop,
 Her lips must learn the law of the lock.

To have it inscribed on the stone of her grave:
 "Only of Faithfulness was I the slave".

Her ribs to the post, with your sharpest stave,
 Goddess of Faithfulness, now stab your slave.

РОЛАНДОВ РОГ

Как нежный шут о злом своем уродстве,
 Я повествую о своем сиротстве...

За князем - род, за серафимом - сонм,
 За каждым - тысячи таких, как он,

Чтоб, пошатнувшись, - на живую стену
 Упал и знал, что - тысячи на смену!

Солдат - полком, бес - легионом горд.
 За вором - сброд, а за шутком - все горб.

Так, наконец, усталая держаться
 Сознанием: перст и назначением: драться.

Под свист глупца и мещанина смех -
 Одна из всех - за всех - противу всех! -

Стою и шлю, закаменев от взлету,
 Сей громкий зов в небесные пустоты.

И сей пожар в груди тому залог,
 Что некий Карл тебя услышит, Рог!

Март 1921

ROLAND'S HORN

Like a sweet fool prattling his merciless handicap
 I give you the story of my orphanhood...

A seraph by his host, a prince by all his kin,
 Each is attended by the thousands just like him.

So that were he to stagger, he'd be carried along
 By a living wall, the thousands to follow.

A captain is proud of his troops, a devil of his fiends,
 The hump adheres to a fool, the rabble escorts a thief.

Whereas I, worn out at last by my life's only purpose:
 To fight, and by the knowledge: I am alone, always,

Except for the Philistine's jeer and the imbecile's catcall -
 Alone - among them all - for all - against all -

I stand here, petrified at take-off, sending
 This blaring call into the void of heaven.

And this fire inside my chest has sworn
 That a Charlemagne has yet to hear you, Horn.

* * *

Стихи растут, как звезды и как розы,
Как красота - ненужная в семье,
А на венцы и на апофеозы -
Один ответ: - Откуда мне сие?

Мы спим - и вот, сквозь каменные плиты,
Небесный гость в четыре лепестка.
О мир, пойми! Певцом - во сне - открыты
Закон звезды и формула цветка.

1 августа 1918 г

Poems grow like stars, and like roses-
Like beauty not meant for home.
And to the wreaths and the apotheosis
The same answer: Where are they from?

We sleep - and then, as through the cobbles -
The heavens'-guest and its four petals loom.
O, world, take note! A sleeping bard discovers
The law of star, the formula of bloom.

ХВАЛА АФРОДИТЕ

IV

Сколько их, сколько их ест из рук,
Белых и сизых!
Целые царства воркуют вокруг
Уст твоих, Низость!

Не переводится смертный пот
В золоте кубка.
И полководец гривастый льнет
Белой голубкой.

Каждое облако в час дурной -
Грудью кружится.
В каждом цветке неповинном - твой
Лик, Дьяволица!

Бренная пена, морская соль...
В пене и в муке -
Повиноваться тебе доколь,
Камень безрукий?

10 октября 1921

PRAISE TO APHRODITE

IV

How many, how many of them feed off your hands,
White doves and gray doves!
Entire kingdoms coo and dance
Round your lips, Baseness!

Still, the deadly sweat overflows
Your golden bowl.
Even the crested warrior clings
Like a white she-dove.

On an evil day each cloud
Grows as round as breasts.
Every innocent flower
Bears your face, Temptress!

Mortal whitewater, salt of the sea...
In whitewater and torture,
How long are we to heed your call
O armless sculpture?

translated by Nina Kossman

АЛЕКСАНДР МЕЖИРОВ

СТИХИ

ПОЗЕМКА

"Дело тут не только в евреях... Тема - жизнь, обстоятельства, люди, взаимоотношения... Пишу о том, что хорошо знаю... В конечном счете о себе, даже когда и не о себе; когда, допустим, о Маяковском..." Эти почти предсмертные слова Юрия Карабчиевского я хотел поставить эпиграфом к своей подборке. Но не решился. К тому же Юрий Карабчиевский писал не о себе (что всегда означает лишь комментарий к себе), писал он с е б я, потому что по природе был поэт, особенно в книге о Маяковском, которая по существу поэма о великой любви и горьком негодовании. Совестью русской литературы сделаться не помышлял. В соискательстве на это с давних пор вакантное место не участвовал. А соискателей было так много. В последнее время появился совсем неожиданный: ожившая после перерыва ... светская хроника... ее неугомонь, компьютерные устройства оказались соискателями бойкими и на все лады занялись разоблачениями, хитроумно сбалансированными (на всякий случай). Недавно так сбалансировали они Евтушенко, как будто никогда не было в нем стихии лирического поэта. Произошло искажение.

Но это полбеды, когда тебя искажает кто-то или что-то. Куда хуже, когда искажаешь себя сам. Трудно, конечно, избежать самоискажения. И все же... "О, если б я прямой возник..." Эта единственная в своем роде строка вырвалась у Пастернака как бы из подспуда и уместила в себе так много... Но как истолковать ее прозой - со стороны? Правда, в "Докторе Живаго" есть об этом гениальная страница, начинающаяся со слов "Все движения в отдельности..." - о еврейском мальчике, о еврействе и еще о чем-то невыразимом. "Поэт издали заводит речь. Поэта далеко заводит речь...", - писал Симон Чиковани о с у д ь б е . Вот и моя подборка (выстраивать ее не пришлось, помогла элементарная хронология) начинается издали, с "Серпухова". А куда завела меня речь, как далеко, читатель "Слова", может быть, услышит сам.

СЕРПУХОВ

Прилетела, сердце рая,
Телеграмма из села.
Прощай, Дуня, моя няня,-
Ты жила и не жила.

Паровозов хриплый хохот,
Стылых рельс двойная нить.
Заворачиваюсь в холод,
Уезжаю хоронить.

В Серпухове
на вокзале,
В очереди на такси:
- Не посадим,-
мне сказали,-
Не посадим,
не проси.

Мы начальников не возим.
Наш обычай не таков.
Ты пройдишь-ка пешком восемь
Километров до Данков...

А какой же я начальник,
И за что меня винить?
Не начальник я -
печальник,
Еду няню хоронить.

От безмерного страданья
Голова моя бела.
У меня такая няня,
Если б знали вы,
Была.

И жила большая сила
В няне маленькой моей.
Двух детей похоронила,
Потеряла двух мужей.

И судить ее не судим,
Что, с землей порвавши связь,
К присоветованным людям
Из деревни подалась.

Может быть, не в этом дело,
Может, в чем-нибудь другом?..
Все, что знала и умела,
Няня делала бегом.

Вот лежит она, не дышит,
Стужей лик покойный пышет,
Не зажег никто свечу.

При последней встрече с няней,
Вместо вздохов и стенаний,
Стиснул зубы - и молчу.

Не скажу о ней ни слова,
Потому что все слова -
Золотистая полова,
Яровая полова.

Сами вытащили сани,
Сами лошадь запрягли,
Гроб с холодным телом няни
На кладбище повезли.

Хмур могильщик. Возчик зол.
Маются от скуки оба.
Ковыляют возле гроба,
От сугроба до сугроба
Путь на кладбище тяжел.

Вдруг из ветхого сарая
На данковские снега,
Кувыркаясь и играя,
Выкатились два щенка.

Сразу с лиц слетела сука,
Не осталось ни следа.
- Все же выходила сука,
Да в такие холода...

И возникнул, вроде скрипок,
Неземной какой-то звук.
И подобие улыбок
Лица высветлило вдруг.

А на Сретенке в клетушке,
В полутемной мастерской,
Где на каменной подушке
Спит Владимир Луговской,
Знаменитый скульптор Эрнст
Неизвестный
глину месит;
Весь в поту, не спит, не ест,
Руководство МОСХа бесит;
Не даст скучать Москве,
Не даст засохнуть глине.
По какой-то там из линий,
Слава богу, мы в родстве.

Он прервет свои исканья,
Когда я к нему приду,-
И могильную плиту
Няне вырубит из камня.

Ближе к пасхе дождь заладит,
Снег сойдет, земля осядет -
Подмосковный чернозем.
По весенней глине свежей,
По дороге непроезжей,
Мы надгробье повезем.

Ну, так бей крылом, беда,
По моей веселой жизни -
И на ней
ясней
оттисни
Образ няни - навсегда.

Родина моя, Россия...
Няня...Дуня...Евдокия...

* * *

На семи на холмах на покатых
Город шумный, безумный, родной, -
В телефонах твоих автоматах
Трубки сорваны все до одной.

На семи на холмах на районы
И на микрорайоны разъят, -
Автоматы твои телефоны
Пролетарской мочою разяг.

Третьим Римом назвался. Не так ли?!
На семи на холмах на крови
Сукровицей санскрита набрякли
Телефонные жилы твои.

Никогда никуда не отбуду,
Если даже в грехах обвиня,
Ты ославишь меня, как Иуду,
И без крова оставишь меня.

К твоему приморожен железу,
За свою и чужую вину,
В телефонную будочку влезу,
Ржавый диск наобум поверну.

БЛАГОДАРЕНЬЕ

Вашингтон
даже в пору зимы
почему-то купается в зное,
Даже в самом разгаре зимы
на прямых авеню
почему-то печет,
И огромный костел
уместился в окошке слепом;
небольшое
Уместило оконце мое
пламенеющей готики взлет.

Далеко от Христа
этот белый костел,
этот черный,
Негритянский, высокий, просторный,
Тесный от небывалого столпотворенья
Перед праздником Благодаренья.

Нынче службу впервые отслужит веселый
Черный ксендз.

Многонациональны костелы...

Слышу голос, усиленный в меру
Микрофоном.

Повсюду слышна

Речь ксендза -

и меня удивляет она:

Не царя, не отечество славит,
не веру,

А условия парковки машин у костела,
которая категорически запрещена.

Неожиданный снег появляется над
Вашингтоном -

Прямо в зной.

Но пока не лежится ему на газоне зеленом,
На траве изумрудной, густой

В то же время
в костеле
со всеми поющими встану
И услышу гитару, которая вторит органу,
Или наоборот.
И, раскачиваясь, пританцовывая вожделенно,
Весь костел за коленом выводит колено,
В духе битлзов поет.

Размышляю (быть может, наивно), -
Значит, Богу все это ничуть не противно,
Значит, Богу не чуждо и, может быть, даже
угодно,

Что его непослушные чада
и счастливо так и свободно
Под орган и гитару выводят псалмы.

.....
Вашингтон - это юг.
Только тень, только промельк зимы.
(А зима - в Миннесоте, но ей неизвестно, какие
На нее возлагает надежды пришелец,
за все благодарный разнузданной
темной стихии.

Он печется смешно и беспомощно не о себе:
Может быть, Миннесота озерная примет участие
в судьбе,

Улыбнется последней любви его безответной,
Полуженщине, полуребенку с каким-то
мятежным лицом
В мире страшном, который находится
перед концом,
Приближающимся незаметно... заметно...)

Что вздыхаешь, пришелец, за все благодарный
равнинной степной стороне,
За которую кровь проливал на войне,
на полынной стерне,
Той, которую даже и в самом глубоком унынье,
как запах горчайшей полыни,
Разлюбить и забыть не умеешь поныне.

* * *

Днем уснул и не знал, засыпая,
Что во сне от разлуки с тобой
Буду плакать, родная.

Ты живешь над озерной водой
В синей области горной,
А внизу городок - недалек,
Беззаботный, игорный,
Как ночной мотылек.

Невысокие горы над ним и сосна строевая,
И на синий похоже Урал,
Где когда-то от раны солдат умирал,
Да не умер солдат, умирая.

Говорок воспаленный Вадима,
Татьяны покатые плечи.
Так зачем же, пришелец, душегубки мерещатся,
печи

На груди у орла
геральдический
с изображеньем Георгия
щит,

Но помилуй мя, боже,
как в горле
опять
от полыни горчит.

Плач младенческий
в пенье врывается нежно,
Потому что в костеле избыток тепла.

Между тем
на прямых авеню
неожиданно - снежно,
Пелена голубая бела
И на зелень газонов
не сразу,
но все же легла.

Наркоман обливается потом,
Но со всеми поет, пританцовывая,
Жизнь погибла земная... Да что там...
Обязательно будет иная. И новая.

Ксендз кончает пастьбу,
и счастливое стадо
Возвращается с неба на землю,
испытывая торжество.

Все встают,
как у нас в СССР говорят,
и поют,
что бояться не надо
Ничего... ничего...

Там уральское озеро есть - Кисигач,
Сосны мачтовые, строевые
(Только ты ради Бога не плачь).
Там увидел я Тахо впервые,
Там уральский от раны меня излечил военврач.

Тахо родственно чем-то синеему Кисигачу.
Днем уснул и не знал, что заплачу
От разлуки с тобой. Только ты ради Бога не плачь.

Город Рино внизу и отель "Казино",
Где играют в слегка измененное двадцать одно,
Где всю ночь простоял в беззаботной, веселой толпе,
Напряженно следя, как сдает китайка-крупье,

Наблюдая красивую сдачу,
Но она не понравилась мне все равно,
А играть наудачу,
Наудачу уже не играю давно -
И учебы твоей не решился решить незадачу.

Перед этим мешок деревянных рублей без труда
Отнял в стос у бакинского полупрофессионала,
Всех оттенков простого, казалось бы, стога тогда
Он еще не освоил, профессионалом без мала
Был бакинец. Но дело не в этом, а в том,
Что настаивал он две недели на том,
Чтобы доллары снял я со счета (которого нету),
Чтоб на доллары мы перешли, соскочили с рублей.
Он твердил: "Поезжай на Кутузовский, дед, не жалеи

Конвертированную монету", -
Но играть генерации нашей всего тяжелей
На такие монеты-валюты, -
Страх мешает, вколоченный, лютый.
Впрочем, дело не в этом, а в том,
Что поэтому в шоппе каком-то пустом
За конторкой сидишь, а не в Рино, в университете,
В далеко не бесплатной его тишине.
Страх, как сифилис мозга, разыгрывать доллары мне
В те московские дни помешал точно так же, как в эти,
На границе Невады озерной, лесной,
Где толпа в казино гомонит не смолкая.
Днем уснул и не знал, засыпая,
Что во сне от разлуки с тобой
Буду плакать, родная.

НЕ ОБ ЭТОМ РЕЧЬ

Ты, Женя, знаешь, я - не монолит.
Как Моисей, сомненьями до края
Я полн. И куст терновый, не сторяя,
Передо мной горит. И говорит
Мне голос. Но учили египтяне
Не принимать на веру голоса
И на слово не верить в прорицанье,
В которое не верят небеса.

Мне из страны Сережки с Малой Бронной
И, как поется, Витьки с Моховой,
Которые лежат за Вислой сонной
Не увести народ полуживой.
Стенающий над бедами своими,
Не знающий, что в Иерусалиме
Есть холм среди холмов, что испокон
Веков зовется этот холм - Сион,
И это - родина, а не злоумышленья
О мировом господстве. Женя, Женя,
Ты слово произнес бессмертное о скатке.
О ротном Гамлете и о любви,
Предвиденья, прозренья и догадки
Занес в почти что детские тетрадки,
И были так пленительны и кратки
Стихотворения твои,
Такие юные, на переломе
Двух возрастов. Но не об этом я,
А о погроме, Женя, о погроме,
Об ужасе земного бытия.
Но веет в воздухе чумном
твой стих крылатый,
Неистошимый пыл,
О женщине, которую когда-то
Всем сердцем полюбил

И все-таки
причем Сережка с Витькой здесь,
Откуда связь и смесь
Войны, любви, пророчества и слуха
О том, что предстоит погром и бормотуха?
И все-таки и все же неспроста
Настолько загустела темнота,
Что, ниткой в этой темноте вьюсь,
Не столько смесь возникла, сколько связь,
Которая сама собой петлится...
Так выпадает птица
Из разоренного гнезда,
Шестиконечная звезда
На двери нарисована поспешно.
И бродят звери в темноте кромешной,
И свастика на рукаве
Уже разгуливает по Москве.
И темная, клубящаяся злоба
Заходит за новоохотный ряд,
И президенты наши оба
Кошунственно молчат,
И не по-христиански христиане
Молчат, и церковь, заградив уста,
За патриарший сан борьбою занята,
Молчит - нехристианское молчанье,
Как будто проповедь забыта Иоанна
Кронштадского, забыты, как ни странно,
Святого Тихона слова,
И высится глава
Успенского собора, где короной
На царствие венчали. В электронной
На севере американском вилле
Молчит суровый летописец или
До времени не хочет говорить.
Откуда эта смесь и эта связь и нить.

Об этом скажет он потом, потом, потом.
Ну, а пока молчит, помалкивает словно
Не слышит. А меж тем отец его духовный
Зарублен топором.

Четыре, Женя, женщины со мной,
Одной из них, почти совсем больной,
Все нипочем и все огнем гори,
Но остальные три...
Одна из них едва-едва
Перешагнула совершеннолетье,
Другие далеко уже не дети,
Одна из них - седая голова,
Другая с проседью морозной, ранней
От инея воспоминаний.
Обычная семья.
Единственный защитник - я.
Был парабеллум у меня когда-то.
Откуда парабеллум у солдата?
И все-таки откуда-то он был.
Был. Бил, не бил.
Но та, что не была еще больной,
Взяла однажды парабеллум мой,
Обойму запасную и патроны -
И в подмосковный пруд зеленый
Подальше от греха. И я, разоруженный,
Уже ничем не мог помочь.
Она спала спокойно в эту ночь.

Ты, Женя, знаешь, так уж вышло,
Что из меня еще блокада выжгла
То, что зовется страхом и дожгла
Жизнь без остатка и дотла.
В застенке в угол каменной стены
Меня бросали славные сыны
Отечества, чтоб мог по стенке стечь

В родную землю.
Не об этом речь.

Нет, не об этом...
Слухи о погроме
По указанью распространены
В особо людных городах страны
И в каждом перенаселенном доме.

Тимоша спит и не подозревает
О том, что назревает.
Того, о чем ни слова не скажу
Ни псу, ни этажу.
Тимоша - мирный пес. Не воин.
Он крепко спит, и сон его спокоен.
Воинственный этаж от страха умирает.
На нервной почве жадно умирает
Пайковой колбасы батоны...
Этаж бессонный...
И даже та, что по степи одна
Четырнадцатилетняя бродила,
Когда за тучи пряталась луна
И все неисчислимые светила
И только волчий раздавался вой,
Теперь подушкой перьевого
Слух притупляет, чтоб уснуть,
Хотя бы задремать, забыться как-нибудь,
Хотя бы в дреме не принадлежать
Минут пятнадцать, десять или пять
Или минуту - ни к одной из рас.

Мне страх неведом. В этом, Женя,
Ты убеждался много раз.

Но умирать от униженья...

* * *

Не вечно дostoевским бесам
Пророчествовать и пылать.
Хвала и слава мракобесам,
Охотнорядцам исполать.

Все на свои места поставлю.
Перед законом повинюсь,
Черту оседлости прославлю,
Процентной норме поклонюсь.

В них основанье и основа
Существованья и труда,
Под их защитой Зускин снова
Убит не будет никогда.

ТРИПТИХ

I. ПЕСНЯ

Нет на свете ничего щедрее,
Чем война, дающая взаимы.
Здравствуйте, военные евреи,
В блиндажах слагавшие псалмы.

Наш псалтырь, "наш SOS все глуше, глуше,"
Все тесней на шее вервь обид,
Все больней, ожесточенней души,
Да и был ли кроток царь Давид?

Гонят нас. А мы не уезжаем.
И за это, в свой последний миг,
И стыдимся, и не уважаем
И друг друга, и себя самих.

Ну а те, кто, поклонясь ОБИРУ,
Сквозь последних унижений яд,
Разбрелись отравленно по миру,
То же, что и мы, в себе таят.

Нет на свете ничего щедрее,
Чем война, дающая взаимы.
Здравствуйте, военные евреи,
В блиндажах слагавшие псалмы.

2.

Пускай другого рода я
И племени иного.
Но вы напрасно у меня
Конфисковали Слово.

Ах, эта 5-ая статья
Народа н е б о л ь ш о г о .
Но вы напрасно у меня
Конфисковали Слово.

Ведь Слово - родина моя
И всех основ основа.
И вы напрасно у меня
Конфисковали Слово.

Конечно, дело не во мне,
Убитом на другой войне,
В огне иных сражений,
А в том, что, здесь увидев свет,
На даче, до недавних лет,
Великий русский жил поэт,
Русскоязычный гений.
И жизнь была его сестрой,
И был недавний предок мой
Схоронен здесь в земле сырой,
В палящий, душный, майский зной
Бессолнечновесенний.

Не обо мне, конечно, речь,
А о моем предтече.
Вам долго предстоит беречь
Его божественную речь,
Часть речи - вашей речи.

Он отодвинул далеко
Мишень, - и пули в молоко
От вас уйдут в полете,
Он поднял планку высоко,
Вам будет прыгать нелегко,
И вы ее собьете.

3.

Где-то в сороковые впервые
Мне указано было на дверь.
Стыдно, что не покинул Россию
И уже не покину теперь.

Может родина сына обидеть
Или даже камнями побить,
Можно родину возненавидеть,
Невозможно ее разлюбить.

ПОТОМУ ЧТО НЕПРЕОДОЛИМА ГРАНИЦА

Из почти прямого, чуть-чуть кривого
Переулка Лебяжьего
изгнан и приговорен
Безразлично к чему,
с конфиксацией Слова
Неродного-родного - не будет иного,
Кроме слова, которое испокон
Жизни долгой моей
основанье мое и основа.

Потому что непреодолима граница,-
Стену Плача
обнять не смогу,
даже и прислониться
К ней лицом
на одно, на единственное мгновенье,
Даже просто войти
в раскаленную тень
от ее холодящей тени.

Да и дело не в том,
что кому-то угодно или неуютно
Быть
главным объектом
ненависти всенародной,
Постоянно выслушивая обвинения в том,
Что царя и его семью
расстрелял
в уральском подвале,
Раскрестьянил деревню,
рассказачил Кубань и Дон.
И что Храм Христа
по моему наущенью
взорвали.
Я уже почувствовал
в битве с нацизмом
и даже в разведке боем
Стал офицером за храбрость,
хотя и не был героем.
Долг исполнил,
геройства не совершил.
А на вторую войну
я не имею сил.
На поле боя
Генералиссимус
одержал победу.
В сознание народа
Ефрейтор
выиграл войну.
И народ-Победитель
за сыном приемным по следу

Зашагал
и за все возлагал
на приемного сына
вину.
А у сына приемного
нет даже ветхой котомки,
И его прокликает
народ
и его подонки.
По закону истории
народ-Победитель
Всегда принимает идею
тех,
кто побеждены.
Пусть в московском шкафу
висит мой армейский китель,
Орденами радуя
сердце жены.
Я когда-то писал:
"...никогда никуда не отбуду..."
Стал я солью земли,
что рассыпана кем-то повсюду,
Повсеместно...
и все же не стану
таким, как предок,
Даже если поздним олимом
сделаюсь напоследок,
Не сподоблен богу служить,
не избранник,-
Безразлично
беженец или изгнанник.

ПОДРАНОК

Он только что упал в кровать,
А через час ему встать,-
Зачем под утро доставать
Расстрелянного и распятого,
Зачем будить его опять
Звонками в половине пятого?

* * *

Ты прожил жизнь... Там прожил, где тебя
Всегда любили, ненавидя люто,
И люто ненавидели, любя,-
Так надо было небу. Не кому-то.
Ты избран был не кем-то. Избран им,
Служить ему - и только, - и за это
Был ненавидим всеми и любим
По воле неба и Его Завета.

ТОЛПА

Я, конечно, ничто
производное скуки и лени,
Но величье мое
в грандиозности той клеветы,
Тех нападков неслыханных и обвинений,
Эшафот из которых воздвигла на площади ты.

Все величье мое
только в том,
что, меня обличая,
Долго тешилась ты небывалой напраслиной и клеветой, -
И мое же ничтожество в том, что, тебе отвечая,
Плоть от плоти твоей,
Я вступал в пререканье с тобой.

* * *

Тот, кто был на Соловках туристом
Или зеком, понял, что раскол
Зародился в том краю лесистом
И по всей истории прошел.

Русская история угрюма,
На себе замкнутая смутна,
Вся она - раскол - от Аввакума
Вплоть до Горбачева-Ельцина.

От раскола все ее идеи,
Вся возня и смута от него,
Никакие пришлые злодеи
В ней не изменили ничего.

Что сейчас в России происходит?
Просто продолжается раскол.
Протопоп в костер спокойно входит,
Так же бос и так же полугол.

ИЗ ВОЛЬТЕРА

Я позицию выбрал такую,
На которой держаться нельзя,-
И с нее кое-как атакую
Вас, мои дорогие друзья.

Кое-как атакую преграды
Между нами встающей вражды.
Чужды мне ваши крайние взгляды,
Радикальные мысли чужды.

Но я отдал бы все, что угодно,
Все, что взял у небес и земли,
Чтобы вы совершенно свободно
Выражать свои взгляды могли.

* * *

Возжаждав неожиданно свобод,
Качать права верхи элиты стали,
И, как всегда, безмолствовал народ,
Свободой озабоченный едва ли.

В низах элиты все наоборот,
Охотный ряд свои имеет нужды -
И, как всегда, безмолствовал народ,
И тем, и этим в равной мере чуждый.

Святых немало испокон в России, -
И те - на Белой площади - пятьсот,
А позже тысяч пятьдесят - святые,
И, как всегда, безмолвствует народ.

ДО ПОСЛЕДНЕГО СРОКА

Разразилась гроза. И зарницы ее
Осветили далекое детство мое.
И услышал: отец обращается к сыну:
- В Палестину, - твердит, - в Палестину.
Ничего не понять.
Но его так внимательно слушает мать
И сутулит усталую спину.

А раскаты гремят и гремят,
За раскатом раскат,
И прошло с той поры шестьдесят
С лишком лет - и дошло до последнего срока.
Разразилась гроза. И гремит, и гремит,
И холодное мелкое море шумит
За прикрытым окном
В бесконечном пространстве ночном,
То вдали, то совсем недалеко.

* * *

Перечислил стенанья и высказал стоны, -
Необрезанный и некрещеный.

Ощущая присутствие Ездры,
вошел
В синагогу,
без шапки,
нарушив законы, -
В шапке,
в храм православный,
крестясь на иконы,
Но за иконостасом не виден престол,
И в алтарь не решился войти,
бос и гол,
Необрезанный и некрещеный,

В переулке крутом
к синагоге отверг приобщенье,
В белокаменном храме Христа
над рекой
в воскресенье, -
отвергнул крещенье, -
Доморощенна вера твоя
и кустарны каноны,
Необрезанный и некрещеный.

НЕ ТЕРЯЙТЕ ОТЧАЯНИЯ

"Заметки о фильме "Астенический синдром" написаны два года назад, за несколько месяцев до того, как их автор переехал из Союза в США, из Одессы в Сан-Диего. Сообщаю об этом только для того, чтоб было понятно, что имеется в виду, когда пишется "мы" или "здесь". Остальное звучит почти одинаково тогда и теперь и что там, что тут.

...Среди населяющих этот фильм десятков персонажей довелось мелькнуть и мне. Всего две или три минуты на экране. Правда, в очень существенном эпизоде, расположившемся на стыке черно-белой и цветной частей ленты, на переломе от "кино" к "жизни".

Жизнь себя в кино не узнает, отказывается узнавать. Разочарованные зрители расходятся из зала, не обращая никакого внимания на киноведа-культуртрегера (это и есть моя роль), который обреченно заывает их на встречу с актрисой, на "разговор о серьезном кино".

Между тем в цветной части, в той, где предстает жизнь самих зрителей, "жизнь как она есть", открывается жуть пострашнее "киношной". Экспонированию этой жути посвящено все оставшееся пространство фильма "Астенический синдром".

В названии - диагноз болезни. Критики уже заглянули в Большую медицинскую энциклопедию и дали набор толкований. Но как бы то ни было, а диагноз - это скорее метафора, в то время, как симптомы абсолютно неоспоримы. Речь идет об аномальной, анормальной форме повседневного существования. Во всем утрачены мера и норма. Царит ожесточение, перемежаемое вспышками сентиментальности и приступами апатии. Интеллектуальный озноб, вздрюченность чувств передаются от одного к другому, как неодолимая зараза. Кругами, волнами распространяются немочь духа, изнурение воли, паралич способности к общению.

Четверть века назад болезнь эту одним из первых открыл режиссер Анатолий Эфрос. Из спектакля в спектакль он показывал, как хроническое социальное неблагополучие особого, российского закваса переходит, что называется, на клеточный, молекулярный уровень, оборачивается физическим томлением и недугом. Но интеллигентная неврастения эфросовских пер-

сонажей сегодня вспоминается едва ли не с ностальгией. С тех пор болезнь зашла далеко. Боль притупилась, в глазах засветилось безумие. Нынешнее одичание безмерно и носит почти апокалиптический характер. Во всяком случае в фильме Киры Муратовой явственно ощущается привкус близящейся, да нет, уже наступившей катастрофы.

Боюсь, что дело обстоит именно так. "Астенический синдром" убедительно свидетельствует, что мы живем в ситуации конца света. По крайней мере **этого** света. И надо бы заметить, что среди других, в последнее время снятых киноверсий Апокалипсиса (скажем, "Посетитель музея" Константина Лопушанского или "Посвященный" Олега Тепцова) произведение Киры Муратовой - самое мрачное, самое безнадежное. Если там - предостережения об опасности, ставший уже привычным жанр антиутопии, то здесь - прямая и простая реальность. И реальность эта поистине кошмарна.

Страшнее всего - что просвета не видать. Ведь вот в тех же антиутопиях авторы, пускай и "от противного", а предлагают какую-то модель гармонии. Если, мол, не делать того-то и того-то, все еще, может быть, обойдется. А в фильме Муратовой, как и положено в настоящем кошмаре, что ни делай (или не делай), все к худшему. Это не придумано. Мы и вне этого фильма сплошь нарываемся на удивительно похабные результаты самых благих своих усилий. Порыв к свободе рождает в людях страх, попытка справедливости кончается пролитием крови, а стремление создать устойчивые структуры создает еще больший хаос...

Но неужто и в самом деле нет той мудрой, спасительной идеи, которая способна вывести нас из этого проклятого заколдованного лабиринта? Ведь есть же вечные ценности - истина, добро, красота, к ним бы и вернуться... Автор "Астенического синдрома" исходит из того, что простой поворот на 180 градусов ничего не даст. Возвращение к вечному, устойчивому, очевидному надо еще выстрадать как некое откровение. А для этого, в свою очередь, надо обрести утраченную способность страдать.

Если спасение и брезжит, то не внутри развернутого перед нами киносюжета. Оно - в самом чувстве отчаяния, пессимистической без-

надежности, которое не просто одолело режиссера, а заставило снять эту безнадежную, пессимистическую картину. В отчаянии парадоксальным образом обнаруживается стимул к творчеству. Да, кажется, обнаруживается и способность выжить в экстремальной, небывалой по драматизму ситуации.

Ситуация, впрочем, созрела давно. И давно уже Надежда Яковлевна Мандельштам объяснила одному младшему современнику, каким это образом ей удалось выдержать самые "невегетерианские" времена. "*Мы никогда не теряли отчаяния*" - так она сказала. И как ни верти, совет не терять отчаяния звучит достаточно свежо. В том числе и по отношению к искусству.

Нынче к нему все чаще обращают призыв не будоражить нервы и без того осатаневшей публики. Взамен просят утешать и гармонизировать. Но ведь для этого художник должен почувствовать себя милосердным лекарем среди больных сограждан. Нормальным среди психов. Право же, не всякому, кто занимается искусством, свойствен такой вот **внешний** взгляд на своего читателя или зрителя.

Когда-то Михаил Зощенко в ответ на требования писать "художественно" и "возвышать" читателя отвечал, что с некоторых пор стало бессмысленно писать фразами типа "Вода в пруду почернела". Людей, способных это прочесть и адекватно воспринять, в стране не осталось. И Зощенко предпочел писать иначе, сознательно избрав в качестве **своей** среду маленьких "нервных людей", "уставших от грохота гражданской войны".

Кира Муратова в своем фильме примыкает к этой, условно говоря, "зощенковской" традиции, предполагающей умение, оставаясь собой, одновременно быть заодно с самыми дикими и многогрешными из своих героев.

И вот, стоя между экраном и залом в роли незадачливого ведущего, должен же я в конце концов заметить, что и зрители, отвергающие показанное им "серьезное кино", по-своему правы. Ибо могут ли они воспринимать его всерьез, если героиня "фильма в фильме" вдруг - глядите-ка! - сбросила мученическую маску и предстала в образе кокетливой и, кажется, вполне благополучной актрисы? Значит, все только игра?.. Ну и Бог с ней!.. Мне все это только еще предстоит почуять, а режиссер уже поняла, и мы с актрисой стали объектом ее печальной иронии. Впрочем, это и самоирония тоже. Ироническая рефлексия художника, чувствующего бессилия самого виртуозного искус-

ства перед загадкой безыскусной реальности. Отсюда и попытки Муратовой разрушить эту почти прозрачную, но роковую преграду между изображением жизни и самой жизнью, стремление нарушить эстетический политекс.

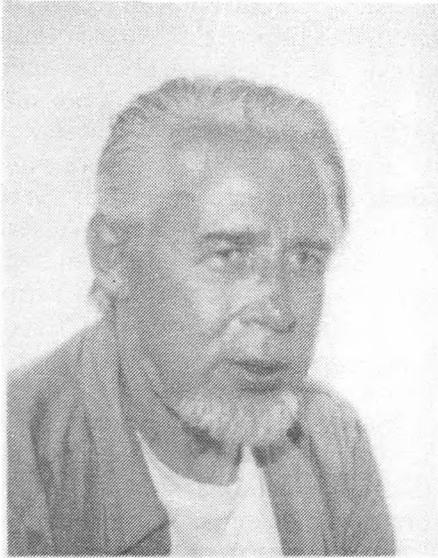
В наши дни есть тьма охотников шокировать зрителя. Но опять же: чаще всего для того, чтобы ввести в заранее определенное состояние, навести на заранее известную автору мысль. В "Астеническом синдроме" дело обстоит иначе. Тут шок - будь то пронзительная сцена в документально снятой живодерне или беспримерный по агрессивности эпизод матерной брани - не столько воспитательная акция, сколько способ прорвать полотно экрана, прорваться навстречу зрителям, сомкнуть объятие искусства и реальности.

Тут особенно хорошо видно, что этот фильм Муратовой, как и все ее прежние картины ("Короткие встречи", "Долгие проводы", "Среди серых камней", "Перемена участи"), - это кино "про любовь". На этот раз любви почти нет на экране, но все там происходит в ее присутствии. Именно отчаявшаяся, ненавидящая любовь автора к своим героям и зрителям заставляет наш взгляд метаться в сложной системе взаимоотражений между искусством и жизнью. Здесь ничто не окончательно. Изогранные по композиционному мастерству кадры намеренно близко и дисгармонично соседствуют с откровенным примитивом. Ключковатая документальность не растворяется в хоральном пафосе финала. Остаются двойственность, неравновесность, асимметрия...

Остается визуально не воплощенный, но духовно явленный образ автора. Автора, который не верит в возможность спасения и одновременно напряженно ее ищет. Который смиренно нисходит в преисподнюю, как свой среди своих, и в то же время жаждет сохранить собственную тайную, гордую свободу. Который любит и не знает, что делать с этой несчастной любовью. Который почти во всем сам с собой не согласен. Который отчаялся.

Но в этом-то, может быть, все дело. Будущее для нас, если и наступит, то, вероятно, только через жестокий кризис, через отчаяние, через острое ощущение конца, такое вот, как представлено в фильме Киры Муратовой.

...А я всего две или три минуты постоял между экраном и залом, между прошлым и будущим. Эпизод как будто был закончен, однако Муратова не торопилась останавливать включенную камеру. Тогда я беспомощно развел руками. Жест был неожидан для меня самого. Но режиссер, кажется, только его и ждала.

ИВАН МАРТЫНОВ

ПОТОНУВШАЯ РОССИЯ

О фильме С. Говорухина
"Россия, которую мы потеряли"

19 сентября с.г. Центром культуры эмигрантов из СССР был организован просмотр нового кинофильма московского режиссера Станислава Говорухина "Россия, которую мы потеряли", о котором в последнее время много писали и спорили в российской и эмигрантской прессе по обе стороны океана.

Сама по себе "сверхыдея" этого, безусловно, талантливо снятого хроникально-документального фильма предельно проста: Октябрьский переворот большевиков погубил могучую, процветающую, единую и неделимую Российскую империю, попавшую на семьдесят лет под ярмо алчных и беспринципных коммунистических хищников (от Ленина до Горбачева), которые привели ее в наши дни к тотальному духовному, политическому и экономическому краху, к набирающему все новые и новые силы центробежному распаду. Трудно было бы возразить против такого, блестяще проиллюстрированного языком кино вывода, если бы не определенные "акценты", щедро рассыпанные в тексте и подтексте сценария, а, главное, вольно или невольно подсказанные Говорухиным ответы на сакраментальный русский вопрос "Кто виноват?". По ним не трудно составить себе кое-какое представление о контурах Будущей России, которая грезится Говорухину и его единомышленникам.

Первой и главной приметой "потерянной России" для Говорухина остается принцип "единности и неделимости", географического величия Российской империи.

Правда, режиссер ставит вопрос "не в лоб" (это сейчас не модно), а косвенно, опосредованно, изображая картины бескрайних российских просторов и вызывая привычную реакцию: "Широка страна моя родная".

Надо признать, что сейчас все русские "государственники", от Егора Лигачева до генерала КГБ Александра Стерлигова, внешне смирились со старинной русской поговоркой "Насильно мил не будешь...", в тайной (и не очень тайной) надежде на скорое покаянное возвращение в лоно империи неверных, жалких и беспомощных без опеки Старшего Брата взбунтовавшихся "союзных республик". Заметим от себя, что по всем существующим статистическим данным число повторных браков после мучительных и скандальных разводов мизерно мало. Не лучше ли России смириться с нынешней ролью постимперской Великобритании или Испании на пороге превращения в Великое Княжество Московское размером с некогда великую, а ныне малую, хотя и успешно процветающую, нейтральную Австрию.

Излюбленная "славянофилами-государст-

венниками" говорухинского толка мысль о возрождении "Святой Руси" как некоей теократической, сакральной Империи "Народа-Богоносца", в отличие от "демонического" Запада, пронизанной сверху донизу высокими моральными принципами православного христианства (удивительно быстро рухнувшими после Октября 1917 года!), намечена в кинофильме только "пунктиром". Ведь она малопривлекательна не только для отпавших (временно?) западных католиков и восточных мусульман, но и для множеств "иностранцев" (татар, чувашей, бурятов, якутов) ныне здравствующей Российской Федерации. Кроме того, так ли светла Дорога к Храму (и к какому Храму?!), по которой намерены вести российский народ нынешние иерархи Русской Православной Церкви (и Украинской тоже) во главе с Патриархом Алексием II, как один избалованные в тесных связях с КГБ?..

В конечном итоге у Говорухина остаются в запасе только две персонифицированные славянофильские идеи: идея богобоязненного, человеческого и мудрого монарха, воплощенная в образе последнего российского Императора-великомученика Николая II, и идея сильного и решительного в борьбе с внутренними и внешними врагами своей Родины правителя-патриота в лице кумира всей "почвеннической" России Петра Аркадьевича Столыпина, естественного "предтечи" всех "суперменов" современной неоконсервативской Москвы, от Президента Бориса Ельцина до Владимира Жириновского.

Яркий, восторженный панегирик Николаю II, мягкому, доброму, интеллигентному человеку, мужественно принявшему свой мученический венец, правдив и убедителен, пока речь идет о личных качествах последнего императора из дома Романовых, но не о проводимой им внутренней и внешней политике. Равно как и убедительна попытка развенчания на экране "вечно живого" обитателя языческого Мавзолея, коммунистического Демидурга В.И. Ульянова (Ленина).

Мне довелось еще в 1979 году опубликовать в подпольном журнале "катакомбных" христиан "Община" (его редакторы - Александр Огородников и Владимир Пореш подверглись жесточайшим репрессиям со стороны КГБ) новые свидетельские показания о расстреле царской семьи, переданные мне нынешним начальником Главного управления архивами России Рудольфом Пихоя. Он был в то время профессором-историком Свердловского университета и близким к Ельцину человеком.

И я неоднократно выступал перед разными диссидентскими аудиториями задолго до говорухинского "катарсиса" с резким осуждением каннибальски жестокой расправы ленинских палачей с беззащитными, абсолютно ни в чем неповинными, хотя бы по своему юному возрасту, великими князьями и малолетним наследником рухнувшего престола. Думаю, что кровавая бойня в подвале Ипатьевского дома, безусловно, наложила свой символический (воздержусь от слова "мистический") отпечаток на всю последующую жизнь страны "Строителей Светлого Коммунистического Завтра". Именно с этого верстового столба следует начинать отсчет первых километров сатанинской дороги на Архипелаг Гулаг длиной в семьдесят кровавых лет. Даже антифеодальная Французская революция, обезглавившая последнего Капета и его жену, не замарала руки в крови малолетнего дофина, пусть впоследствии его жестокий "воспитатель" - пролетарий достаточно быстро загнал изнеженного барчонка на тот свет "естественным" путем. Россия и здесь превзошла всех в жестокости, но не в социальной эффективности своих "бессмысленных и беспощадных" бунтов.

Эта позиция позволяет мне, как и всем остальным выступавшим на обсуждении кинофильма, достаточно скептически относиться к Императору-великомученику Николаю II как государственному деятелю и полководцу, вспоминая "дело" Бейлиса и еврейские погромы, к которым русский царь относился, в лучшем случае, абсолютно равнодушно; позорно проигранную русско-японскую войну; "кровавое воскресенье" 9 января 1905 года, оттолкнувшее от престола рабочий класс; деспотические разгоны законно избранной российским народом Государственной думы; дворянское презрение к "третьему", торгово-промышленному сословию; сохранение всех архаичных привилегий чиновной бюрократии; "министерскую чехарду"; разгул черносотенных банд; безумную распутинскую вакханалию и т.п. и т.п. Заметим, что еще задолго до приезда Ленина в Петроград дела русской армии под командованием царя на германском фронте шли уже из рук вон плохо, а к октябрю 1917 года кайзеровские войска находились на расстоянии двух дневных маршей от Двины до столицы России.

Потерпев крушение надежд на "всемирную перманентную социалистическую революцию", Ленин и его преемники, вплоть до маразматика Черненко, упорно трудились над расширением своей коммунистической "Империи", отщипывая по кусочку где что плохо лежит (там

Выборг, там Кенигсберг, там Куба, там Вьетнам, там Эфиопия, там Ангола) от капиталистического "пирога", однако пару раз получили увесистые оплеухи от маленькой, но гордой и стойкой, "кондово" капиталистической Финляндии и окончательно выдохлись в роковом Афганистане, где каждый афганский мальчик, по местным повериям, рождается на свет с винтовкой в руке. Там ведь впервые затормозила свое триумфальное шествие и откатилась назад другая претендентка на мировое господство - Британская империя. А все потому, что они не читали или плохо читали моего любимого поэта-масона Редьярда Киплинга. Он это все уже давно предсказал.

Историки будущего обнаружат удивительно много общего в политической судьбе внешне, казалось бы, совершенно непохожих друг на друга двух харизматических лидеров "Белой" и "Красной" России периода падения ее имперского могущества - Николая Романова и Михаила Горбачева, со всей их немужской двойственностью, благими намерениями и неспособностью решительно выйти за рамки взрастивших их систем при чисто умозрительном понимании необходимости самых неотложных и радикальных реформ. И ведь Горбачев тоже в личной жизни довольно милый человек: не пьет, не курит, любит жену Раису и не гуляет "налево" с голливудскими сексбомбами, скромен и прост: за все свое президентство не наградил себя ни одним советским орденом, даже маршалом Советского Союза так и не стал...

К счастью для Горбачева и России, дача в Форосе не стала вторым Ипатьевским домом (а ведь могла стать, несмотря на все коварство ее обитателя и похабную опереточность августовского "путча"!), благо кровавая баня сталинского террора способствовала возникновению определенной корректности в отношениях между победителями и побежденными в жестокой борьбе разных "мафий" советских коммунистов за вождя и власть.

А Россия снова "во мгле"! И Нобелевская премия повесомее на банковском счету золоченой побрякушки с профилем незадачливого ниспровергателя капиталистической системы.

Не найдя искренних слов (а Говорухин, безусловно, по-своему, искренний человек!) во славу Николая II-политика, московский кинорежиссер теперь уже, можно сказать, традиционно обращает свой взор к давнему кумиру всей праворадикальной временной

российской интеллигенции. "Славянофилов-государственников", - к одному из премьер-министров (притом самых нелюбимых за недюжинный ум и независимость характера) российского Императора - Петру Аркадьевичу Столыпину. Важнейшей заслугой последнего, что наглядно продемонстрировано в фильме, была своеобразная земельная реформа - продолжение и следствие антикрепостнической "революции" сверху деда Николая II - Императора Александра II. Вспомним, что это была первая и пока что единственная в России реальная попытка насадить дугорские, фермерские крестьянские хозяйства капиталистического типа за счет переселения малоземельных крестьян центральных областей на пустующие земли за Уралом.

Примечательно, что почти сто лет спустя новый кандидат в Столыпины - Борис Ельцин и его "гайдаровская команда" (хотя дедушка-чекист А.П.Гайдар до того, как стать детским писателем, славился кровавым подавлением крестьянских восстаний) никак не решаются повторить смелый эксперимент своего предшественника. И это при наличии в переизбытке пустующих земель даже там, откуда люди раньше переселялись на Восток. Большевики-ленинцы были готовы ради захвата власти принять любой, самый радикальный "закон о земле". Недаром они украли его у эсеров (как верно напомнил собравшимся историк Е.Новицкий). Другое дело, что закон этот тут же был втиснут в грязь. Российские реформаторы наших дней слишком хорошо понимают, что реальная потеря государством монополии на владение землей означает окончательную и бесповоротную утрату его командных позиций в области экономики, рост деловой самодеятельности самых широких масс за счет сужения сферы власти коррумпированной, ленивой, неэффективной постсоветской бюрократии. А может быть, Борис Николаевич тоже побаивается своего будущего "Богрова", заботливо лелеемого в чекистских недрах ведомства академика Примакова?..

Я не хронометрировал соотношение кадров фильма, рассказывающих о столыпинских переселенцах, с грозными репликами режиссера за кадром о жестокой борьбе "невинноубиенного" премьер-министра против врагов николаевского режима - революционеров всех мастей (слава Богу, живописных сцен их казней не показали, этого добра мы уже накушались до отвала в "доперестроечные" времена!). Честно говоря, восторженные панегирики Говорухина "столыпинским галстукам" (виселицам) и

"столыпинским (арестантским) вагонам" произвели на меня, как и на всех собравшихся, достаточно тягостное впечатление. Особенно сейчас в суровые для России дни, когда постоянно маячащая на горизонте угроза новой кровопролитной гражданской войны (пострашнее Карабах и Приднестровья) побуждает к проповеди "всепрощения" и "национального примирения" далеко не сентиментальных хозяев Белого Дома на Москве-реке. И даже Владимир Жириновский и Дмитрий Васильев открыто не призывают к строительству новых концлагерей и массовому уничтожению своих политических противников. "Жидомасонов" предпочитают пока обирать до нитки и гнать в шею "в ихний" Израиль, а не строить им бараки на Новой Земле.

Гнетущее впечатление от фильма усиливается назойливым повторением ернического русского вопроса "Кто виноват?", за которым легко угадывается старший "джентльменский" набор этих "виноватых". В отличие от своих союзников справа (будем называть вещи своими именами!), Говорухин не опускается до "пещерного" антисемитизма покойного бандита Осташивили и благополучно здравствующих Дмитрия Васильева, Александра Баркашова, Александра Проханова, открытого нациста Виктора Якушева и иже с ними (см. о них статью в газете "Россия", 17-23 июня 1992 г.). Однако "Протоколы Сионских Мудрецов" постоянно маячат за кадром в дотошном перечислении еврейских предков (о его чувашских предках - мельком!) Антихриста-Ленина, в набившем оскомину поминании всех "негативных" еврейских фамилий в истории России. Объективности ради, кинорежиссер упоминает вскользь о первых борцах против большевистского террора - беспартийном студенте Леониде Каннегисере (старом герое моих статей), убившем кровавого палача "красного" Петрограда Моисея Урицкого, и стрелявшей неудачно в Ленина эсерке Фаине Каплан. Однако ни предложение переименовать Гороховую улицу в улицу Каннегисера, ни идея поставить бюст Каплан на пьедестале низвергнутой толпой москвичей после августовского "путча" статуи цареубийцы-Свердлова из этих кадров никак не вытекают. Режиссеру фильма явно милей родные славянофильско-государственнические "столыпинские галстуки", чем террористическая активность народных мстителей. Казнить тоже нужно планомерно и по списку (как при Столыпине, при Ленине и при Сталине), с соблюдением всех бюрократических процедур, а не когда кому захочется.

Личные взгляды Станислава Говорухина, активного члена праворадикального "Русского национального собора", куда, наряду с его шефом - "мятежным" генералом КГБ Александром Николаевичем Стерлиговым, входит весь цвет "почвеннической" интеллектуальной России - Никита Михалков, Валентин Распутин, Татьяна Корягина и др., являются в конечном итоге его частным делом. Каждый гражданин демократического государства вправе не любить евреев, масонов, манную кашу, бейсбол, Папу Римского или Билла Клинтона. К сожалению, кинофильм Говорухина - это не просто некое произведение новейшего российского кинематографического искусства - спорное, талантливое (чего стоят, например, "реплики" простых русских старух, на своем хребте тащивших всю жизнь тягло подло обобравшей их советской власти!) и политически острое, а правоофициозный агитационно-пропагандистский "боевик", эдакий "Ленин в Октябре" навыворот, призванный формировать по городам и весям все еще необъятной российской земли определенные политические взгляды, симпатии и настроения. Можно не сомневаться, что не только закаленные в боях с "международным сионизмом" члены пресловутого общества "Память", но и бесчисленные националистические, национал-коммунистические, фашистские и монархические группы и группки легко прочитают подтекст (бывшим советским людям не привыкать к чтению подтекстов) "Потерянной России", но и примут его как руководство к действию. И чем талантливее сам по себе этот фильм (вспомним, например, "Ивана Грозного" Эйзенштейна), тем более пагубных можно ожидать от него последствий во вторую голодную и холодную зиму возрождающейся из небытия демократической России, утратившей свои мессианские всепланетные иллюзии и амбиции. Народ, страна, а тем более Империя на подъеме (как метко отметил еще в XVIII веке великий английский историк Эдуард Гиббон) всегда готовы приобщить к своему триумфу всех волонтеров "со стороны", невзирая на их веру, национальность и другие формальные признаки. Вспомним Иосифа Флавия, Христофора Колумба, многих сподвижников Петра I, иностранных героев Войны за независимость США. Однако в период упадка все начинают искать виновных, естественно, кроме самих себя. В этом случае каждый "чужой" мнится априорно врагом, не говоря уже о традиционно "чужих" во всем мире (кроме

государства Израиль), вечных "возмутителях спокойствия" обывателей всех стран - евреях. Это необходимо помнить, не попадаясь на удочку рафинированной интеллигентности и высокого профессионального мастерства Станислава Говорухина.

Русская оппозиционная мысль "справа" и "слева" всегда была сильна своей обличительной, расшатывающей ненавистный народу строй, сугубо негативной программой, однако практически ни разу не предложила никаких оригинальных и новаторских позитивных идей. Последние неизменно сводились либо к реанимации "старых", "добрых" порядков языческой Руси, допетровской России, модернизации империи Романовых и т.п., либо к корыстной и бездарной эксплуатации лево-радикальных течений западноевропейской социальной мысли, "подстриженного под горшок" политизированного масонства, - русифицированного марксизма, анархизма, легко переходящего в мафиозный беспредел.

Как ни удивительно, все поистине великие реформы в жизни России зарождались только в ее "высших эшелонах" власти (Петровские Реформы, Великая Реформа Императора Александра II, безуспешная борьба против сталинской "коллективизации" Н.И.Бухарина и его единомышленников, куцая хрущевская "десталинизация", мирный демонтаж "Империи Зла" под руководством М.С.Горбачева и пр.). Или в среде полузабытых, большей частью "провинциальных", калужских, рижских, курских, иркутских, саратовских "мечтателей" и чудаков (вспомним Н.Ф.Федорова, К.Э.Циолковского, Н.К.Рериха, И.А.Ефремова и десятков других Светлых Учителей Человечества), чьи имена еще только робко всплывают на поверхности Реки Леты, чей Великий Космический Час еще не пробил.

В этой связи хотелось бы верить, что после "Ленина в Октябре" и "России, которую мы потеряли" нам еще доведется увидеть на экранах всех стран мира правдивые и высокохудожественные кинофильмы об истории хрупкой Российской Демократии (от Новгородского Веча до подвижнической деятельности академика А.П.Сахарова), о российской интеллигенции, с ее

фантастическими взлетами духа и неискоренимыми генетическими пороками, о русском Просветительском Масонстве (со времен Н.И.Новикова до Маклакова, Алданова и Осоргина), об огромном вкладе еврейского народа в российскую экономику и культуру с петровских времен до наших дней и о дальнейших перспективах естественного союза Великих (не по численности и географической территории!) российского и израильского народов, народов-мучеников, народов-творцов.

Только тогда нам не будет страшно попытаться заглянуть в таинственное Завтра такой невероятно жестокой, такой цинично несправедливой к своим рассеянным по всему миру детям и все-таки родной ее пасынкам России. А "Потерянная Россия" Николая Романова и Петра Столыпина, Владимира Ленина и Иосифа Сталина навсегда потонула в реках пролитой крови, и едва ли нужно поднимать ее говорухинскими кессонами со дна Океана Времени. Лучше срочно, не теряя ни одного дня, деятельно (не по-русски, вразвалочку!) и творчески (прислушиваясь к словам мудрых заморских учителей, но и не полагаясь целиком на них!) строить Новую, вобравшую все лучшее в ее тысячелетней истории Великую Духом Страну. Именно Духом, ибо материальное благосостояние пришло к богатым швейцарцам, богатым шведам, богатым американцам как награда за духовную стойкость в защите своих гражданских Свобод, за трудолюбие, социальную динамичность, открытость новому. Вместо жалкого и набившего оскомину антисемитизма сегодняшним русским стоило бы всерьез призадуматься о чудесной судьбе еврейского народа, сохранившего Душу живую и награжденного Чудом Национального Возрождения - Израилем - после тотальной двухтысячелетней (притом, не первой!) Диаспоры. У России нет другого пути в будущее!...

Вот о чем говорили и к каким выводам пришли, если суммировать и развить все сказанное ими, выступавшие после просмотра кинофильма Белла Езерская, Иван Мартынов, Евгений Новицкий, Георгий Самойлович, Лидия Тартаковская, Лариса Шенкер и др.

С. Лебедев Зимой в деревне (1985)

А. ГАРБУЗ

«САРЫ БИЯ»: НОСТАЛЬГИЯ ПО ЦЕЛЬНОСТИ¹⁾

Статья уфимского исследователя А. Гарбуза о башкирской выставке современной живописи привлекает внимание широтой взгляда, умением сопрягать явления разных видов искусства и литературы, энциклопедизмом мышления. Благодаря этому его своеобразное эссе выходит за рамки конкретных наблюдений и поднимает общие проблемы философии, эстетики, бытия.

I. Вертикаль, или Провинция в идеале

Золотисто-огненная, похожая на игрушку лошадка, - то весело скачущая, то стреноженная, то запряженная в покосившуюся от времени и груза телегу, - все это суть различные модификации ключевого образа, пронизывающего празднично-карнавальным мир художников "Сары бии".

Шлейф ассоциаций, образуемый этим "многоликим" символом, исторически памятен и восходит к языческому культу коня, сохранившемуся в верованиях разных народов.

С пушкинского "Медного всадника" в русской литературе конь стал символом России, ее неудержимой устремленности в будущее. При этом сам символ трактовался по-разному - в зависимости от философско-эстетических взглядов автора. Ясно, например, что символика фальконетовского памятника отличается от реальности чичиковской брички, а созданный на рубеже веков культ Красного коня означал совсем иное, нежели апокалипсический "Конь блед" Брюсова.

Последняя эмблематическая пара охватывала целый комплекс важнейших для России проблем, связанных с про-

¹Сары бия. "Желтая лошадь". Выставка произведений башкирских художников. Живопись. Москва. 1991.

тивопоставлением Запада и Востока, стихии и культуры, народа и интеллигенции. В творчестве большого художника природа и история нередко отождествлялись, революция представлялась восстанием стихий, и тогда возникал вопрос: "кто всадник и кто конь?" (В.Хлебников).

"Небрежно кэпстеном дымя", посл оду богатырскому русскому народу Василий Каменский, но вот "взнуздан багряных кобылиц" победивший пролетариат. "Стойло Пегаса" было немедленно реквизировано, а двусмысленность футуристического "Танго с коровами" сменилась однозначной псевдонародностью социалистического неоклассицизма. Успешно стиралась грань между городом и деревней, и красногривый жеребенок был принесен в жертву новому богу - стоящему под парами бронепоезду.

Но оставалась российская провинция с ее тягучим временем и причудливым смещением разнородных культур. Жизнь здесь как бы застыла в своем первоначальном измерении, и человек еще продолжал ощущать свою связь с природой. Именно отсюда, из провинции, в начале XX века явились художники, чьи дерзкие по тому времени творческие искания чрезвычайно обогатили национальную тему России и во многом предопределили пути развития отечественной и шире - мировой - культуры. Напомню в этой связи имена Хлебникова, Бурлюков, Крученых, Ларионова, Малевича, Шагала, Сарьяна. И список этот нетрудно продолжить.

Однако блестящая попытка русского авангарда синтезировать национальные традиции и новейшие открытия западной живописи была грубо пресечена, а творения художников надолго упрятаны в сырые запасники столичных и областных музеев. Но стихи и репродукции картин новаторов "ходили по рукам", их читали, разглядывали, о них спорили, им подражали. И нужно было время, чтобы тихий протест против безликого соцреализма обрел зримые очертания - в столь неожиданных для вконец отупевшего зрителя формах. В Москве, Ленинграде, Сибири и на Урале возник "Undergraund", мощно заявивший о праве художника на свободу самовыражения. В Башкирии рупором этих идей стала группа "Сары бия", объединившая тех живописцев, которые не пожелали пасть безвестными жертвами художественного Шариата.²

²"Жертвы Шариата" - название картины башкирского художника Р. Нурмухаметова, пытавшегося решить национальную тематику в рамках социалистического реализма.

И вот ожила, сбросила с себя бремя многолетней покорности озорная лошадка, заголосили петухи, замычали тучные коровы, и запахло дымком затопленных в избах печей. Представители различных национальностей, художники "Сары бии" создали свой красочный, увиденный сквозь призму "классического" авангарда мир, где в едином звучании слились цветочная экспрессия Наиля Латфуллина и Мираса Давлетбаева, восточные мотивы Дамира Ишемгулова и Исмаила Газизуллина, крестьянский пир Михаила Назарова и лукавые, словно сошедшие с традиционных народных картинок, персонажи Николая Пахомова и Станислава Лебедева. Примирительницей всех существовавших и существующих в мире противоречий выступает здесь земля-мать, человека возраставшая и кормящая. Потому и преобладают в работах художников кряжистые люди земли, почти физически ощущающие свое притяжение к первооснове. Это единство духовного и плотского, дарованное природой человеку "естественному", лишено какого-либо героического ореола, но явлено нам в своей обыденности, что подчеркнуто самими названиями работ: "Деревенские будни" С. Лебедева, "Тимур и Мишинур" М. Назарова, "Старик" И. Газизуллина, "Разговор", "Баба Анисья" Н. Пахомова, "Возвращение с снокоса" Д. Ишемгулова и др.

Очевидно, что объединяющий группу лозунг "назад к природе" порожден тем печальным явлением, которое принято сегодня называть "экологической проблемой", точнее - ее нравственной и социально-эстетической стороной (конкретнее об этом см. ниже). Современное общество стремительно порывает последние связи с природой. Возомнивший себя безраздельным хозяином земли человек оказался в трагикомической ситуации "неузнавания", тогда как все сущее в разнообразных своих проявлениях напоминает ему о родстве, побуждает его к осознанию этой общности. Подобное утверждение одноприродности человека и окружающего мира (знакомое уже русской культуре XIX - нач. XX вв.) и легло в основу циклов работ Лебедева ("Дрова пилят", "Морозный день", "Воскресенье", "Красный ключ"), Ишемгулова ("Утро, день, вечер", "Грани", "Летний полдень"), Назарова ("Портрет М.А.", "Женщина в зеленом", "Базар с гусями"), Газизуллина ("Окраина", "Весенние хлопоты", "В саду"), Давлетбаева ("Женщина с коромыслом", "Игра"), Пахомова ("В деревне", "Двое", "Весна").

С убедительной, почти плакатной

иллюстративностью воплощен этот принцип в "Архаичном мотиве" Пахомова: сидящий в телеге маленький человечек (травестийный образ зазнавшегося "царя природы"), лихо свесив ногу, правит тяжело ступающей огромной лошастью. Переднее колесо телеги вывернуто при этом перпендикулярно движению, и нетрудно догадаться, что произойдет через мгновение с возникшим.

Тема неприятия современной цивилизации нашла отражение и в декларативной работе того же художника "Трактор". Сюжет ее прост: зловещий темно-синий "стальной конь" наступает на глиняную гору. Однако любопытна здесь оппозиция двух образов-символов, взятых из разных культурно-исторических контекстов: трактора - "стального коня", прямо восходящего к новокрестьянской поэзии 20-х годов, и горы, с образом которой связана давняя фольклорно-мифологическая традиция. Древнерусской миниатюре известны так называемые "лещадные горки", где они являлись символом природы, знаком того, что действие происходит вне города. Впрочем, о них еще пойдет речь.

Жизнеутверждающее начало, свойственное всем художникам "Сары би", обусловило обращение к стихии фольклора - лубку, вывеске, иконе и игрушке. Живописцев привлекает лаконичный язык примитива: существенные черты изображаемого предмета, освобожденные рукой мастера от случайностей, выделяются, подчеркиваются, становясь более значительными. Изображение персонажей занимает на плоскости то положение, при котором полнее выражает происходящее действие. Подобная тактика лежит и в основе детского рисунка, привлеченного в свое время будетлян. "Красота только в стройности простых сочетаний форм и красок, - писал в 1913 году Александр Шевченко. - Изысканная красота граничит с мишурной вычурностью рынка - продуктом развращенности вкусов толпы."³ Характерный для примитива свежий, удивленно-наивный взгляд на мир противостоит как современной "машинной" культуре, так и сусально-лампадной "народности" художников-национал-патриотов. Что же касается нашей группы, то здесь ощутимо стремление ее участников не стилизовать свои работы под примитив, но внутренне слиться с его духом. И это выгодно отличает "Сары бию" от красивенького "валютного" псевдоавангарда.

Влияние фольклора особенно сильно

М. Назаров Пейзаж с колодцем (1964)

сказалось в работах Назарова, Пахомова, Лебедева и Газизуллина. Опора на народную традицию является, пожалуй, важнейшей чертой их художественного мышления. При всем различии художников в трактовке исходного материала неизменным остается основной конструктивный принцип: преобразование и синтез элементов фольклора (преимущественно городского низового) с приемами западно-европейской и отечественной живописи.

Следуя фольклорной эстетике, Назаров и Пахомов избегают всякой литературности, преодолевают художественный индивидуализм, создают не характеры, но типы. Сознание художников словно сохраняет память о прошлом, и потому изображаемые ими события - деревенские будни и праздники, сценки из провинциальной жизни и т.п. - в ряде случаев даны вне конкретной исторической эпохи. Их тяжелые, будто вытесанные из дерева, мужики и закутанные в платки бабы - обычные, земные люди, неотделимые от своих национальных основ, и одновременно нечто вечное, искони присущее человеку как таковому. Иллюстрацией сказанного может служить работа Назарова

³Шевченко Александр. Нео-примитивизм. Его теория. Его возможности. Его достижения. М., 1913, с.9.

"Семена разные", где использован древнейший символ обновления и возрождения жизни. "Семена" - это не только плод и семя злаков - это и "сеятели", люди разные по ликам и обычаям, но единые по своей природе.

Стремлению художников выявить общечеловеческие константы отвечает и система изобразительных приемов. Выше уже упоминалось о лещадных горках, функция которых в древнерусской миниатюре не ограничивалась обозначением природного фона. Лещадные горки служили и средством разделения миниатюры на отдельные изображения, позволяя при надобности сократить число фигур или сцен. Этот прием был знаком авангардистам-"классикам", трансформацию его можно видеть и в живописи художников "Сары бии". И там, и здесь "лещадные горки", наряду со сдвигами и обращением к сферической перспективе, служат способом синхронного изображения разновременных явлений, вносят ощущение переключки времен, что совершенно невозможно при реалистическом подходе с его четкой пространственно-временной локализацией изображения. Создаваемая таким образом возможность панорамного охвата событий как бы останавливает время, растворяет его в пространстве холста и в конечном счете позволяет выявить изначальные качества, идеалы человека. В понимании наших художников, это прежде всего ощущение сопричастности миру, людям, тяга к земле и очагу. Не случайно в замечательной "иконописной" композиции Лебедева "Я и мои герои" запечатленный в центре автор обрамлен своеобразными "клеймами икон", в которых изображены уже известные нам персонажи. Символика креста закрепляет мысль о художнике как медиаторе, хранителе памяти и традиций коллектива.

Однако если в работах Лебедева, Ишемгулова и Давлетбаева еще слышны антропоцентристские нотки, то Пахомов, Назаров, а в последнее время и Газизуллин более тяготеют к "язычески" цельному миропониманию. Показательны в этом отношении две работы Газизуллина: "Похороны Гариф Бикбая" и "Чаепитие" - созданные здесь образы насыщены, обобщены и приближены к символическому толкованию явлений. В обеих работах лейтмотивом проходит закрепленная в живописной пластике мысль о вечном возвращении, и трагедийная перспектива "похорон" преодолевается утверждением новой жизни человека и природы.

Шаг к мифотворчеству сделали Назаров и Пахомов. Подчас кажется, что работы их выполнены в эскизной манере, слишком поспешно. Но зритель, внимательно ознакомившийся с творчеством этих близких по духу живописцев (Назаров и Пахомов долгое время работали вместе в мастерской А. Э. Тюлькина), не может не увидеть и другое: множество их картин, оставаясь вполне законченными произведениями, одновременно представляют собой некие заготовки, фрагменты единого, еще не написанного полотна. То, что у Газизуллина является приемом, у Назарова и Пахомова становится чертой творческого метода. Найденный художниками тип репродуцируется из работы в работу, в результате чего образы людей и окружающих человека предметов перерастают в цельную образную картину мира.

Мысль о единстве мира легла в основу работы Пахомова "В башкирской деревне". Все здесь залито животворящим солнечным светом: и лукаво-добродушная физиономия персонажа, и аккуратный маленький домик, и отражающий

С. Лебедев Весна идет (1985)

зелень сарай. Ритмическим повторением деталей и линий изображенных объектов устанавливается внутренняя связь живого и неживого, органического и неорганического. И человек, эту связь ощущающий, уподобляется личинке, вырастающей из кокона-дома, а само жилище становитсяместищем "накопленного предками тепла" (выражение Хлебникова).

Таковы вкратце основные особенности творческого мышления художников "Сары бий". Особенности, составляющие "вертикальный" аспект поставленной проблемы.

II. Горизонталь - "на наш личный взгляд"

"Горизонтальный" аспект предполагает рассмотрение работ в свете сегодняшней провинциальной действительности. Причем, в соответствии с преобладающей творческой установкой художников на изображение "человека естественного", провинциального, речь должна идти не об Уфе, Тамбове или Чистополе, а о провинции как таковой. Но, говоря о провинции, следует, по-видимому, иметь в виду, что здесь, как в фокусе, сошлись все противоречия нынешней сумбурной жизни страны. То, что в столице либо не замечается, либо воспринимается как случайное, незначительное, в провинции немедленно становится значимым, закономерным. Поэтому события в глубинке часто развиваются по законам фантастического реализма, что и побудило художников - Назарова, Лебедева и Пахомова - к поискам адекватного выражения бурлескной действительности.

Современная российская провинция - это густая сеть мельчающих деревень, рабочих поселков и небольших городов, группирующихся вокруг своей губернской столицы. Из всех сил стремясь походить на Центр (и одновременно отталкиваясь от него), "столица" являет собой некий норматив, определяющий социо-культурную структуру соподчиненных территориальных образований. Каждая столица непременно должна иметь местного героя, ну, хотя бы затем, чтобы посвящать ему стихи, поэмы, воздвигнуть ему памятник, у подножия которого могла бы собираться прогрессивная общественность каких-нибудь Угрызово или Талыблов. Вот и восседает на бронзовом коне сменивший почитаемого некогда ангела-хранителя города легендарный Угрыз Талыблы⁴, с прутковской многозначительнос-

тью вглядываясь в строящийся невдалеке банно-прачечный комбинат (Пахомов: "Вечером, у памятника!").

Здесь живут гениальные поэты, виднейшие ученые и просто исключительно талантливые люди. Есть в Большом городе и свой университет, а в нем - своя губернская знаменитость, решительно, в духе шукшинского Глеба Капустина, "срезающая" любых оппонентов. Стоит ли говорить, что терзаемая комплексами уездная интеллигенция внимает этой олицетворенной мудрости с благоговением и суеверным ужасом (Пахомов: "Оракул", "Искушение").

Однако городская культура не отличается четкой пирамидальностью - от "жречества" к массам. Скорее она напоминает сшитое из разноцветных лоскутков одеяло. Безукоризненно работающий здесь закон землячества открыл вчерашним скотникам и дояркам широкую столбовую дорогу в науку, искусство и управленческий аппарат. И уже не режет слух "язык трамвайных перебранок", на котором живо изъясняются врачи, учителя школ и преподаватели вузов, не удивляет их дремучая безграмотность и категоричность. Из родного уголка вынес мужик страсть ко всему экзотическому, непонятному и потому особо престижному. Сверхъестественными, почти тотемическими свойствами наделяются им вещи, подчас самые неожиданные - кроссовки "Adidas" и двухтомник Цветаевой, песенки Аркаши Северного и репродукции картин Босха, музыка Вивальди и слово "монтана". "Наши" были всюду. Обосновавшийся в парламенте Шариков открыл для провинциала чарующий своей загадочностью лексический набор: "консенсус", "менеджмент", "тандем" или наконец-то дозволенное "на мой взгляд" (мгновенно преобразованное здесь в "на наш личный взгляд"). И вот, к примеру, "Уфимская неделя" (1991, No 40 (894)) торжественно объявляет об услугах местного кооператива "в сфере консалтинга, контроллинга и аудита". Чем не иллюстрация к стихотворению Александра Левина "В зеркале прессы":

В огромном супермакете Борису Николаичу
показывали вайзоры,кондометры,гарпункели,
потрясные блин-гюнкены, отличные фуффлоеры,
а также джинсы с тоником, хай-фай и почечуй.

⁴Персонаж заимствован у А. Крученых.

В чудовищном потоке косноязычия эти слова звучали "по-ученому" красиво и стали для люмпена столь же привлекательными, как золотой перстенок на безымянном пальце каждого уважающего себя циркового администратора. Будучи явлением языка, косноязычие как-то соотносилось с окружающей действительностью и, стало быть, отражало его сознание, становилось проекцией его мира на плоскость языка. Возникла вторая, третья и т.д. действительность - параноидально-олигофренический мир с калейдоскопически переливающимися картинками реального и воображаемого.

Бурная духовная жизнь столицы ощутимо воздействовала на формирование культурного облика ближайшей глубинки. "Стихийные люди" уже не валили толпами в церковь или на концерты художественной самодеятельности, а задумчиво попыхивая "Фениксом", сидели в просторных коттеджах у экранов цветных телевизоров. Доносившиеся из сараев бляющие козы и призывное мычание просящей дойки коровы были столь же привычны, как и привнесенная городом официальная культура, явленная в многочисленных плакатах, проповедях парторга и ритуалах поднятия флага (Лебедев: "Ты куда, сука!". Пахомов: "Рахим итэгез". "Скучно, б..."). Эта "наглядная агитация", обязательная для каждого поселка, райцентра и деревни, была предметом вождления мечтающих о заработках художников. Здесь, "на халтурах", черпали многие из них впечатления от родной природы, знакомились с культурой и бытом все более мутационирующего села.

Между тем незамысловатый спектр развлечений сельского клуба явно не выдерживал конкуренции с транслируемыми по телевидению праздничными хит-парадами. "Быт или не быт?" - затравленно озирался по сторонам молодой деревенский Гамлет и, махнув рукой, уезжал в Большой город - к красочным рекламным "прохлодительным напиткам" и "видиотек".

Несоответствие между официальной культурой и реальностью, сопровождаемое не всегда осознанным, но достаточно упорным стремлением народа к сохранению своих обычаев, порождало особую, карнавальную атмосферу провинциальной жизни. Чья-то дерзкая рука "реставрировала" по ночам плакатных молодежь, демонстрировавших единство партии и народа, - к их фигурам пририсовывались хотя и естественные, но вовсе не обязательные для такого случая органы. Со знанием и любовью нарисованные объекты дублировались надписями, органично сочетав-

шимися с призывами к единению и миру. Зрелищные формы этого фольклора дополнялись словесными жанрами (анекдотами, пародиями, частушками-небылицами и др.), а также теми специфическими явлениями, которые в литературе именуют фамильярно-площадной речью. Причем характер этой замысловатой речи, как и в древних смеховых культах, был амбивалентным: снижая и умерщвляя, она одновременно возрождала и обновляла.

Как бы ни относиться к подобным проявлениям "низовой" культуры, несомненно одно: они являлись формами выражения народного мироощущения и традиционно находились на границе между искусством и жизнью.

К этой стороне народной жизни и обратились наши художники - Назаров, Пахомов и Лебедев. Обращает на себя внимание сфера приложения каждого из них: подеревенски рассудительный Назаров всецело поглощен жизнью села, иронично-добродушный Пахомов отдает предпочтение "средней" глубинке - райцентрам и маленьким городкам, решительный, темпераментный Лебедев стремится запечатлеть пеструю смесь разнородных явлений "столичной" культуры⁵. Языком, способным наиболее полно и ярко запечатлеть современную им подчас трагически-гротескную действительность, понятно, оказался лубок, обладающий громадной силой выразительности:

В половинчатых шляпах
Совсем отемневшие
Горгона с Гаргосом,
Сму-у-тно вращая inferнальным умом
И волоча чугунное ядро,
Прикованное к ноге,
Идут на базар,
Чтобы купить там
Дело в шляпе
Для позументной маменьки.
Мормо!
Их повстречал
Ме-фи-ти-ческий мясник Чекунда
И жена его Овдотья -
Огарантированные ручки, -
Предлагая откусать гольшей:
Дарвалдайтесь! С чесночком!
Вонзите точеный зубляк
В горыню мичушлу,
Берите кузовом!

(А.Крученых. "Воронья осень")

⁵Разумеется, подобное "топографическое" разделение интересов художников носит здесь чисто условный характер, у того же Лебедева много "деревенских" работ, а Назаров иногда обращается к теме города.

Как все искусства фольклорного типа, лубочная картинка разыгрывается зрителем, приглашает его вмешаться, принять участие в изображаемой ситуации. Эта игровая природа примитивистских жанров, дерзостная динамика, свободная от светских условностей и пуританской морали, особенно характерна для творчества Пахомова. Его гротескно-эксцентричные образы ошарашивают зрителя подчеркнутой инфантильностью, неуклюжестью и порой кажутся пародией на плакатных "тружеников села". Наивно-лубочное прекраснотушие персонажей, запечатленное им в провинциальных сценках, воссоздает атмосферу остановившегося здесь времени. ("Миша пошел в магазин", "В интерьере"). Крайняя вольность языка - лаконизм рисунка, приемы снижения и "занозистая", по-крученыховски "дырбулцилистая" фактура - великолепно передает грубоват-

то-чувственную натуру деревенского жителя и его "упругий" язык ("Двое", "Разговор", "В деревне"). Используя фольклорный принцип заострения характера, художник обыгрывает предмет изображения, утрирует его телесность. Прием этот не чужд и Лебедеву ("Гуляй, Ванька!", "Зимой в деревне"), однако гораздо чаще используется Назаровым ("Застолье", "Трудовики" и др.).

Гиперболизация материально-телесной жизни, преобладающая в работах Пахомова и Назарова, - не просто иронический прием. Преувеличение это утверждает неразрывное единство всех сфер человеческой жизни - космического, социального и материального - и в этом своем качестве восходит к образной системе народной смеховой культуры. Говоря о положительном, утверждающем характере материально-телесного начала в гротескном реализме, М. М. Бахтин подчеркивал, что оно

И. Газизуллин Весна (1987)

"воспринимается как универсальное и всенародное и именно как такое противопоставляется всякому отрыву от материально-телесных корней мира, всякому обособлению и замыканию в себя"⁶. И не столько о влиянии экспрессионизма можно говорить применительно к Назарову и - особенно - Пахомову, но об обостренном чувствовании художниками того "веселого ужаса", который, по пронизательному замечанию Блока, "сидит в русской душе".

Назаров и Лебедев активно, но по-разному используют восходящий к религиозной живописи (миниатюры, клейма икон) прием "изображения" слова. Так, в работе "Учитесь стрелять" Назаров воспроизводит типичные приемы райцентровских будней - излюбленный им тир, запряженную в повозку лошадь, базар, покосившийся домик. Прямое изображение здесь неполно - вместо некоторых объектов даны их словесные эквиваленты-надписи, сосуществующие с вывесками и характерными для глубинки и столь же бессмысленными для селян призывами: "берегите животных", "от пожара", "учитесь стрелять" и т.д. Это часто встречаемое в районах идиотическое дублирование предметов и явлений реальной действительности их формальными знаками ведет, по мысли художника, к отчуждению человека от природы в мире современной квазикультуры⁷. Ту же идею утверждает и центральное противоположение ключевого образа "тир" (символ агрессии) лозунгу "берегите животных".

В свое время П.Филонов противопоставлял "глазу видящему" "глаз знающий". И Назаров, родившийся и долгое время живший в селе, прекрасно знает подлинную крестьянскую жизнь. В поражающей охватом материала работе "Житье-бытье Зинки Пустыльниковой" художник воссоздает широкую картину уходящей деревни. Сюжета как такового здесь нет, плотью повествования является речевая стихия, взаимодействие голосов персонажей и голоса природы, воплощенного в зримых образах и приметах крестьянского мира. С этой целью Назаров расчленяет живописную поверхность на отдельные эпизоды-картинки.

⁶Бахтин М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1965. С.24.

⁷Любимцающей параллелью, а точнее, логическим завершением отображенной художником реальности стало ежегодно публикуемое в "столичной" прессе обращение: "Горожане! Судьба урожая в ваших руках!".

И. Газизуллин Старик (1987)

вводит в ткань произведения надписи, детские рисунки, обрывки газет. Названия трав, письма, различного рода "настенные послания" (воспроизведенные художником с сохранением диалектных особенностей) и другие мельчайшие детали деревенского быта - все это, включенное в один смысловой ряд, создает целостный образ народной жизни. Таким образом, картина приобретает эпическое звучание, становится циклом мини-рассказов о бытии простой деревенской женщины.

Лебедев, как уже говорилось, стремится отразить процесс взаимодействия различных уровней культуры и жизненного уклада провинциального города. Решение столь нелегкой задачи требовало синтетического подхода, сочетающего поэтику авангарда и элементы фольклора. И Лебедев этот синтез осуществляет. Вполне оправданны у него приемы иконописи, лубка или идущий от

кубизма принцип взаимопроницаемости и динамического смещения объектов - блеющей, лающей, мычащей живности, заводских труб, афиш, церквей или дорожных знаков ("Райцентр", "Русь", "Белое пространство"). Нередко цельное изображение уступает место сумме зрительных ассоциаций, из которых и возникает знакомый городской пейзаж ("В старом городе", "Закат"). Но если Назаров уравнивает ассоциации в "смысловых правах" для утверждения относительности высокого и низкого в народной эстетике, то Лебедев, используя тот же, в сущности, конструктивный принцип, моделирует саму специфику провинциального, "пост-модернистского" мировидения: множественность реальных и "цитатных" миров сосуществуют в едином смысловом пространстве. Многомерное повествование разворачивается в этом случае посредством активизации, "оживления" какой-либо второстепенной, "неживой" детали. Ею могут становиться рекламные объявления или этикетки, выполняющие функцию иконических знаков, соотносимых с вечными ценностями указанного выше контингента ("Бешеная весна", "Фигурное катание").

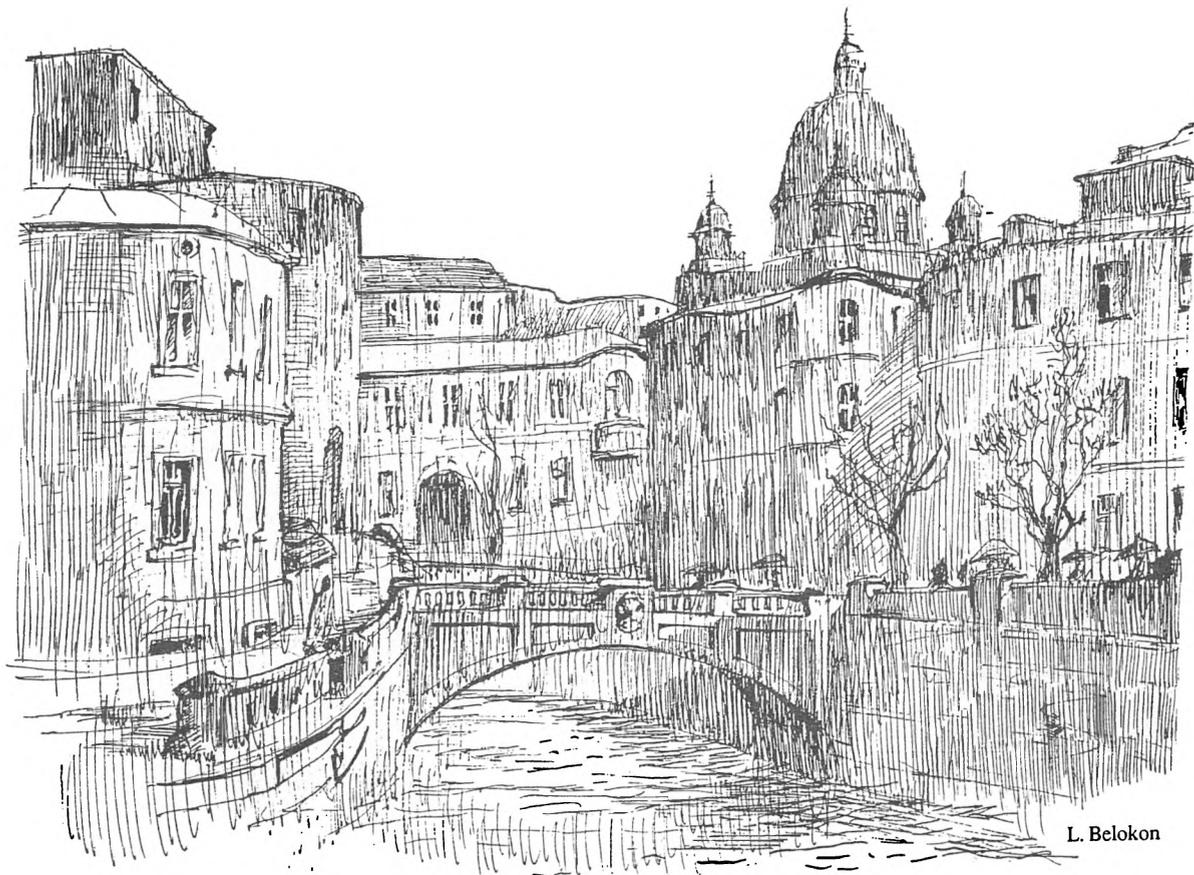
Возникала странная и вместе с тем правдивая картина жизни провинциального города. В самом деле, неуклюже, почти пародийно отозвалась глубинка на происходящие в стране перемены. Все оставалось по-старому, но означало уже иное. "Архаичный мотив" Пахомова звучал в современных ритмах кооперативной лампады. Сознание обывателя раздробилось и стало походить на множественные отражения в направленных друг на друга зеркалах. Он стал одновременно участником и зрителем какой-то многоактной абсурдной пьесы, на его глазах обнажался процесс взаимоперехода форм. В кафе, магазинах, кинотеатрах и парикмахерских житель глубинки мог часами любоваться сладкими конфетными коробками, ароматными пачками сигарет, марочными коньяками, винами, ликерами и еще чем-то таким, о чем он, выходец из далеких Талыблов, и не слыхивал. Но это был другой мир. Вернее, его не было совсем. На полках стояла пустая тара, реальность же предлагала прокисший яблочный сок и индийские веники. В то же время этот мир

где-то существовал, постоянно просвечивая сквозь серые будни потомка Акакия Акакиевича, что приводило его в некое делириозное состояние, усиливающееся обычно к вечерам ("Старая Уфа, сумерки"). Впрочем, это уже не совсем искусствоведческая тема.

Но сквозь этот алогичный мир, где все перепуталось, а явление существует как бы отдельно от сущности, проступает на картинах Лебедева иная реальность - апокалиптически-устрашающая и веселая одновременно. В названиях цикла работ, объединенных темой России, эсхатологическая окрашенность эпитета "белый" ("Белое пространство", "Белая лошадь", "Белый день") уравнивается мажорным звучанием выплывающих как бы из небытия силуэтов могучих коней, храмов и тяжеловесных, уверенно стоящих на земле мужиков. Иными словами, зрителю явлены два лика России: Россия сегодняшняя, от деревни ушедшая, но городом так и не ставшая, и Россия преобразенная, обретшая свою цельность, свой смысл. И оба эти лика воплощены в емком образе Белой лошади, чьи очертания символически обыгрываются округлыми куполами церквей.

Итак, мотив возвращения к природе становится ведущим в творчестве художников "Сары би", его разнообразное варьирование составляет суть их концепции. Созданный живописцами образ мира - романтически-идеальный или раешно-сниженный - обращен прежде всего к "доброй с т а р о й провинции", где человек ощущает кровную связь с землей и с в о и м делом. Нелегкий процесс обретения этого единства подобен Голгофе, восхождение на которую совершает современный крестьянин (Пахомов: "Голгофа", "Удел", "Возвращение Богородицы"). Осмеиваемый полупьяным мутантом, он являет собой образец самопожертвования во имя сытой жизни того же люмпена. И потому скорбно вникает ему деревенская баба с младенцем на руках - Богородица, чей прообраз "великая мать сыра земля". Потому и горит свеча на столе у одинокого мужика - путеводный огонек, освещающий дорогу к утраченной ныне гармонии⁸

⁸Признаться, очень хотелось бы закончить статью на этой патетической ноте, да как-то не вписывается в подобный настрой саркастическая ухмылка готового прыгнуть с креста мужичонки. Правда, как сообщил автору статьи Н. Пахомов, работа над "Голгофой" еще не закончена - окончательное ее решение подскажет жизнь.

L. Belokon

ГРИГОРИЙ МАРК

translated by Kathy Young

* * *

Мой дряхлеющий город засыпало синей золою,
 Это небо крошится на спины идущих с работы,
 Камертоны решеток протяжно поют над землею,
 И балтийская гниль набухает в груди, как мокрота.

Blue ashes have fallen over my decrepit city.
 It is bits of the sky scattering on the passerbys' backs.
 Grills are wailing over the ground like tuning forks,
 And Baltic dampness swells in the chest.

Глубоко под асфальтом в сырых цилиндрических трубах,
 Словно ампулы мертвого белого света, проворно
 Пробегают вагоны, телами набитые туго,
 И бесшумно во тьму исчезают пустые платформы.

Deep under the pavement, in wet cylindric pipes,
 Like ampules of dead white light, subway cars
 Run by rapidly, stuffed full of bodies,
 And empty platforms vanish into the dark.

Эскалаторы потную массу выносят наружу,
 Ошалевшие в давке выходят на тусклую площадь,
 Расползаются в улицы, лезут с терпеньем верблюжьим
 Вверх по скользким ступеням, находят наощупь.

Escalators bring the sweaty mass to the surface;
 People, crazed by crowding, come out into the dim-lit squares,
 Scatter into the streets, and climb with the patience of camels
 Up slippery steps, groping for the apartment doors.

Открывают клеенкой обитые двери, зевая,
 Опускаются грузно в колючие ребра диванов,
 И остатки вчерашней еды торопливо глотая,
 Застывают, уставившись в ящики с мутным экраном.

They open the oilcloth-covered doors, yawning,
 Sinking heavily into their sofas' prickly ribs,
 And, hastily swallowing yesterday's leftovers,
 Freeze, staring into boxes with hazy screens.

* * *

Дождем отполированный
Графин пузатый купола
На черном небе светится
В футляре золотом.
Струится свет с Исакия,
Полощется и хлюпает
Внутри вино закатное
Под пробкою с крестом.

The rain-polished, round-bellied
Wine-bottle-like dome
Shines against the black sky
In its cover of gold.
Light streams from St. Isaac's;
Under the cross-topped cork
The wine of the sunset
Is lapping and gurgling.

Вокруг собора кружатся
Автобусы стеклянные,
Ползут в оцепенении
По мокрой мостовой.
Как гроздь перезрелые,
Висят из окон пьяные,
Их головы тяжелые
Горланят вразнобой.

Round the cathedral
Glass buses are circling,
Creeping in slow-motion
On the wet pavement.
Like overripe grapes,
Drunks hang from the windows;
Their heavy heads screaming
In cacophonous voices.

Качаясь в люльке месяца,
Над ними отражается
Исакий перевернутый
В зеркальных облаках.
Над Петербургом нищенским
По небу растекается
Невероятной роскошью
Из купола закат.

Swaying in the moon-crib,
Reflected above
Is upside-down St. Isaac's
In the mirror-like clouds.
All over the sky,
Incredibly luxurious,
Flows sunset from the dome.

* * *

Под утро проснешься, и лес в негативе,
Блестит кокаиновый снег меж стволов.
Над горкой ребристой висят спотливо
Пушистые крыши озябших домов.

You wake up to the negative print of the forest,
To the cocaine-like sparkling of snow.
Over the steep hill are hanging, so lonely,
The fuzzy roofs of huddled homes.

Под заиндевелой луною текущей
Деревья в снегу голосят о весне,
И лыжники в белых одеждах беззвучно
Плывут привиденьями в синем окне.

In the frosty and flowing moonlight
The trees in the snow are wailing for spring,
And soundlessly, skiers clad in white
Glide in the blue window, like ghosts.

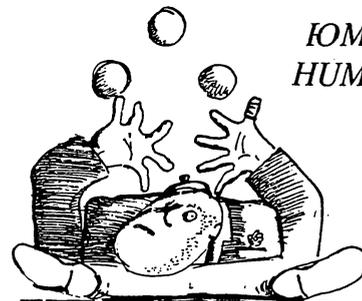
Ты что-то бормочешь со сна несуразно.
За синим стеклом начинается день.
И словно печать на имперском указе
В снегу расплылась твоя черная тень

Sleepy, you mutter something incoherent.
Outside the blue window, day starts to glow.
Like a seal upon an imperial edict
Is your black shadow impressed on the snow.

Стоишь у окна с сигаретой, бормочешь
И смотришь на тень, представляя себе,
Как тоненькой змейкой в столбе позвоночном
Тепло поднимается вверх к голове.

You stand by the window clutching a cigarette,
You watch the shadow, and in your mind
You see the warmth rising toward your head
In thin little coils inside your spine.

ЦИРК НА КЛАДБИЩЕ

CIRCUS AT THE CEMETERY

translated by Irina Barskova

Каждый прожитый день высекается на теле неизлечимой зарубкой, шрамом, фурункулом, прыщом. Советский, светлый, темный, радостный, печальный продукт невозможно сначала отыскать, потом достать, потом сварить, потом разжевать, потом проглотить, потом переварить, потом вытолкнуть из организма.

Символ социализма - разбитый унитаз. Обстановку видеть, слышать, понять - невозможно.

Жить нельзя! Но даже на эту жизнь покушаются. Люди живут, а пытаются жить неоднократно. Последнюю попытку начать жить предпринимают перед самой смертью... выезжая в другие страны, чтобы удобрить поля своими нитратными телами. Кто-то в муках рождает детей, удивляясь, почему муки не кончаются с их появлением, а сопровождают всю жизнь. Время от времени из репродуктора, затянутого паутиной, слышно новый закон и тихие предсмертные дебаты, которые не могут привлечь внимание копошащегося на свалке населения. Группы преступников уже никого не могут оскорбить, а тем более испугать мучительной смертью, что и так тянется от рождения.

В этом огромном цирке, возникшем на кладбище и веселящем весь мир, покойники сидят рядом с живыми и принимают на себя все упреки и подозрения. Здесь бродят толпы прихожан в поисках виноватых, и находят, и с криком присоединяют их к покойникам, добавляют заслуги, и еще долго пристают к мертвым.

"Как вы могли? Ну, как вы могли?" В этом веселом цирке, торчащем в центре цивилизованного мира, голодающем среди моря еды, оборванном среди гор одежды, болеют древней чумой, корью и водянкой. Старая машина здесь лучше новой, а вчерашний день лучше сегодняшнего. Бедные люди бьют землю кирками и ломami и дерутся

Each day that we live is being carved upon our body as an incurable indentation, a scar, a furuncle, a pimple.

The Soviet, bright, gloomy, joyous, sad product is being impossibly hard - first to find, then to buy, then to cook, then to chew up, then to swallow, then to digest, then to push out of the organism. The symbol of Socialism is a broken toilet bowl. To see these circumstances, to hear them, to understand is impossible. To live is impossible! However, there are attempts even on this life. People are not living but making numerous attempts at life. The last attempt to live is being made before the very death... by leaving for other countries in order to fertilize the fields with their nitrate bodies. Someone is giving birth to children in painful labor, wondering why the pain doesn't go away with their birth but rather lingers till death. From time to time a covered with cobwebs radio set transmits in a coarse voice a new law and subdued deathbed debates. However, they are unable to attract attention of the population that is rummaging at the city dump. The criminals are no longer able to scare anyone - let alone to insult anyone - with an agonizing death which has been dragging on as it is starting from birth.

At this huge circus - that has emerged in the middle of cemetery and now makes the whole world laugh - corpses are sitting next to living people. These corpses assume upon themselves all the reproaches and suspicions. Hordes of parishioners are roaming here in search of the guilty ones, and they find them, and with high screams put them together with corpses, and add merits to their records, and keep bothering corpses for quite a long time:

"How could you, ah? But how could you?" At this cheerful circus - which is sticking out in the center of the civilized world, starving amidst oodles of food, ragged among piles of clothing - people are sick with the ancient plague, measles, dropsy. An old car here is better than a new one, and yesterday is better than today. Poor people are beating the earth with picks and crowbars, and fighting each other for the imported shovel handles. The parliament is learning from the population, and the population is learning from the

за привозные рукоятки к лопате. И парламент учится у населения, а население учится у парламента и называет мат и ругань красиво: называет "дебатами".

И опять откапываются покойники. чтобы разглядеть их национальность. Здесь есть свои звезды и авторитеты, вся жизнь которых служит примером, кроме одного. - они не там родились. Если б они могли, они б зубами, ногами, локтями переменили место рождения, но они не могут и вынуждены служить примером всем остальным. И, разгребая кучу своей жизни, ищут в ней зерно какой-то любви, какой-то ночи, какой-то дружбы и клянутся быть вместе, уезжая по одному. Перевозя свои несчастья и уже там сипло вычеркивая "социализм", хотя из этих слов все человечество признает только "гомосексуализм". тоже от избытия. Что может быть интереснее этой картины, которую создаем мы своими лицами и телами, а вокруг стоят джентльмены во фраках, с дамами, и показывают сигарами:

- Вот этот, вот этот. - А вот это? - О, very good! Fine, изумительно. И неужели все это движется? - Да, сэр! - И ночами? - Да, сэр! - И что они там живут? - Ну, как сказать, сэр. Во всяком случае, сейчас они принимают какие-то законы. Вот если Вы прислушаетесь, слышно: "Консенсусы, кворум". Очень любопытно. Только немножко запах. Но что делать, они же живые! - А что ж они там едят? Ну, это не при цамах. - Но, я думаю, если открыть широкий доступ, это может быть интересно! - Да, сэр, смельчаков можно гуда запустить, нужна голько соответствующая экипировка. Что-то вроде скафандра. - А может быть, их чем-го подкармливать? - Ну, тогда какой смысл, сэр? Какой смысл это все содержать?

Где еще, когда еще, кто еще возьмет на себя смелость жить нашей жизнью, и еще праздновать, и еще любить, и еще сердиться на кого-то, и принимать близко к сердцу какие-то мелкие неприятности, типа творческих неудач?!

parliament. Four-letter words and swearing are given a beautiful game - they are called "debates".

And once again the corpses are being dug out in order to see more clearly their nationality. They have their own celebrities and authorities whose entire life is held up as an example, except for one thing - they were born at the wrong place. If they could, they would have struggled with their elbows, feet, teeth to change their place of birth, but they cannot do that. Therefore, they are forced to serve as an example to the rest of us. And they are digging into the heap of their life searching there for a grain of a certain love, a certain night, a certain friendship. And they are swearing to stay together leaving one by one. They carry their misfortunes with them, and once over there, they coarsely cross out the word "Socialism", even though of all the "isms" the human kind acknowledges only "Homosexualism", but that, too, is due to the overabundance. What could be more interesting than the picture that we create with our faces and bodies, while gentlemen in tuxedos are standing around with their ladies and pointing with their cigars:

- This one, that one. - And what about this? - O, very good! Fine, splendid. You mean to say that it all moves? - Yes, Sir! - Nights as well? - Yes, Sir! - And so, they live there? - Well, that depends, Sir. In any case, now they are passing some kind of laws. If you take the trouble of listening more closely, you will hear: "Consensus, quorum." - Very peculiar. Only it smells a little bit. - But what's to be done - they are alive, after all. - But what are they eating there? - Well, I cannot say it in front of the ladies. - But I think, if we open a wide access, it might be proven interesting! - Yes, Sir, audacious ones could be let there, but they would need a appropriate equipment. Something like a space suit. - But perhaps we should fodder them with something? - But then what would be the point, Sir? What would be the point in maintaining all that?

Where else, when else, who else will take upon themselves the courage to live our life, and still be able to celebrate, and to love, and to be angry at someone, and to take close to heart some trilling setbacks - for instance, artistic failures?!

ХРОНИКА ЦЕНТРА КУЛЬТУРЫ

Фото Алены Зиндер

6 июня 1992 года

Вечер цыганского и русского романса. Валентина Пономарева - непревзойденная исполнительница романсов. Вечер повторен по желанию слушателей и прошел с большим успехом.

June 6, 1992

An evening of gypsy and Russian romances. Valentina Ponomareva is an unsurpassed performer of romances. The evening was repeated at the request of those present, and it was a great success.

CHRONICLE OF THE CULTURAL CENTER

18 июля 1992 года

Клуб путешественников. Путешествие в
Олдвестбери

July 18, 1992

Travelers' club. A trip to Old Westbury Garden.

Фото Алены Зиндер

19 сентября 1992 года

**Центр культуры
эмигрантов и
Американская
Ассоциация
русских евреев**

В субботу, 19 сентября, в 2 часа дня
открытие киноклуба «ОСКАР».

Вы увидите новый фильм
«РОССИЯ, КОТОРУЮ МЫ ПОТЕРЯЛИ»
(режиссер С. ГОВОРУХИН).

Вас ждут интересный рассказ и дискуссия
о фильме, прием желающих в члены клуба
и приятные сюрпризы.

Дискуссию будет вести историк
Евгений НОВИЦКИЙ.

Адрес:

45 East 33rd St. Manhattan.

WORKMEN'S CIRCLE. Большой зал.

Вход — \$6.

Для членов Центра культуры или Ассоциации — \$5.

Открытие киноклуба "Оскар".

Просмотр и обсуждение кинофильма С. Говорухина "Россия, которую мы потеряли". Собралась большая аудитория. Дискуссию открыл и вел историк Е. Новицкий. Выступило 7 человек.

September 19, 1992

Opening of the movies club "Oscar".

Viewing and discussion of the film by S. Govorukhin "The Russia that We Lost". A great many people attended. The discussion was opened and led by the historian E. Novitsky. Seven people spoke.

26 сентября 1992 года

Встреча с известным поэтом А. Межировым, одним из лучших и одаренных художников 20-го века. Беседа, дискуссия, чтение новых произведений.

September 26, 1992

An evening with the celebrated poet A. Mezhirov, one of the finest and most gifted artist of the twentieth century. There was conversation, discussion and a reading of new works.

18 октября 1992 года

**КИНОКЛУБ
«ОСКАР»**

В воскресенье, 18 октября, в 2 часа дня
демонстрация и обсуждение нового фильма
(Москва, 1992 г.) режиссера АРОНОВИЧА

«ДЫХАНИЕ ЧЕЙН-СТОКА
или БОЛЬШОЙ КОНЦЕРТ НАРОДОВ»
(на русском языке с английскими субтитрами)

Вы увидите людей и события, с которых начался пылкий исход русского еврейства. Михоэлс и Зускин, Квитко и Фефер; врачи «отравители» и литераторы — «безродные космополиты» — герои этой замечательной исторической ленты.

Об этом времени и о себе коротко поведает писатель Александр МЕЖИРОВ.

Ведет встречу историк Евгений НОВИЦКИЙ.

Адрес:

45 East 33rd St., Manhattan. Большой зал "WORKMEN'S CIRCLE".

Проезд сабвеем D, F, V, N — до остановки 34 Street

Сабвеем № 6 (IRT) до остановки 33 St.

Вход \$6. Для членов клуба «ОСКАР» \$4.

Справки и резервирование мест по телефонам:

(718) 946-6485; (718) 449-9332; (212) 447-9603 (с 5 до 7 вечера)

Киноклуб "Оскар". Демонстрация и обсуждение нового фильма Ароновича "Дыхание Чейн-Стока, или Большой концерт народов" (на русском языке с английскими субтитрами).

Фильм посвящен раскрытию причин исхода русского еврейства.

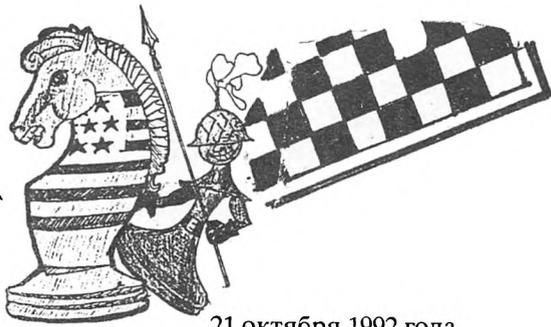
Встречу вел Е. Новицкий. В дискуссии выступил поэт А. Межиров.

October 18, 1992

The movie club "Oscar" showing and discussion of the new movie by Aronovich "The Breath of Chain-Stock The Grand Concert of Peoples" (in Russian with English subtitles).

The movie was dedicated to the disclosing of the reasons on the part of Russian Jewry for emigrating.

E. Novitsky led the evening. The poet A. Mezhirov took part in the discussion.

21 октября 1992 года

Встреча с гроссмейстером Л. Шамковичем, дважды чемпионом России, дважды чемпионом открытого первенства США, победителем ряда международных турниров и автором известных книг о шахматах.

October 21, 1992

A meeting with the grandmaster of chess, L. Shankovich, twice a champion of Russia, twice champion of the USA open tournament, the winner of a series of international tournaments and the author of well-known works on chess.

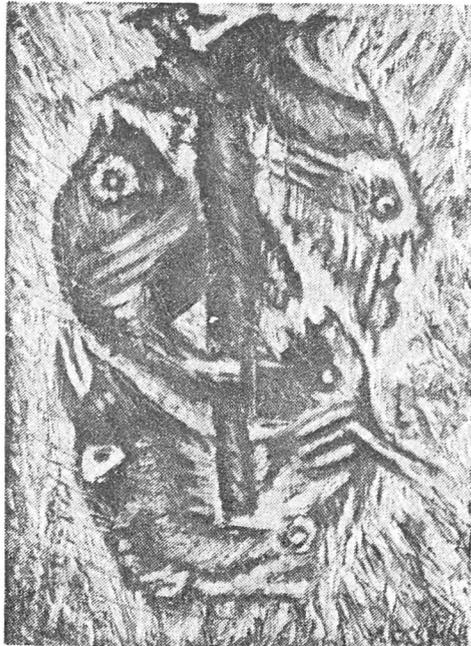
АМЕРИКАНСКАЯ
АССОЦИАЦИЯ
РУССКИХ ЕВРЕЕВ

КЛУБ «PARK AVENUE»

В среду, 21 ОКТЯБРЯ, в 6 часов вечера
ВСТРЕЧА С МЕЖДУНАРОДНЫМ ГРОССМЕЙСТЕРОМ
ЛЕОНИДОМ ШАМКОВИЧЕМ,
дважды чемпионом Российской Федерации,
дважды чемпионом открытого первенства США,
победителем ряда международных турниров
и автором известных книг о шахматах.
Гроссмейстер Л. ШАМКОВИЧ
расскажет о матче ФИШЕР—СПАССКИЙ.
— Ответы на вопросы. Разбор партий.

Адрес:
45 East 33 Street, Manhattan,
Большой зал "WORKMEN'S CIRCLE".
Проезд поездами D, F, B, N — до остановки «34 ул.»
поездом 6 (IRT) — до остановки «33 ул.»
Вход — 3 долл.

Справки по тел. (212) 447-9603; (212) 779-0383

Nina Kossman
ТОТЕМ
12" X 22", oil on canvas, 1991

This exhibition was made possible in part with public funds from the New York State Council on the Arts

Cultural Center for Soviet Refugees Inc.
and Russian House Gallery

PRESENTS

**WOMEN-
ARTISTS**

Russian House Gallery
November 19 - December 31

**ELENA GALKOVA
NINA KOSSMAN
ELENA STARENKO
MARINA TELEPNEVA**

21 ноября 1992 года

Киноклуб "Оскар". Встреча с драматургом, сценаристом, прозаиком Г. Гориним.

Показ фильмов "Новый дом на Арбате", "Андрей".

Вечер прошел с большим успехом и собрал большую аудиторию.

November 21, 1992

Movie club "Oscar". A meeting with the G. Gorin, the writer of plays, scripts and prose.

A showing of the movies "A New Home on the Arbat", "Andrei". The evening met with great success and was very well attended.

19 декабря 1992 года

Литературные чтения. Ведет поэт А. Межиров.

Размышления о судьбах русской поэзии, воспоминания о малоизвестных страницах жизни А. Ахматовой и Б. Пастернака. Новые произведения поэта. К чтениям издан сборник стихотворений А. Межирова, раскупленный любителями его поэзии.

December 19, 1992

Literary readings. Led by the poet A. Mezhirov. A reading of his new works.

Суббота,
21 ноября
в 1 час дня

КИНОКЛУБ «ОСКАР»
ГРИГОРИЙ ГОРИН
драматург, сценарист,
сатирик
чтение отрывков
из новой книги
«О ДРУЗЬЯХ-АКТЕРАХ»

Показ фильмов
«НОВЫЙ ДОМ АКТЕРА НА АРБАТЕ»
(1992 г.)
с участием М. МИРОНОВОЙ, Б. ОКУДЖАВЫ,
А. ШИРВИНДТА, Н. ГУБЕНКО и др.
«АНДРЕЙ» (фильм об Андрее
Миронове, 1991 г.)

Адрес: 45 East 33rd St., Manhattan.
Большой Зал "Workmen's Circle".
Проезд сабвеем D, F, В, N до остановки "34 Street".
Сабвеем № 6 (IRN) — до остановки "33 Street".
Вход — \$7, для членов клуба — \$5.

Справки и резервирование мест по тел.
(212) 447-9603, (212) 684-2356, (718) 946-6485,
(718) 449-9332 (работает автоответчик), (201) 854-7901.

НАШИ ПЕРЕВОДЧИКИ:

OUR TRANSLATORS:

Алена Бачко
Yelena Bachko

Ирина Барскова
Irina Barskova

Брайан Байер
Brian Baer

Лидия Монахова
Lidia Monahova

ОТ РЕДАКЦИИ:

"СЛОВО" - демократическое издание на русском и английском языках: литература, искусство, общественные проблемы. Издатель - Центр культуры эмигрантов из Советского Союза.

EDITOR'S NOTE

"WORD" - Russian and English Language Liberal publication: literature, arts, social problems. Editor: Cultural Center for Soviet Refugees. 139 East 33 St. #9M New York, N.Y. 10016

**Publisher: Cultural Center for Soviet Refugees - CCSR
Partially subsidized by the N.Y. State Council on the Arts**

ПРИБРЕТАЙТЕ ДЕФИЦИТНЫЕ СЕГОДНЯ СПЕЦИАЛЬНОСТИ!

Американская Ассоциация Русских Евреев предлагает эмигрантам с техническим образованием помощь в обучении следующим специальностям, имеющим спрос на американском рынке труда:

- 1. Техник по электронному биомедицинскому оборудованию;**
- 2. Техник по отопительным, вентиляционным и кондиционерным установкам.**

Шестимесячный курс включает 300 часов основной теории с лабораторной практикой и 80-100 часов семинаров по специальной инженерной подготовке, ставящей цель приобретение прогрессивного опыта.

Все студенты проходят двухмесячную практику в соответствующих учреждениях (госпиталях и т.д.).

По окончании дается свидетельство о сдаче экзаменов в объеме колледжа и специальное свидетельство о прохождении практики.

Предлагаются также 12-ти месячные программы по специальностям:

- 1. Техник по отопительным, вентиляционным и кондиционерным установкам;**
- 2. Техник-электронщик;**
- 3. Техник по аудио- и видеоэлектронной аппаратуре;**
- 4. Техник для работы в конторских учреждениях.**

При обучении серьезное внимание уделяется техническому английскому языку и приобретению американской технической культуры. Студенты получают свидетельство об окончании колледжа. После 6-ти месяцев учебы оказывается содействие в поисках работы.

Имея указанные свидетельства можно облегчить свою последующую карьеру и получить степень Associate in Applied Science или Associate in Occupational Science, продолжив образование в дневное или вечернее время.

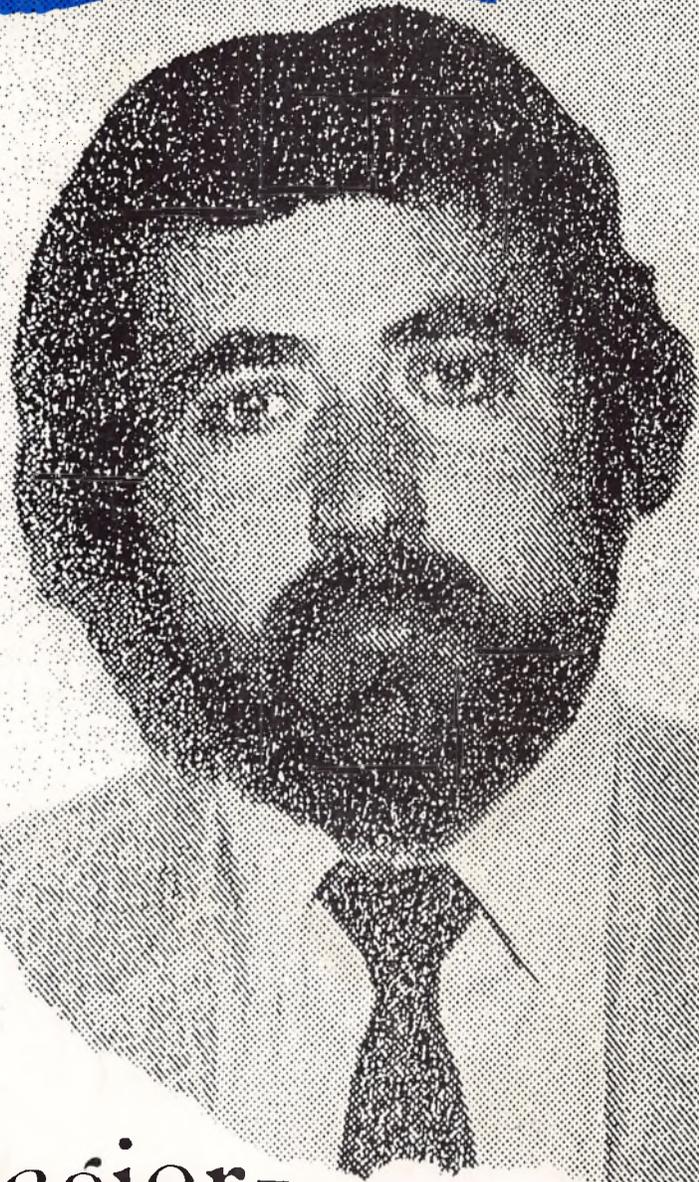
Желающие получить направление для зачисления на учебу могут обратиться по вторникам с 3 до 6 часов в офис Ассоциации (45 East, 33 Street, B-2. Проезд сабвеем D, F, B, N до остановки 34 Street или сабвеем N 6 до остановки 33 Street).

Прием желающих в остальные дни недели по предварительной договоренности по тел (212) 779-0383 (работает автоответчик) или (201) 854-7901.

Американская Ассоциация Русских Евреев

300
MAGIER & SAVRIN
Suite 2407
450 Seventh Avenue
New York, N.Y. 10123

Tel: (212) 564-8525
Fax: (212) 967-0867

Seymour Magier- -Attorney at Law

- Адвокат помогает эмигрантам в получении «Грин-Карт» и гражданства
- Все виды оформления и регистрации новых бизнесов
 - Покупка и продажа бизнесов
- Покупка и продажа домов и квартир